

№ 3. 3(2)

4461

М. ЩЕРБАТОВ

**НЕИЗДАВАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

О Г И З • С О Ц Э К Г И З

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулешова

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

92
Щ-61

КНЯЗЬ

М. М. ЩЕРБАТОВ

НЕИЗДАННЫЕ

СОЧИНЕНИЯ

О Г И З · С О Ц Э К Г И З

1935

87289 4
Щ-61

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кушнецова

Рукописи Щербатова, выпускаемые ГИМ, являются дополнением к ранее изданным его сочинениям, ярко отражая социальные и политические взгляды этого дворянского публициста XVIII в. Некоторые из них, например статьи о военных поселениях, дают совершенно новый материал для характеристики его взглядов. Публикация сопровождается примечаниями и небольшой вводной статьей.

Редактор *Н. Рубинштейн*. Технический редактор *Е. Этингер*.
Сдано в производство 31/III 1935 г. Подписано к печати 9/VII 1935 г.
Формат 82×110/32. Печ. л. 15¹/₂. Зн. в печ. л. 36290.
Тираж 5 000 экз. ОГИЗ № 147. Заказ № 356.
Уполномоченный Главлита Б-8660
Цена 3 руб. Переплет 50 коп.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Настоящим выпуском Государственный исторический музей возобновляет издание своих трудов.

Первый выпуск посвящен неизданным сочинениям кн. М. М. Щербатова, крупнейшего дворянского публициста XVIII в.

Щербатов, яркий и последовательный защитник дворянских интересов, дает в своих работах разнообразный и интересный материал для освещения таких сторон эпохи, которые современные ему официальные деятели и позднейшие поклонники «века Екатерины» из буржуазно-дворянских публицистов и историков намеренно оставляли в тени за громкими хвалами по адресу «Фелицы», изливающей «блаженство» на всех своих подданных.

В архиве Государственного исторического музея хранятся в оригиналах и копиях многие неизданные сочинения Щербатова. Для большей полноты сборника Музей присоединил и некоторые другие его сочинения, хранящиеся в иных собраниях Ленинграда и Москвы*.

Настоящий сборник не претендует на исчерпывающую полноту: из всего неопубликованного литературного наследия Щербатова в нем даются лишь сочинения, представляющие для нас большой научно-исторический интерес; сюда например не включены переписка Щербатова, его проект «о среднем роде жителей в России», примечания на «доклад шестого департамента правительствующего сената по делу владимирского господина губернатора Самойлова», отрывок статьи о приказах и др. До сих пор остаются неопубликованными также и переводные рукописи Щербатова, среди которых находит-

* Подробные сведения о рукописях см. в примечаниях к ним.

ся интересный перевод сочинения Гольбаха «Естественная политика»*.

Публикуемые сочинения расположены в хронологическом порядке с выделением в особый отдел художественной прозы и стихов. Щербатов, за немногими исключениями, не датировал своих произведений; но по содержанию текста можно установить более или менее точно даты написания печатаемых произведений.

Перевод письма Щербатова в Вольное экономическое общество по крестьянскому вопросу сделан Дм. Ив. Шаховским, предоставившим для настоящего издания также копию «Замечаний Щербатова на большой наказ Екатерины II» и два стихотворения: «Оставь ты суету, в себя дньсь возвратися» и «Сильна рука владыка», за что дирекция ГИМ приносит ему свою благодарность.

В публикации сохранен подлинный стиль Щербатова за исключением следующих изменений в тексте:

1. Такие слова, как «государь», «император», «монарх», «бог» и т. п., даны с маленькой буквы.

2. Щербатов пишет без мягкого знака такие слова, как «весьма», «довольно», «вельможа», «удовольствие», «польза», «начальник» и т. п., а также неопределенное наклонение. В таких словах везде поставлен мягкий знак.

3. Написанные у Щербатова сокращенно «гдрь», «гдрство» и т. д. даны полностью.

4. Что касается остальных, довольно частых отступлений от современной орфографии и грамматики, как например несогласование родов, особенность и разнородность глагольных окончаний («тца» вместо «тся»), употребление предлога «за» вместо «с» и т. д., то все это оставлено без изменений, чтобы сохранить подлинный колорит щербатовской речи, за исключением падежных окончаний «ья» и «ия», замененных современной орфографией «ые» и «ие».

5. Знаки препинания расставлены согласно современным требованиям: употребление их у Щербатова крайне произвольно и часто нарушает логический смысл речи.

* Это сочинение Гольбаха не переведено на русский язык, отрывки из него помещены во втором выпуске «Хрестоматии по французскому материализму XVIII в.», изд. «Прибой», Петроград 1922 г., стр. 23—27.

6. Отдельные буквы и слова, внесенные редакторами, а также расшифрованные инициалы взяты в квадратные скобки.

Издание подготовлено к печати проф. П. Г. Любимировым и М. В. Жижка и редактировалось профессором П. Г. Любимировым.

В процессе подготовки текстов к печати оказывали помощь научные сотрудники Архива ГИМ и Государственной исторической библиотеки.

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ.

Князь Михаил Михайлович Щербатов несомненно был одним из наиболее интересных и очень разносторонних людей своего времени. Его бюрократическая служба, общественная деятельность и литературные работы относятся ко второй половине XVIII в. Личность его складывалась и мировоззрение оформлялось в обстановке и под воздействием русской действительности времени Елизаветы. Но самый расцвет разнообразной деятельности Щербатова относится к царствованию Екатерины II. И занятые им и упорно отстаиваемые им классовые позиции, и его роль в тогдашней жизни, и значение его сочинений для нас могут быть правильно поняты и оценены лишь в связи с эпохой, в которой он жил и действовал.

Сороковые и пятидесятые годы XVIII в. — годы детства и юности Щербатова (он родился в 1733 г.) — были временем значительных хозяйственных успехов в России. Энергично развертывалось в эти годы сельское хозяйство, быстрыми шагами шла вперед промышленность, стремительно возрастал внешний обмен и развивался внутренний торговый оборот.

Российское дворянство, добившись при Анне Ивановне сокращения срока обязательной службы до 25 лет и получив одновременно полное освобождение от службы одного из семьи, могло в эти годы в большей мере, чем прежде, заняться хозяйством в деревне. «Вольность» дворянская в силу манифеста 1762 г. открывала в этом отношении еще более широкие возможности. И обстановка середины XVIII в. стимулировала в помещиках интерес к сельскому хозяйству.

Рост спроса на его продукты внутри государства и на внешних рынках поднимал цены. Даровой труд крепост-

ных и возможность использовать для своих полей и лугов крестьянский инвентарь облегчали ведение хозяйства при минимальных затратах. Вместе с тем деньги постоянно и все в больших количествах нужны были представителям «благородного» сословия, все сильнее тянувшимся к европейским удобствам жизни, к комфорту и роскоши.

В поисках доходных статей дворяне не только расширяли полеводство и увеличивали поголовье лошадей и скота, не только отдавали возможно больше места посевам льна или конопли и безжалостно сводили леса, они постарались развернуть и промышленность, особенно по обработке своего сырья. С 40-х, еще заметнее с 50-х годов XVIII в. умножаются дворянские мануфактуры (полотняные, парусные, суконные, стеклянные заводы и некоторые другие). Наиболее удобным для дворянского предпринимательства оказалось винокурение. Хлеб, особенно в глубинных пунктах, далеко не всегда находил покупателей на месте, перевозка на дальние расстояния съедала все барыши. Спирт или водку не было надобности отправлять для продажи далеко: обычно в ближайшем городе их с охотой брал откупщик. Несложное оборудование винокуренного завода, легко дробимое, с удобством можно было приспособить к количеству своего сырья. И еще при Елизавете помещики добились закрепления только за ними — в пределах старой территории Московского государства (на Украине и в Прибалтике в силу старых их привилегий оставалась свобода винокурения) — монополии винокурения; только временно, до тех пор пока казенные и дворянские заводы не окажутся в состоянии обеспечить весь спрос на водку полностью, могла продолжаться работа купеческих заводов.

В отличие от земледельческого хозяйства и связанного с ним небольшого скотоводства, почти не требовавших вложения капитала, все промышленные предприятия нуждались в больших или меньших средствах на оборудование, часто еще на закупку сырья, обязательно на приобретение других материалов (например краски в суконном деле), на наем хотя бы немногих специалистов. И потому все эти хозяйственные устремления оказывались по плечу более состоятельным слоям дворянства; помещицья мелкота оставалась по необходимости в стороне от создания промышленных предприятий. Но среднее и высшее по

достаткам дворянство через промышленность еще более и еще многообразнее входило в отношения с буржуазией, еще сильнее должно было ощущать ее значение в государстве и конкуренцию в своих начинаниях. Именно к этой последней среде и принадлежал Щербатов, член аристократической семьи русского столбового дворянства.

Хозяйственный подъем середины века шире и успешнее, чем дворянство, использовала буржуазия. Если она почти не имела отношения к производству сельскохозяйственных продуктов, то скупку их и торговлю ими в значительной мере держала в своих руках. Ликвидация внутренних таможен в 1754 г. позволила энергичнее развернуться внутреннему торговому обороту. В промышленности купеческая мануфактура постепенно начинает брать верх над дворянской, причем в первой заметную роль и до 1762 г. играл более производительный наемный труд. Отмена права покупки к фабрикам и заводам крепостных в 1762 г. переводила вновь разворачивающиеся купеческие предприятия уже на капиталистические рельсы. Поднимались новые слои из крестьянства, бравшиеся за торговлю, создававшие свои мануфактурные предприятия. Секуляризация церковных имений в 1762—1764 гг., сняв путы с монастырских крестьян (около миллиона душ в государстве), открыла им большие возможности участия в торговой и промышленной деятельности и перехода в купечество.

И при этих условиях дворянству приходилось уже с значительным напряжением отстаивать свои позиции в новой обстановке.

Ни разворачивание сельского хозяйства с все большим нажимом на «подданных» — крестьян, ни попытки создания промышленных предприятий или участие, закулисное или открытое, в подрядках, поставках и откупах не могли ликвидировать, даже приостановить процесса «оскудения» дворянства, обозначившегося уже к середине XVIII в. Жизнь не по средствам, громадные дворни, собственные оркестры и театры, увлечение рысаками и пр. вымывали, и чем далее, тем больше, дворянские капиталы. Старые сбережения расплывались, как дым. Искали поддержки в службе государственной и по выборам, привлекательной не только и часто не столько жалованьем, сколько «безгрешными доходами» (взятками, подарками и вымогатель-

ством). Пускали в оборот наследственные, благоприобретенные и пожалованные имения, совершая под них займы (редко когда выплачиваемые), продавая их по частям, а то и сразу, целиком. Наконец, прямо обращались за помощью к власти, вымаливая безвозвратные ссуды на расплату с долгами, на выкуп заложенных имений или семейных драгоценностей. Еще в середине века жаловались на денежные затруднения тогдашние богачи-вельможи Воронцовы, распродавали деревни Волконские. В мае 1773 г. Щербатов, признаваясь, что его крупное состояние расстроено долгами отца и тестя, просил у императрицы (и получил) 40 тыс. руб. на поправление дел и для избавления его от необходимости заключиться на «несовместимое» с его достоинством житье в деревне.

Развернувшееся в 1773—1774 гг. движение Пугачева должно было оказать очень чувствительное воздействие на народнохозяйственный организм; оно глубоко потрясло крепостное хозяйство как в самом районе восстания, так и на всей территории российской империи: во второй половине XVIII в. отдельные части страны были достаточно крепко связаны внутренним взаимодействием в хозяйстве. Очень тревожное состояние переживали районы, не охваченные восстанием, но готовые войти в него при первой удобной конъюнктуре; и в них конечно хозяйственная деятельность не могла идти нормально. А затем надо учесть громадный ущерб в рабочей силе, нанесенный и самими столкновениями борющихся сил и еще более разгулом безудержной мести победителей и бегством потерпевших поражение крестьянских масс.

Война с Турцией 1768—1774 гг. и вмешательство в дела Польши, требовавшие громадных жертв и людьми и средствами, усугубляли тяжелое состояние экономики страны. И естественно, что в 70-х и начале 80-х годов XVIII в. дальнейшее развитие хозяйства должно было задержаться. А на последние годы жизни Щербатова уже падают затруднения в разных областях экономики, выявлявшие полную картину наметившегося кризиса крепостных устоев тогдашней России, помещичьего крепостного хозяйства. Для конца XVIII в. легко можно назвать десятки дворянских, очень богатых и средних по состоянию семей, которые, запутавшись в долгах, усиленно занимались поисками денег под векселя и залоги,

волновались по поводу запозданий с внесением процентов, добивались отсрочек в уплатах ссуд и т. д., словом, являли определенную картину оскудения и крайних затруднений.

Постоянные нехватки денег вынуждали дворян, не выжидая более благоприятной конъюнктуры на рынке, выбрасывать для продажи за покрытием своих потребностей все, что давало им собственное хозяйство и натуральные оброки с крестьян, заставляли частенько перехватывать большие или меньшие суммы у купцов вперед под будущий урожай, просить задатков из казны при поставках сукон, железа и пр. Конечно, при таких условиях не дворяне устанавливали цены на рынке: с болью и ненавистью приходилось им подчиняться тому, что диктовали толстосумы-купцы. А попавший в цепкие лапы ростовщиков совсем уже вынужден был частенько сбывать за бесценок не только излишки, но и необходимое для себя, лишь бы избавиться от унижительных и разорительных описей имущества и продажи с молотка.

А наряду с этим в состав «благородного» сословия вливались из разных слоев новые и новые лица, достигавшие приносящих дворянское звание чинов и жалуемые сверху дворянством за разного рода службы и услуги. Тут и Шкурин, камердинер Екатерины, и Шешковский, верный слуга абсолютизма в Тайной канцелярии, из обычной чиновной братии, и Полторацкий, попавший в дворянство из духовного звания вследствие блестящей певческой карьеры, тут и солдатские дети, дослуживавшиеся до офицерства, а иногда и генеральства и т. д. Особенно важно отметить проникновение в дворянство детей купцов и фабрикантов. Евреиновы и Милютины, Щепочкины и Мещаниновы, Гончаровы, Мальцевы, Яковлевы, получая дворянство, скупали большие владения и выходили на передовые позиции в дворянских рядах по своим богатствам и влиянию.

С тревогой и недоброжелательством должно было дворянство следить за ростом купечества. С ростом удельного веса буржуазии шло и оформление ее программы. В своих заявлениях и требованиях и устами и перьями становившихся на его позиции писателей купечество не просто отстаивало свое место под солнцем: оно — или за него другие — решалось настаивать, что оно — соль земли,

главная творческая сила в государстве. В наказах и словесных турнирах в комиссии 1767 г. представители купечества вступили в открытый бой с дворянами по важнейшим жизненным вопросам современности.

Одним из вопросов, по которому шел бой в комиссии и вне ее, был вопрос о положении и месте в государственной жизни крестьянства. Купцы готовы были сочувственно смотреть на рост в составе сельского населения более богатой верхушки, при условии ее слияния с купечеством, перехода в ряды городской буржуазии. Но поскольку половина крестьян была частной собственностью дворянства и не могла распоряжаться своей судьбой, купцы решительно протестовали против участия этого крестьянства в торговле и требовали монопольного утверждения за собой этой экономической деятельности.

С другой стороны, при наличии крепостнических отношений российское купечество пыталось ставить вопрос о распространении и на него права в той или иной мере владеть крепостными. Но, не надеясь добиться этого, купцы в комиссии если не настаивали открыто на ликвидации владения душами, то во всяком случае своими голосованиями обнаруживали сочувствие всем предложениям, клонившимся к ограничению в этом отношении прав дворянства, к обузданию его ничем не сдерживаемой эксплуатации труда его «подданных». И именно буржуазия в значительной мере расхватывала те отечественные книги, в которых выступалась на свет эта власть крепостников со всеми ее темными сторонами. «По вкусу мещанству» пришелся например новиковский «Трутень» — журнал с яркими обличительными картинами крепостнической действительности, который по требованию читателей не раз переиздавался на протяжении XVIII в. А единодушные с буржуазией лучшие представители разночинной интеллигенции выступали и вне сатиры с критикой рабовладения, с требованиями признания человека в крепостном. В 1765 г. «Вольное экономическое общество», организация, в которой было немало помещиков, поставило на обсуждение крепостной вопрос и увенчало премией сочинение, говорившее о необходимости улучшения положения крепостных и постепенной подготовки их освобождения. А к последнему году жизни Щербатова относится самое яркое,

самое цельное и убедительное выступление против крепостного права А. Н. Радищева. К сожалению мы не знаем, читал ли его знаменитое «Путешествие» Щербатов.

Крепостной вопрос ставили в порядок дня и сами крестьяне. Постоянное и все возрастающее, особенно от очень притеснявших господ, бегство крепостных, учащавшиеся поджоги дворянских усадеб, гумен и амбаров и убийства дворян и ретивых представителей их администрации превращались из индивидуальных актов в коллективные выступления отдельных сел и деревень, целых вотчин, даже районов и увенчались потрясшим все государство массовым выступлением крепостных в движении Пугачева.

На такие «аргументы» снизу против крепостного права дворянство отвечало расстрелом безоружной или запасшейся кольями крестьянской толпы, ссылкой в Сибирь «зачинщиков» и «подстрекателей», поркой на конюшне всех — или каждого десятого — участников «возмущения». Одновременно в политической дискуссии оно пытается дать обоснование правам и преимуществам «благородных», объяснение того, как и почему эти права сложились и должны существовать. Дворянство выдвигает из своей среды идеологов своих классовых привилегий. Из них самым крупным, наиболее одаренным и преданным интересам своего класса был Щербатов.

Но разъяснения и обсуждения требовали не только взаимоотношения дворянства с купечеством; оправдание и защита дворянских прав нужны были не только в вопросе о крепостных. Отстаивание интересов «благородного сословия» проводилось и перед лицом власти. В этой сфере получалось также немало недоразумений между выросшей чиновничье-дворянской монархией и наиболее рьяными идеологами дворянства, считавшими, что эта власть недостаточно, не так, как надо, охраняет дворянские интересы.

Неспокойно в дворянских имениях: господа «бывают зарезываемы» от своих слуг, вытравлиются луга, вырубается ценный лес и т. д. Старая администрация не в силах справиться с осложнившимися задачами новой обстановки. Надо приблизить власть «к населению», надо дать участие дворянству в разрешении местных вопросов. Пугачевщина сделала реформу настоятельно неотложной,

и в спешном порядке с 1775 г. вводится в жизнь новое «Учреждение о губерниях». Рациональнее построен аппарат, большую роль играет в нем местное дворянство. Но идеологу дворянства кажется, что не целиком осуществлены его требования, что выбираемые дворянством капитан-исправники превращаются в винтики бюрократической машины, что слишком широки полномочия «наместников ее императорского величества», что сами чиновники из дворянства перерождаются в царских чиновников и служат больше «лицам», чем дворянскому «делу».

Дворяне пожалованы высочайшей милостью — «грамотой» 1785 г., получили самоуправление, организуют, правда, не в общеимперском масштабе, а в скромных губернских границах, особый «корпус». Однако и здесь не осуществлены в полной мере широкие дворянские пожелания. Выборы губернского и уездных предводителей не обходятся без закулисных внушений или прямого давления со стороны губернатора, а к его голосу, к его желаниям не могут быть безразличны дворяне, частью у него же в губернии служащие или ищущие службы, частью заискивающие перед властью, рассчитывая на снисхождение к своим «поступкам» в отношении крепостных и обеспечивая себе внимание и помощь в разных случайностях жизни. И предводитель, призванный — с точки зрения дворян — быть их руководителем, защитником их интересов в местных учреждениях, приставленный от них постоянным ревизором при местной администрации, в действительности, участвуя в различных комитетах, сам становится одной из составных частей приказной машины, употребляется губернатором или наместником для воздействия на дворян и т. д. И мысль, что они являются орудием взамен гордой мечты быть командиром для вся и всех, нередко приходит в голову пытающимся разобрататься в обстановке представителям «благородного» сословия, «опоры престола и отечества».

Не все благополучно и в центре. Учреждения заполнены чиновниками всяких рангов, далеко не всегда благородного происхождения. Даже становясь сенатором, дворянин далеко не всегда был в состоянии действительно заставить чиновничий аппарат быть простым исполнителем своей воли. Бюрократический аппарат, создававшийся когда-то в качестве орудия дворянства, превращался во

что-то самодовлеющее, в организацию, живущую по своим законам.

И сам абсолютизм, слагавшийся как форма политического господства дворянства, создав мощную регулярную армию и довольно удачно слаженную бюрократическую машину, перерастал в не всегда покорную всем «прихотям» дворянства чиновничью монархию. Конечно, не все осмеливались и помыслить о такой высокой теме. Тайная канцелярия с ее магически действовавшим «словом и делом», а при Екатерине целиком ее заменившая Секретная экспедиция сената, руководимая известным «кнутобойцем» Шешковским, жестокой расправой пресекали суждения на щекотливые политические темы. Но про себя безопасно было размышлять или в кругу преданных друзей можно было рискнуть рассуждать и об этом, невольно всплывавшем у всякого политически развитого дворянина, в вопросе.

Так много разнообразных тем вставало перед чуткими к своим интересам представителями дворянского класса. К числу таковых принадлежал и князь Михаил Михайлович Щербатов.

Член богатой аристократической семьи, Щербатов получил неплохое по тому времени образование: он знал немецкий и итальянский языки и свободно владел французским, открывавшим доступ к сокровищнице всяких новых идей — литературе «просветителей» и классиков. Рано определившийся вкус к серьезной книге сделал Щербатова не только любителем чтения, но и собирателем рукописей и книг: к моменту смерти у него была библиотека примерно в 15 тыс. томов самого разнообразного содержания. Еще в молодых годах почувствовал он страсть к писанию и в 1759—1760 гг. поместил в популярном тогда академическом журнале «Ежемесячные сочинения» ряд большей частью переводных статей отвлеченно политического или морально-философского содержания. Другие такого же характера компилятивные работы тех же лет, а также некоторые оставшиеся ненапечатанными переводы разных трактатов, в том числе «Естественной политики» Гольбаха, того же или более позднего времени, свидетельствуют о серьезных темах, интересовавших его в молодости. Печатные статьи, появившиеся в свет без имени автора, не блещут еще ни новизной тем, ни само-

стоятельностью трактовки, ни яркостью языка, и славы Щербатову не приобрели.

Своему поколению и русской историографии он стал прежде всего известен как историк. Определенным вкусом к истории достаточно широко отмечено все щербатовское поколение дворян. Ведь одновременно с ним подрастали и, очевидно, тогда же получили интерес к познанию прошлого и Ник. Ив. Новиков, будущий издатель разных исторических памятников, и Ив. Ник. Болтин — основательный критик «Истории» Щербатова и труда по русской истории француза Леклерка, и воспитывавшаяся в России Екатерина II, писавшая уже на троне «Записки касательно российской истории». Наши рукописные собрания свидетельствуют, что в 40-е и 50-е годы XVIII в. и многие другие проявляли широкий интерес к отечественному прошлому.

Такое влечение к истории конечно не случайность. Для Щербатова, как и для многих его современников, история была ступенью к политике, изучение прошлого было необходимо для решения задач настоящего. Он сам объяснял свои занятия историей тем, «дабы через оную научиться познать состояние России» (современной ему). Если молодые дворянские публицисты конца 50-х и начала 60-х годов смело выступали в защиту дворянских прав и преимуществ, то для обоснованности их суждений о «благородстве» дворянских фамилий, для убедительности их доказательств о старинных службах предков их отечеству, купивших им право на имения и труд крестьян, — для всего этого они ищут исторических свидетельств.

Щербатов в середине 60-х годов приступил уже к писанию своей «Истории Российской», которой и занимался до конца дней своих: третья часть седьмого тома, оборванная на полуфразе смертью автора, вышла уже посмертным трудом в 1791 г.

Охват изучением русского прошлого у Щербатова очень велик. В 15 книгах своей «Истории» он рассказал судьбы российского государства от Рюрика до низложения Шуйского (летом 1610 г.), а во введении начал изложение даже со скифской поры, в которой разыскивает предков восточных славян. В других работах и публикациях Щербатов затронул и более поздние эпохи. Изданием «Летописи о многих мятежах», доведившей рассказ до середины XVII в., и работой «Краткая повесть о бывших

в России самозванцах» Щербатов вошел уже в XVII в., а издание «Тетрадей записных» и «Журнала Петра великого», работы Дм. Феодози «Житие и славные дела Петра великого» и Феофана Прокоповича также о Петре и многократное обращение к петровской поре в сочинениях самого Щербатова приводили его и к первой четверти XVIII в. Вторая четверть его для Щербатова являлась уже современностью; поэтому в писаниях Щербатова она попадает непосредственно в его публицистику.

Итак, исторический «опыт» Щербатова очень велик. Что же извлек из него историк и что и как передал современникам?

Щербатов интересовался собственно почти исключительно фактами, событиями; процессы его не привлекали. При изложении фактической стороны объяснения событий он ищет только в воле, желаниях, страстях действующих лиц. Понять их легко, ибо «внутренность человека есть всегда одинакова». Изменения в человеке, «в нравах», происходят от «науки, просвещения и самого закона». И при «невежестве» наших предков история до Петра представляет мало изменений, состоит в сущности только из «деяний», в первую очередь государей (по правлениям которых и разбит хронологически рассказ Щербатова). Историка-аристократа занимают «благородные», рядом с князьями и царями они для него положительное явление в истории. В интерпретации Щербатова «именитые роды» составляют «уже довольно уверенное по их именованьям, что они без тягости народной всю справедливость учинят»*.

Взаимоотношения знати и власти не могли не интересоваться историка-аристократа, и если он не уделил в своей истории особых разделов для характеристики политических порядков того или другого времени, то в общий рассказ о событиях он вплетал свои суждения на такую важную для него тему. В утопической (или созданной) Офирской земле аристократии принадлежит в сущности вся власть. В реальной, современной князю российской действительности он хотел бы более достойного поведения раболепствующих перед государыней сенаторов, настаивал на том, чтобы сенат — по законам Петра — реально

* «История», т. VI, стр. 521.

осуществлял право «представлений» даже на высочайшие указы, желал фактического, а не словесного, как это было в «Наказе» Екатерины, превращения сената в подлинное, пользующееся определенной независимостью и авторитетом «хранилище законов». И свои идеалы и скромные требования к действительности историк старался обосновать прошлым.

Он считает власть первых князей-избранников очень узкой и далекой от полноты самодержавия. Он специально подчеркивает для читателя как «достойное примечания то, что новгородцы... не дали (первым князьям) неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали»*. Трудно (по Щербатову) проследить, когда же и как выросло самодержавие российских государей. Но даже и в период расцвета его «благородные» остались (по Щербатову) советниками государя с правом конечно своего мнения. Вот например суждение историка по адресу бояр, противившихся присяге малютке Дмитрию в дни серьезной болезни царя Ивана IV (после взятия Казани): царь считает их крамольниками и «к жестокости» в отношении них «начал преклоняться»; «не можно однако сказать, чтобы... бояре не сохраняли ему и отечеству верности. Подъятые ими труды, раны и подвиги во всех войнах, служащих к расширению России и к славе государевой, суть непреодолимые свидетели любви их к отечеству и верности к царствующему государю; но яко *рожденные советники царские* (курсив мой. — П. Л.) и блюстители безопасности престола хотели или от слабого правления во время малолетства избежать, или возвратить престол в такое колено, в коем бы никакого сомнения о рождении не было (т. е. двоюродному брату Грозного Владимиру Андреевичу — П. Л.), и то токмо в случае кончины царствующего государя».

Или вот другой пример из эпохи того же Ивана IV. Выступление новгородских пищальников заставило великого князя подозревать «внушения» в этом деле со стороны. По разведыванию дьяка В. Захарова, «сие возмущение произошло по внушению бояр» кн. Ив. Кубенского и Воронцовых, которые «по причине сообщения их с Шуйски-

* «История», т. I, изд. 1901 г., стр. 271.

ми и за многие их несправедливости и мздоимства прежде были во гневе у государя». И теперь он велел их казнить. По этому поводу историк XVIII в. высказывает свое суждение: «Ужасный пример самовластия показуя, мужей заслуженных, почтенных уже первыми санами государства... без суда, без обличения и более почти за прежние прощенные, нежели за настоящие, вины жизни лишил» *

Время Петра, по конструкции Щербатова, — это самостоятельная и содержательнейшая эпоха. Здесь начало нового, уже современного князю, периода; именно здесь с внесением в Россию «просвещения», «науки» происходит изменение «нравов». Отсюда большой интерес Щербатова к Петру. И если он не успел в исторических трудах дать свое изложение истории первого императора России, то в публицистических работах он не раз давал оценку его деяний.

До Петра в России не было ни просвещения, ни торговли, ни фабрик, ни порядочного сухопутного войска, ни флота, ни даже крепостей. И если он действовал самовластно, то иначе и нельзя было: сама по себе Россия, без его настояний, только «около 1892 года» (по расчетам Щербатова) дошла бы до того, что Петр ей дал в какие-нибудь 30 лет. А потому «воздайте хвалу и благодарение Петру Великому!» ** Щербатов принадлежит к тому поколению дворянства, которое уже сумело оценить важность для дворян «просвещения», внесенного Петром, организованной им хотя бы и методом насилия регулярной армии и пр. Он даже склонен свое отношение к Петру перенести на его современников и смело говорит о «содействии» Петру «благородных», и хотя в другом сочинении признает, что «Голицын, Толстые, Хованский были соучастники... бунтам» стрельцов — противников Петра, но эти лица в глазах историка — исключение, а не общее правило. Щербатов признает, что от Петра идет не только «перемена нравов», но и «повреждение» их. Но, не отрицая пороков своего «героя» и темных сторон его царствования, Щербатов в окончательном балансе дает ему положительную оценку. К этому прибавляется и то, что в эпоху Петра действовали и представители «благородных», давшие — с точки зрения Щербатова — достойные подражания образцы по-

* «История», т. I, изд. 1901 г.

** Сочинения, т. II, стр. 13—22.

ведения гражданина. Таков не только часто им выдвигаемый кн. Як. Долгоруков, но и Бор. Петр. Шереметев и князя Дм. Мих. и Мих. Мих. Голицыны, решавшиеся из интересов «государства» возражать государю.

Острая классовая борьба, свидетелем и участником которой был Щербатов, также не могла не отразиться в его исторических занятиях. ■

Интерес его к «самозванцам», к которым он присовокупил и Разина только потому, что и он «не менее злодеяний и вреда отечеству приключил»*, конечно навели восстанием Пугачева. Но напрасно вы ждете от историографа, хотя бы в связи с грозными событиями его современности, анализа аналогичных явлений прошлого. Все сводится к одной фразе: «Такая есть слабость народная, что пребывая спокойны и щастливы, или ежели чувствуют и легкие огорчения, однако часто быв увлекаемы легкомыслием и новостию, в злейшие себя несчастья ввергают»**. Конечно, «злонамеренные» люди всегда могут найтись, и потому, казалось бы, утешения такая «философия истории» не дает. Но опыт исторический приносит другое успокоительное уверение: «И тако не должно нам удивляться бывшим (и значит — настоящим для читателей его работы—Л. Л.) разным таким самозванцам и в России, которые все достойный конец дерзости своея получили»***, что очевидно будет и с Пугачевым и с иными, могущими появиться впредь «Так было—так будет!». Или, говоря словами самого Щербатова, Разин «был истреблен», Астрахань «покорилась, также и прельщенные и увлеченные в преступления народы вины свои признали, и спокойствие России возвратилось; с печальным токмо напоминовением всех злоключений, [в] опасных, но неизбежных иногда случаях, к коим подвержены все царства и державы света»****.

Высказывания Щербатова относительно петровской поры остались неизвестными его современникам. «Краткая повесть о бывших в России самозванцах», выдержавшая в XVIII в. три издания, печаталась без имени составителя. Его основной исторический труд был написан таким тя-

* «Краткая повесть о самозванцах», 1774 г., стр. 197.

** Там же, стр. 5.

*** Там же.

**** Там же, стр. 227.

желым, даже и для того времени, языком и был столь велик по объему, что не мог снискать популярности в более или менее широких кругах читателей. В более узкой группе людей, специально интересовавшихся и занимавшихся русской историей, сильное впечатление произвели критические замечания И. Н. Болтина, установившего ряд существенных промахов в «Истории Российской». Читатели XIX в. признавали, что древнюю русскую историю им открыл Карамзин, а в ученых кругах только в конце XIX в. было установлено, сколь многим Карамзин был обязан Щербатову. Таким образом лавров историка весьма ревностно трудившийся по разработке отечественного прошлого Щербатов не получил ни от современников, ни от людей первой половины XIX в.

В 60-х годах в связи с комиссией по составлению проекта нового уложения Щербатов получил широкую известность как ярый и яркий защитник интересов дворянства, особенно его аристократической, во всяком случае родовитой верхушки. Он с успехом выступал в ярославском собрании дворян, где провел свой наказ и был выбран депутатом. «Не мало шуму в публике сделало» его выступление на избирательном собрании в Москве с возражением против предлагавшегося гр. П. Ив. Паниным пункта наказа депутату о разрешении дворянам продавать деревни представителям других сословий. В самой комиссии Щербатов выделился как один из самых энергичных депутатов и наиболее смелый и красноречивый защитник прав и привилегий «благородных». Но в широкую публику едва ли проникли известия о громадной проделанной им работе в частной «комиссии о среднем роде жителей Российской империи», о ряде его предложений в общих заседаниях и пр. Эта его работа была погребена в архиве комиссии и в архиве самого автора этих проектов.

Наконец, в кругу своих друзей, а через них может быть и шире Щербатов приобрел своеобразную славу смелого критика и «охулителя» деяний и «пороков правительства». Но, надо думать, только самые близкие люди знали, что неутомимый критик Екатерины и ее сотрудников очень многие из своих мыслей, с таким жаром и с таким красноречием развиваемых им в гостиных, частью и в официальных местах, запечатлевал и на бумаге. Эти его сочи-

нения сплошь остались ненапечатанными при жизни Щербатова. Только с 50-х годов XIX в. некоторые из публицистических произведений Щербатова, иногда безыменно*, стали появляться на свет за границей («О повреждении нравов в России» издано Герценом в Лондоне в 1858 г.) и в России. Довольно значительная часть сочинений Щербатова, ранее ненапечатанных и впервые опубликованных, была издана в двух томах «Сочинений кн. М. М. Щербатова», изданных в 1896 и 1898 гг.

Свои любимые идеи Щербатов развивал откровенно и настойчиво в не предназначавшихся для публикации работах. Он, как и многие другие его современники, очень был озабочен мнением о нем потомства. Уже в одной из ранних рукописей, относящейся ко времени деятельности комиссии 1767 г., он «за нужное почитал» уведомить потомство, что «иметь веры» в журналы комиссии, пристрастно составлявшиеся гр. Шуваловым, «не должно»**. В другом печатаемом здесь сочинении, написанном уже в год смерти, Щербатов, охраняя свою честь перед потомством, писал: «Побужден любовью к отечеству, предпринял я мысли мои предать бумаге, дабы, хотя по смерти моей, при благополучнейших временах, видимо было, что верный сын отечества, добрый гражданин и утесненного первого правительства государства (т. е. сената) член о сей причине размышлял».

А «размышлял» Щербатов, можно сказать, по поводу всех основных вопросов, которые история поставила перед дворянством во второй половине XVIII в. И к ряду важнейших вопросов обращался не раз, давая новые аргументы или обсуждая их в другой, чем раньше, связи.

Крестьянский вопрос для крепостнической России второй половины XVIII в. стоял в центре разговоров и дум, обсуждений в печати и в комиссии 1767 г. Много внимания уделил ему и Щербатов. В работах и выступлениях в связи с названной комиссией и в ней самой аристократ-

* «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений» в третьей книге «Чтений в имп. обществе истории и древн. росс.», 1861 г., отд. V, стр. 28—134.

** Заключительные слова Щербатова к сборнику его бумаг, относящихся к комиссии — см. Чечулин: «Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова («Журнал мин. нар. просвещения», 1908 г., VIII, 346—347).

депутат потратил немало усилий на эту тему, доказывая права дворянства на владение крестьянами. Эти разрозненные выступления повидимому не вполне удовлетворяли его. В 1768 г. он составил целую записку с доказательством вреда для России и для самих крестьян от освобождения их из-под власти помещиков. Этот трактат, впервые публикуемый в нашем сборнике, Щербатов написал по-французски от имени «гражданина мира», хорошо знающего Россию иностранца, для Вольного экономического общества, только что поставившего проблему о крестьянской собственности на публичное обсуждение.

Как и Сумароков, Щербатов не находит возможным предоставить крестьянам землю, ибо она «принадлежит дворянам с основания родов их дарованием от государей, которые этим вознаградили пролитую на службе их кровь»,— мотив, постоянно выдвигавшийся автором и в других его сочинениях.

Интересна постановка вопроса об освобождении крестьян. Подходит к нему автор от угрожающего России «почти неизбежного голода», так как на 18 миллионов душ, питающихся произведением «чужого труда в государстве», никак не более 3 миллионов настоящих землевладельцев, да и те частью, по крайней мере «в окрестностях Москвы», «мало привязаны к землепашеству» и, «вообще говоря, не прилагают стараний к лучшей обработке земель и, пребывая в рабстве у старых обычаев, за грех почитают отступать от них». Где же выход? С точки зрения иностранца, рожденного в «состоянии свободы», прежде всего должно бы притти в мысль освобождение крестьян, которое «оживило бы их промысел», или по крайней мере предоставление «в собственность недвижимых их имений», что заставило бы их «с большим тщанием относиться к своему имуществу». Но при углублении в этот вопрос «какая представилась глазам моим ужасная картина! Какие недороды! Какие убийства, возмущения и пр.» Дело в том, что при свободе «значительнейшая часть добрых земледельцев перейдет» в плодородные области, и тогда центр России окажется в положении голодающего; «терпя тысячи притеснений» со стороны администрации, с которой никак не может справиться власть, крестьяне «отдадутся с удовольствием вельможам», а «достоиное величайших

похвал и восхищений» дворянство российское будет «низвергнуто в бедность»; крестьяне не смогут наладить рационального хозяйства, которое едва поддерживает даже помещик. Неубедительны тут примеры других стран, например Франции, так как в ней освобождение произведено тогда, когда крестьяне были «довольны своим состоянием земледельцев» «и недовольны своим подчиненным положением», а в России в связи с неплодородием почвы и пр. «крестьяне весьма недовольны своим состоянием земледельцев и в большинстве случаев довольны своими помещиками».

Впоследствии Щербатов еще раз вернулся к тому же вопросу и дал подробное «доказательство» невозможности освобождения крестьян в названном выше «Размышлении о неудобствах дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений», написанном в 80-х годах.

Большой урон приносят дворянскому хозяйству рекрутские наборы. Уже в цитированной записке Вольному экономическому обществу Щербатов мельком резко отозвался об этих наборах, «которые составляют иногда кровопускание в 60 тысяч человек». Несколько позже, в 1773—1774 гг., он составил подробно разработанный проект военных поселений. Даже термин этот почти принадлежит Щербатову. Он назвал свой проект «Мнением о поселенных войсках».

Признав, что положение России требует большой армии, а ее содержание крупной суммы денег, Щербатов указывает, что проблема армии в России не разрешается рекрутскими наборами. От них «государство обезнарождается», ибо рекрут со 100 душ означает в действительности взятие работника из 20 годных в армию. Подушных, когда-то предназначенных исключительно на содержание войск, теперь уже недостаточно для этого. И заботы 1) о «размножении народа», 2) о «сохранении жизни человеческой», 3) о «защитении и безопасности отечества» и 4) о «сохранении казны» «заставили» Щербатова «мысли или бредни начертать». И он дает детальные соображения не только о том, где и как размещать постепенно полки на постоянное поселение, но и чем снабдить офицеров и солдат для налаживания хозяйства, так как уже через два года после поселения полк в зна-

чительной части должен содержать себя сам. Польза от поселенных войск та, что в будущем только дети поселенных солдат, «с ребячества привыкшие действовать ружьем», будут нести военную службу, давая действительно хорошо подготовленный и всегда полный комплект полков; умножится население, так как большинство солдат будет жить семьями, возрастет число земледельцев и ремесленников, не только прокармливающих себя, но и пополняющих количество обращающихся на рынке товаров. Так Щербатов нашел средство сохранить и даже усилить армию, оставив в покое крепостных крестьян для работы в дворянском хозяйстве, и единственной жертвой со стороны населения должны быть при этом 10 коп. с души, собираемые для составления фонда на первые расходы по поселению армии.

Последовательным дополнением к этому проекту являются и коротко набросанные мысли «дворянского публициста» на тему «о отставных солдатах и о детях их», также впервые публикуемые в нашем сборнике.

Щербатов в записке, не предназначенной для печати или для представления в государственные учреждения, и не скрывает, что забота о дворянстве и есть основная мысль его проекта. Он начинает свои размышления прямым указанием, что русско-турецкая война, «язва» (т. е. чума 1771 г.) и восстание Пугачева «только истребили народу в России, что конечно дворяне помышляют число его наполнить». Для отчетливости мысли надо только прибавить — «в своих имениях». И проект Щербатова указывал легкой и ничего почти дворянам не стоящий (не считать же клочок земли, предоставляемый солдату, большим расходом!) источник восполнения убыли за счет выбившихся жестокой ценой тогдашней солдатчины на волю их бывших крепостных.

Той же теме — тяжести рекрутской повинности и малой пригодности для войны взятых от сохи рекрут — посвящено и очень оригинальное сочинение «О начале шведской войны». Памфлет, подделанный в духе народной речи, поскольку она была доступна аристократу с французским образованием, как будто задуман для широкого распространения, но остался, видимо, недописанным. Язвительная критика проявленных властью оплошности и растерянности, вседневных забот о бюрократи-

ческой машине в годину тяжелых испытаний для государства, стремлений наскоро, хватая отовсюду людей, создать силы для борьбы с «шведским королешкой» идет в памфлете рядом с высказываниями жалоб «разоряемого» набором дворянина, с попутными выходками против конкурентов столбового дворянства — новых выслу жившихся дворян. В отношении их сиятельный автор договаривается до неосторожной фразы, особенно, если бы работа его попала в руки крестьян: «Многие из них есть такие дворяне, что черт имя переменял; так и должно, чтоб они мирскою кровию жили». А столбовые иначе живут? — мог бы спросить читатель не из дворянских кругов. Но Щербатов уверяет, что в большинстве крестьяне благословляют свою судьбу, сидя за «хорошим» и родовитым бариним. Хлопоча за дворян, которые от рекрутских наборов «бедные будут», наш автор и тут снова выдвигал необходимость забрать в армию детей солдатских, а заодно отпущенных на волю и иные элементы, стараясь спасти помещичьих крестьян для их господ. Вопросу «выкупившихся на волю» Щербатов посвятил еще особое «Письмо», настаивающее вновь на необходимости и целесообразности привлечения их на службу военную или гражданскую (на окраинах).

Конечно, количество выходявших на волю было очень невелико; еще меньше было тех, которые разными способами добивались чинов, делавших их «благородиями». Но защитника дворянских прав и преимуществ волнует самая возможность из низов выбраться в положение, сближающее этих бывших рабов с дворянами, или прямо дворянское. И он старается сократить число таких людей ещё более, если уже нельзя совсем лишить выкупившихся на волю права пойти на службу и дослужиться до «благородия».

Вопрос о составе дворянства не мог быть безразличным для Щербатова. Потомок одной из фамилий «рюрикова дома», доказывавший права дворянства службами предков отечеству и престолу, не был согласен на присвоение этих прав выскочкам из разных слоев. Только при монопольности земле- и душевладения за старыми «столбовыми» дворянами корпус «благородных» мог рассчитывать на особую роль в государстве, на большую самостоятельность перед государем. Отсюда многократ-

ные, то скорбные, то, чаще, негодующие высказывания Щербатова против новоявленных дворян, настойчивое его требование закрыть дверь в дворянство, с которыми князь выступал и в начале своей карьеры, в годы комиссии 1767 г., и в последние дни своей жизни.

Не менее заботят дворянского защитника и отношения между дворянством и купечеством. Еще в своем «Наказе от имени ярославских дворян», в своих выступлениях в самой комиссии Щербатов отстаивал закрепление за помещиками права на развитие промышленности, «сочиняющейся из льну и из пеньки и из прочих земляных и экономических произращений», а также перерабатываемые продукты, права на торговлю, особенно хлебом, с запретом купцам покупать хлеб «у крестьян по дворам», защищал право торговли и для крестьян, ибо это ведет к обогащению дворянства.

Публикуемые в настоящем сборнике сочинения показывают, что и эти стороны взаимоотношений первенствующих сословий были предметом «размышлений» дворянского публициста и позже.

Выше мы отмечали процесс оскудения дворянства. Видел его и Щербатов. Служба, часто в отдаленных от имений местах, жизнь в столицах, установившаяся в результате развития торговли дороговизна — все приводит к тому, что дворяне не наживают денег, «но паче в нужду приходят». Тут-то и подстерегают их ростовщики, в предстании Щербатова состоящие из «ленивых купцов», которые, прельстясь высокими процентами по ссудам, оставляют торговлю и обращают капиталы в ростовщичество. Разорительность действий ростовщиков заставляет Щербатова приветствовать всякое «умерение законами росту». Возражая своему, может быть мнимому, оппоненту, который стоял на позиции невмешательства государства в дела денежного оборота в стране между гражданами, он договаривается даже до опасного положения: «Сумнения в сем нет, что число бедных весьма превосходит число богатых, а потому правительство имеет обязанность взирать более на состояние большей части своих граждан». А что, если бы то этот же прием употребил к обсуждению проблемы о взаимоотношениях между дворянами и крепостными? У Щербатова готовы доводы. Там нет места для вмешательства государства,

крестьяне у нас «в большинстве случаев довольны своими помещиками» и кроме того освобожденные от помещичьей опеки они натворили бы массу ужасов и неразумностей. Это мы видели в его записке Вольному экономическому обществу.

Итак, без вмешательства государства ростовщики-купцы губят (и погубят) разоряющихся дворян. Купцы вообще громадная сила в государстве и притом хорошо организованная. «Общие прибыточные пользы заставляют их быть одних мыслей, отчего в просьбах происходит более соединения от купцов, нежели от дворян, и за недостатком другой силы нередко они силу денежную в подкрепление их польз (не описка ли вместо «просьб»? — П. Л.) употребляют». В комиссии 1767 г. они уже показали свою требовательность. «Тогда как дворяне единое просили — сохранить свое имя, единое, чтоб недостойные и по проискам произведенные в знаменитое их общество не мешались без особенной воли монаршей, купцы приносили великие жалобы, недовольными себя являли всеми преимуществами и явное оказывали желание все захватить, не взирая на пользу государства, ни на власть монаршу». Да, и «на власть монаршу», ибо «торговля есть такой промысел, который никакого утеснения не требует», больше того: «быв известен... по делам торговым о вольности республик», купец «всегда желает подобную вольность иметь и тако внутренне становится неприятель самодержавству».

К вопросам об отношениях между дворянством и купечеством Щербатов обращался многократно и подходил к ним с разных сторон; требуя закрытия купечеству доступа в дворянство, он ставит также вопрос о том, «могут ли дворяне записываться в купцы».

И этот вопрос он также решает отрицательно. Конечно, нельзя разрешить дворянам записываться в купцы, ибо это ослабит дворянский корпус и усилит противоположный ему лагерь купечества. А если «дворянство силою оружия просьбы купеческие подкрепит», то «что же будет?» — спрашивает и не решается ответить Щербатов. Свое заключение он обставляет и ссылками на законы и разными рассуждениями, не может удержаться в рамках темы и обсуждает сразу же и другую, можно ли купцам дозволить в дворянство входить, и, терпя

терпение при соприкосновении с большим местом, не обосновывает спокойно своего, и здесь конечно отрицательного ответа, но прямо начинает преувеличивать и браниться. Так, Щербатов пишет: «Я иначе как вредною заразою сие назвать не могу, что почти все купцы (неужели «почти все»? — *П. Л.*) захотели ныне приобретать себе чины и дворянство». Или в другом месте, приводя пример купца, «испросившего или, как правильнее, купившего себе штапской чин» (т. е. чин штаб-офицерский — *П. Л.*), — некоего Птицына, отец которого «производил великий торг», — Щербатов о сыне-дворянине говорит, что он «не стал ни дворянином, ни офицером, как токмо к бесчестию имен сих, и есть потому гнуснейшая и подлейшая тварь, каковая может быть в обществе».

Конечно такие приемы обсуждения и полемики свидетельствуют о том, как близко к сердцу принимал автор трактуемые проблемы. Щербатов сам находил, что он «с природы рожден горячего ума или, лутче сказать, чувствительного нраву», но думал, что умеет сдерживаться. Не только тема о взаимоотношениях дворянства и купечества, но и другие животрепещущие вопросы легко выводили его из равновесия, и он грешил по части истины, приводил неудачные для него аргументы, оскорбительными эпитетами стремился унизить, если не уничтожить, своего врага или оппонента. Эта живость чувства не только придает особую яркость его писаниям, но и позволяет через прорывы спокойного суждения и в авторе и еще более в тогдашней действительности увидеть немало интересных явлений, прикрываемых обычно формой обращения, этикетом и т. д.

Более сдержанно в смысле выражений выступал «чувствительный» князь, когда приходилось ему писать о самой Екатерине II и ее деяниях, хотя и писал он только для себя и «потомства». Писал он о ней, «охуляя» разные стороны ее политики, много. Помимо общих суждений он дал, как известно, подробные «примечания» на жалованную грамоту дворянству, раскритиковав «милость» государыни. Теперь мы можем к этому прибавить еще пространные и часто совершенно разрушительные для Екатерины замечания на ее «Наказ», которым она так гордилась, и довольно обстоятельный разбор части «учреждения для управления губерний».

Здесь не место давать анализ всех высказываний Щербатова по поводу данных памятников. Естественно, что права и польза дворянства стоят у него при критике на первом плане. Но он поднимает и общие политические вопросы в связи с этим. Особенно благодарную почву в этом отношении давал Щербатову «Наказ».

Критика Щербатова направлена прежде всего на самую систему «чиновничьей» монархии. Отсюда своеобразная «оппозиционность» Щербатова, развивающего тему о господстве законов и об их хранилище в России — сенате. Петр, напоминая Щербатов, предоставил сенату право «противу его указов предложении делать», и при Петре кн. Я. Долгоруков «часто брал смелость воли монаршей спорить». После Петра «государя, оставляя пребывать сей закон, не желают видеть исполнение по нем и вследствие сего таких (робких и раболепных) людей в сенат сажают, бояся, чтобы твердые своими представлениями не нарушили их власть, что они бунтом почитают». Конечно, такой сенат хранилищем законов быть не может. Да у нас и нет «основательных (т. е. основных) законов государства», и «ни в наказе, ни в обряде» (комиссии 1767 г.) нигде и не сказано, что нужно такие законы установить. И вывод Щербатова, что «наказ сей к деспотическому правлению ведет».

Как бы иллюстрацией к этому общему положению служит маленький и незаконченный этюд Щербатова «Начало военного правительства», посвященный 11 месяцам правления в Москве Зах. Чернышева. У этого правителя «все на таком порядке и дисциплине основано, что кажется и за столом у него по темпам и команде едят».

Выступая против Екатерины как законодательницы и правительницы, Щербатов не пощадил ее и как публициста. Он ввязался в полемику Екатерины против Фонвизина и на ее ответы автору «Недоросля» дал свои подчас язвительные вопросы. Так как Екатерина выступала в этом случае безыменно, то и Щербатов, продолжая игру, принял имя провинциального пензенского дворянина. Стоит отметить, что в этом же письме попутно обрушился он на Н. И. Новикова и за то, якобы он «для просвещения российского народа» печатал «Бову-королевича» и другие фантастические сказки, и за то, будто он под предлогом «лучшего побуждения наук» взял на

откуп университетскую типографию, «чтоб вдвое дороже продавать» книги. Очевидно, и просвещение в понимании Щербатова должно быть только для дворян. И потому широкая просветительная деятельность Новикова так не нравилась сиятельному любителю наук, что он спустился даже до клеветы по адресу своего же брата дворянина.

Из других публицистических работ Щербатова отметим определенный националистический и вместе аристократический дух его разговора между министром и гражданином о «супружестве российских государей» и полное интересное данных для моральной характеристики князя-писателя небольшое сочинение «О себе» — сетования обойденного чином честолюбца, впрочем с общими политическими выводами о положении самодержца.

Много работая в области истории и публицистики, М. М. Щербатов посвящал иногда досуги и чисто литературному творчеству. До сих пор в этом отношении были известны только три его стихотворения. Наш сборник сильно пополняет эту группу его сочинений, причем они кроме «Оды на день вошествия на престол... Елизаветы Петровны» * даже не указывались до сих пор в литературе.

Сатира в прозе на глупого и самовлюбленного дворянина, плохого хозяина и жестокого помещика «Самоума» не блещет литературными достоинствами и не дает чего-либо особенно интересного для характеристики той эпохи или взглядов автора.

Интереснее стихотворения. В одном — интимная, важная для уловления переживаний Щербатова лирика (строфы об уединении), в других — отражение взглядов того же обличителя нравов и правительства.

Но пожалуй наиболее стоят внимания «Басня» о

* «Ода» отмечена в статье Чечулина «Хронология и список сочинений кн. М. М. Щербатова» («Журнал мин. нар. просвещения», 1900 г., VIII 344). Чечулин не решался признать ее сочинением Щербатова. Но так как нет у нас примеров, чтобы Щербатов переписывал чужие произведения, так как в ее содержании нет ничего противоречащего идеям Щербатова, мы решаемся рассматривать ее как оригинальное произведение нашего автора, написанное, может быть, к 20-летию вступления на престол Елизаветы, т. е. в 1761 г.

бобре, льве и воле, содержащая несколько неожиданное для российского патриота поучение полякам с оттенком симпатии к ним, и пацифистское стихотворение о войне. Против нее писали кое-какие другие дворянские поэты XVIII в.*. Очевидно, «подвиги российского воинства», шумные «реляции» о победах не всех приводили в восторг; приобретения новых территорий не у всех дворян будили аппетиты. Во всяком случае такие, как Щербатов, владея большим количеством земель, прежде всего ощущали большие потери от этих войн в хозяйстве. Мы уже знакомы с деловыми проектами Щербатова, имевшими целью хотя бы частью возместить дворянам ущербы от рекрутских наборов и даже совсем освободить от необходимости оплачивать кровью «подданных» успехи великодержавной политики российского правительства. В поэзии он, правда, обращается к иным аргументам эмоционального порядка, изображая картины общенародных бедствий, но мы видели выше истинную классовую основу и этой щербатовской критики.

Щербатов всегда и всюду определенно стоит на дворянских позициях; с этой точки зрения расценивает он все явления современной действительности; с учетом прежде всего прав и нужд благородного дворянства строит он разнообразные конструкции.

Но, критикуя с аристократических позиций современную ему действительность, политику Екатерины и практику ее сотрудников, Щербатов дает очень интересный и ценный материал для характеристики второй половины XVIII в. Вскрывая темные стороны века Екатерины, публицистические и отчасти «художественные» произведения кн. Щербатова служат для нас теперь ярким источником для познания того времени. В этом их и их автора историческое значение.

П. Любомиров

* Довольно много материала в этом отношении собрано А. С. Лаппо-Данилевским в статье «Собрание и свод законов Екатерины II», («Журн. мин. нар. просвещения», 1897 г., XII, 376—377.

СОЧИНЕНИЯ

КНЯЗЯ

ЩЕРБАТОВА

ЗАПИСКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ *.

Господа!

Хотя я и иностранец, но так как я давно пребываю в России и имел счастье проживать в нескольких домах русских помещиков, знающих свою страну, а к тому и знакомых с началами истинной экономии, то я и получил через это возможность ознакомиться с некоторыми особенностями, касающимися различных уездов, составляющих это обширное государство, а также и с обработкой земли. Итак, позвольте мне, господа, представить вам в качестве гражданина мира некоторые из моих замечаний на современное положение вещей. Льщу себя надеждой на это снисхождение, особенно потому, что, составляя вольное общество, включающее в себя людей редкого достоинства, и имея в виду не иное что, как одно только благоденствие России и благополучие ее обитателей, вы уже допустили в него нескольких иностранцев¹.

Из истории прошедших времен и из рассказов людей на возрасте я был поражен дешевизной хлеба в России. И даже в течение первых лет моего пребывания в сей империи он был в цене довольно умеренной, особенно если сравнить ее с нынешней.

Отчего же это происходит?

1. От скудного ли урожая сих лет? Нет, мы не можем пожаловаться, чтобы в 1764 и в предшествующих годах хлеб уродился плохо, и хотя, правду сказать, в 1766 г. урожай ржи, которая составляет здесь главное питание жителей, был плох, но взамен того все яровые хлеба уродились на удивление. Я скажу даже, что и 1765 г. не был столь неурожаен, как это считают; хотя и оказался недо-

* Оригинал по-французски. Перевод Дм. Ив. Шаховского. Заглавие печатаемой статьи дано редактором.

род в некоторых провинциях, но зато в других земля дала редкого рода хлебов сверх необходимого, не говоря уже о том, что (предыдущие) урожайные годы у помещиков и у некоторых крестьян могли бы поддержать один или два года недородных без такого подъема цен, какой мы наблюдаем.

2. Может быть это следствие плохой обработки полей? Я должен признать, что, вообще говоря, земли обрабатываются в России довольно плохо, но были ли эти земли обработаны лучше в предыдущие годы? Следственно и это не может быть причиной дороговизны.

Поищем же ее истинного происхождения. Мне кажется, она может вытекать только из следующего: дело в том, что по соразмерности с числом людей, обрабатывающих хлеб, не достаёт людей, обрабатывающих землю. В доказательство этой истины обратимся к цифрам.

Мне известно, насколько это доступно иностранцу, что в России насчитывается 7 миллионов ревизских душ мужского пола, да и они не все земледельцы, потому что в число 7 миллионов включены и дворовые, занятые в домах помещиков и в их имениях по уходу за скотом².

Если я теперь приму, что в России имеется 50 тысяч дворян, а это конечно никак не преувеличено, и на каждого положу по три дворовых, это составит 150 тысяч, которые придется выкинуть из числа хлебопашцев. Надо прибавить еще некоторые уезды, в которых не хватает пашни, так что крестьяне принуждены заниматься торговлей или в своих селениях, или на время покидая свои дома; присоедините еще и занимающихся ремеслами, причем я имею в виду исключительно выделяющих необходимое, а не предметы роскоши. А так как вначале торгующие крестьяне и ремесленники были весьма редки, плата за труд по тому времени была весьма значительна, а содержание весьма дешевое, эти люди обогатились и пустили в оборот нажитые деньги. Тогда другие, у которых было достаточно земли, но которые по сравнению со своим трудом и тягостями в хлебопашестве получали недостаточно (как и повсюду происходит, что самые необходимые вещи хуже всего оплачиваются), побуждаемые примером тех, последовали за ними, нашли в этом для себя кажущуюся прибыль, пригласили за собой своих родных и приятелей, а весьма часто бессмысленные поме-

щики сами посылали туда своих крестьян в ущерб хлебопашеству. И таким образом по мере удорожания содержания и увеличения числа работников заработок понижается, и они приводят в разорение и себя и государство. Если же они поддерживают свое существование, то лишь благодаря роскоши частных лиц, которые, не довольствуясь необходимым, производят излишние постройки (я имею в виду сейчас этого рода работников *). Горестное состояние, когда существование свое надлежит основывать на предосудительных пороках частных лиц, подрывающих государство. Тем не менее эта призрачная видимость значительного прибытка отрывает от земли по меньшей мере ** один миллион людей, которые ищут средств к существованию в пасти, отверзтой безумием других людей. Следовательно по этому весьма умеренному расчету находится не менее 1150 тысячи предназначенных и способных к земледелию, которые не заняты им; а тако коль крестьян по окладу насчитывается 7 миллионов, то способных по своему возрасту и состоянию обрабатывать землю придется не более 4 миллионов, а вычитая из этого числа 1150 тысяч человек, получим всего 2850 тысяч. Примем даже для верности 3 миллиона.

Посмотрим теперь, сколько каждый из этих земледельцев может обработать земли и прокормить народу. Я полагаю, что на одного работника придется положить не более двух десятин (arpens) земли, имея в виду в одних губерниях твердые и трудно поддающиеся обработке земли, а в других недостаточность земли, а также малый срок удобного времени года; таким образом придется по две десятины озимого и по две десятины ярового на человека, или всего 6 миллионов десятин под озимью (я буду их считать исключительно под рожью, наиболее распространенным в России видом хлеба). Обыкновенно на десятину (arpens) полагается 16 четвериков³ (boisseaux que l'on nomme czetweriques) семян, всего значит высеивается 96 миллионов четвериков; предполагая, что год удовлетворительный и что во всех провинциях всей этой обширной империи рожь придет сама пятая, получится 480 миллионов четвериков ржи. Из 6 миллионов десятин под

* Т. е. очевидно плотников, каменщиков, маляров, штукатуров.

** Зачеркнуто: «600—700 тысяч».

яровыми посевами никак не более одной трети можно считать занятыми ячменем, который в случае надобности потребляется на еду населением. На десятине высевается ячменю 12 четвериков семян, значит всего понадобится 24 миллиона четвериков; если принять и в этом случае благоприятный год, так что ячмень придет во всех губерниях сам шесть, получится всего 144 миллиона четвертей этого хлеба. Всего же хлеба того и другого сорта оказывается 624 миллиона четвериков. Остальные виды хлеба имеют в виду не питание людей, а животных, или составляют предметы роскоши, или же высеваются кое-где взамен ячменя, который там не дает удовлетворительных урожаев. Поэтому я их в счет не кладу. Итак, нами произведен, хотя и преувеличенный, подсчет продуктов, которые могут быть доставлены крестьянами, обрабатывающими землю. Посмотрим же, кого предстоит им прокормить.

1. Мы имеем 7 миллионов душ мужского пола по ревизии (*mâles inscrits pour payer la capitation*), к ним надлежит прибавить 7 миллионов душ женского пола, итого следовательно 14 миллионов.

2. Хотя и наугад, определим число дворян, белого и черного духовенства, военных, купцов, горожан (*bourgeois*) и иностранцев в 2 миллиона мужчин и столько же женщин. Получим всего 18 миллионов душ, питающихся производением труда никак не более 3 миллионов настоящих земледельцев.

А так как мы определили, что годичный урожай составляет 624 миллиона четвертей, из которых надо еще отнять 120 миллионов четвериков семян, на продовольствие придется 504 миллиона четвериков.

Наблюдение показывает, что взрослый человек, занятый тяжелым трудом, съест в месяц более 2 четвериков; приняв среднее количество для мужчин, женщин и детей в 2 четверика на месяц, получим на 18 миллионов душ 432 миллиона четвериков в год. Сколько же остается (из 504 миллионов чистого сбора)? Всего 72 миллиона, а это такая незначительная величина, что, независимо даже от преувеличения нами расчета в исчислении полученного продукта и преуменьшенного в исчислении населения, в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод. Примите еще во внимание, что урожайность в

различных уездах почти никогда не бывает одинаковой, что крестьяне некоторых уездов, как например в окрестностях Москвы, чему я очевидный свидетель, мало привязаны к землепашеству, не говоря уже о разного рода случающихся бедствиях, как непогоды, пожары, кораблекрушения. И рассудите, не грозит ли России постоянно, невзирая на ее малонаселенность и обширное пространство, страшный голод?

Может быть мне скажут, что многие плодородные уезды родят более хлеба, нежели мы считаем; что во многих провинциях земли столь легкие, что крестьянин может сработать более двух десятин в поле; что Малороссия, плодородная и изобильная страна, может доставить большее количество хлеба. На это я отвечу, что если некоторые уезды и родят более, то зато другие родят менее, и местностей последнего рода больше и они более населены; затем, если в некоторых местностях крестьяне обрабатывают более двух десятин, в других у них даже не имеется столько пашни; наконец хотя Малороссия и производит весьма много хлеба, но вследствие отсутствия водяных путей не может доставлять зерно в Великую Россию, да это и было бы крайне убыточно, так как и без того они (т. е. малороссы) извлекают достаточно денег за свой скот, фрукты и другие произведения, которые они привозят в Россию, и если они начнут еще доставлять хлеб, то деньги станут выходить в Украину, а так как оттуда они не будут никуда обращаться, за исключением может быть Польши и Турции, то это произведет оскудение денег в центре империи.

Еще мне могут возразить следующее: как же объяснить, что, невзирая на этот расчет, Россию при нескольких неурожаях подряд не постиг всеобщий голод, как это должно бы было произойти, судя по сказанному. Возражу я и на это. Дело в том, что на все количество потребления следует скинуть чуть не пятую долю с крестьян, которые питаются мяканным хлебом (pain pop vanné), живя скорее как животные, а не люди; на их ли несчастии и недоедании должны мы основать наше существование? Нет, навеки да погибнет та ужасная политика, которая желает поддержать целое угнетением частей! Нет, повторю я, мы живем под слишком человеколюбивым правлением, чтобы основать наше благополучие на несчастии того состояния

империи, которое составляет ее главную силу. И намерение мое не клонится к тому, чтобы собрать изобилие хлеба, вызывая этим голодную нужду со стороны тех, которые трудом своим нам его добывают, а к тому, чтобы благополучие всего общества могло проистекать из благополучия каждого в отдельности.

Рассматривая все эти причины, грозящие подданным этой обширной империи почти неизбежным голодом, я часто размышлял помочь этому бедствию. Состояние свободы, в котором я рожден, и первые чувствования человечности заставляли меня весьма часто обращаться к мысли, что, если бы дать свободу крестьянам в России, сие оживило бы их промысел, и неприкрепленный к земле, не находящийся более в рабстве, каждый из них потщится достигнуть возможного благоденствия, а из сочетания частных благополучий произтечет и всеобщее блаженное состояние. Или же пусть дали бы им по крайней мере в собственности недвижимые их имения, коими теперь они владеют лишь в силу благодеяний их господ, в том предположении, что обладание собственностью заставит их с большим тщанием относиться к своему имуществу, а это самое и создаст величайшие богатства государству.

Но, боже, когда я углубил далее свои изыскания, какая представилась глазам моим ужасная картина, какие недороды, какие убийства, возмущения и прочее! Нет, нет, я бегу далеко от сих мыслей, и что бы ни говорил естественный закон, оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий. Но тщетные возглашения эти недостаточны для подкрепления утверждений моих, требуются доказательства, и я их здесь предлагаю.

1. Россия столь обширная страна, что занимает почти половину Европы и значительную часть Азии, вмещающая в себе различные климаты; между тем наибольшие государственные тяготы выносят далеко не самые плодородные области, а весьма мало плодородные, составляющие так называемую Великую Россию; эти же области самые населенные, но их жители, по причине малой производительности земель, посещают часто более обильные области то для торговли, то для получения хлеба, то на заработки; так что области эти им столь же знакомы, как и место собственного рождения. Поэтому при первой вести

о свободе значительнейшая часть добрых земледельцев перейдет в те области; это предположение тем более верно, что, невзирая на строгие предписания о выдаче беглых⁴, постоянно целыми семьями они переходят в местности с более умеренным климатом; так что царство казанское и окружные страны, как это не трудно доказать гражданскими актами, населены одними только беглыми из Великой России⁵. Что же последует? Центр империи, местопребывание государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников, которые, покинув землю, ищут средств своих там, где роскошь и безумие людей достигают высших степеней. Я не спорю, что плодородные земли будут более разработаны, принесут более хлеба, но неимение путей сообщения, дороговизна провоза удорожит стоимость продуктов и со своей стороны вызовет голод в центре России. Не говорю уже о трудности государю получить необходимые доходы.

2. Хотя материнские попечения царствующей императрицы, казалось бы, должны были истребить неправосудие, однако, к несчастью, господа, ее неоднократно указы по одним и тем же предметам и жалобы народов достаточно показывают, что несчастный порок мздоимства, малое прилежание судей к своим обязанностям и низкие их чувствования слишком вкоренились, чтобы могли быть в скорости исторгнуты. Поэтому помещичьи крестьяне, терпя тысячи притеснений со стороны губернских начальств, отдадутся с удовольствием вельможам и будут переходить из рук в руки к тем, кто теперь стоит или тогда стоять будет у вершины власти.

3. Дворянство российское, дворянство, достойное величайших похвал и восхищений как по заслугам своим, так и по верности и по деяниям своим, которыми оно способствовало почти бескорыстно всем начинаниям Петра великого, дворянство, составляющее славу России и вызывающее восхищение вселенной, из состояния богатства низвергнутое в бедность, принуждено будет покинуть отечество или, доведенное до отчаяния, достойного осуждения, предпримет нечто противу отечества своего, не для исправления, ибо дело будет непоправимо, но в видах отомщения. И сие тем легче может приключиться, что тот, кому терять нечего, ничем не жертвует.

Переход земли в собственность к крестьянам, оставляя их в прежнем подчинении, нимало не облегчит нынешних неудобностей, ибо тщетно утверждать, что я обладаю такою или иною вещью по праву собственности, пока я, ее обладатель, раб, подданный своего господина. Но предположим, что все помещики столь справедливы, что не учинят никакого насилия над крестьянами; спрашивается, какую же землю можно будет им дать в собственность? Помещичью? Но все они принадлежат дворянам, в основания родов их, дарованиям от государей, которые этим вознаградили пролитую на службе их кровь, и было бы несправедливостью лишить дворянство имений, которые предки их приобрели, жертвуя своею жизнью и здорьевем⁶.

И каким образом отдать эти земли? Все ли пашенные, луговые и лесные угодья? Если передать крестьянам леса и рощи, люди эти, не размышляя много о будущем, истребят все леса, и Россия приведена будет в крайнюю нужду, так как мы наблюдаем, что, невзирая на повеления Петра великого о сохранении лесов, невзирая на строгую бережливость всех помещиков, как только представится к тому случай, крестьяне сводят рощи, истребляют леса, так что некоторые местности, изобиловавшие лесом, начинают испытывать в нем нужду. Или же они получают одни только пашенные и луговые земли. Конечно, население размножится, и земли, сохраняя свое прежнее состояние и даже истощаясь, станут недостаточны и по самому недостатку своему повредят земледелие. К тому же произойдет и то, что богатый крестьянин, побуждаемый не нуждой, а ненасытной жадностью, станет приобретать по покупке или залогом земли других крестьян, которые они уже не будут в состоянии обрабатывать, и эти лишённые земли крестьяне, оставив землепашество, окажутся на попечении государства. Другие же обратят часть земли своей под лес, отчего произойдет новое уменьшение разработанной земли. Если мне скажут, что государство примет свои меры, я отвечу: нет, нет, господа, самый внимательный хозяин на малом пространстве своих владений, сколько-нибудь значительных, не будет почти иметь возможности предупредить все эти неудобства при самом тщательном наблюдении; как же можно будет правительству уследить за всеми этими мелочами в столь обширном государстве?

Между тем в нынешнем своем состоянии крестьяне владеют в виде дара участком земли своего помещика, который его у них никогда не отымает; я говорю даже о самом нехозяйственном помещике. Если крестьянин запустит хозяйство ввиду того, что все платежи, даже и подушные, производятся со всех по собственной их между собой раскладке соразмерно участкам земли, и так как они платят меньше, если пользуются меньшим количеством земли, то остальные во избежание того, чтобы платежи нерадивого не упали на них, примут меры, чтобы каждый пользовался и платил по силе. Если же число их возросло и им не хватает земли, то они требуют новых земель для разработки, и им в этом почти нет отказа, ввиду тесной связи выгод помещика и их крестьян, а между тем, если удастся нарушить эту соединяющую их цепь, при чем помещик останется хозяином своих земель, а крестьяне — своих, не станет более этой связи, которая побуждала их снисходить к нуждам друг друга. И все это неминуемо обратится в ущерб государству, счастье которого вытекает из благосостояния отдельных граждан.

Мне может быть возразят, особенно иностранцы, что продолжительное мое пребывание в России приучило меня к подчинению и рабству, или же что я смотрю на россиян как на неукротимых зверей, потому что я предвещаю одни только бедствия в случае, если им будет возвращено естественное состояние, т. е. свобода. Мне напомнят, что крестьяне, которые и в других странах пребывали в рабстве, получили свободу, а те бедствия, которые я предвижу, там не последовали. Прежде всего, господа, я громко заявляю, что я считаю русский народ за самый мудрый и (производительный) работающий во вселенной. А во-вторых, рассматривая, при каких условиях дарована была свобода крепостным в других странах Европы, я только еще сильнее укрепляюсь в своих взглядах. Не приискивая примеров в других странах, посмотрим на Францию. Ее обитатели тогда подразделялись на селян (*les campagnards*), которые были наиболее уважаемы не только с точки зрения полезности их занятий, но также и потому, что в их состав входило все дворянство, и на вилланов⁷ — слово, которое в языке нашем сохранило доселе свой укорительный смысл. Крестьяне не знали роскоши, занимались исключительно своим земледелием и жили

в гораздо большем достатке в своих селениях, нежели горожане (bourgeois) в своих городах. Свежие земли, пребывавшие еще в полной силе, вознаграждали с избытком затраченный труд; они не подвергались ни натуральным повинностям (corvée), ни таможенным сборам (douânes) ни десятине (dimes), ни подушной подати (capitation), но зато владельцы ленов (fiefs) представляли из себя род маленьких тиранов, которые обирали своих подданных, воевали друг с другом, опустошали их земли и производили все бедствия, неразлучные с гражданской войной. Таким образом крестьяне были настолько довольны своим состоянием земледельцев, насколько недовольны своим подчиненным положением. Когда этим людям дана была свобода, сеньоры⁸, оставаясь собственниками земель, уступали пашенные участки под условием платежа, значительного тогда, но весьма умеренного для нашего времени. Таким образом в то время крестьяне выигрывали от получения свободы, а сеньоры от увеличения дохода. Как раз обратное оказывается в России, где крестьяне в зависимости как от неплодородной почвы, так и неблагоприятного климата весьма недовольны своим состоянием земледельцев и в большинстве случаев довольны своими помещиками⁹. Платеж, который можно будет получить с крестьян за те земли, которые будут им предоставлены, никогда не сравнится с тем доходом, который помещик получает со своих крестьян. Таким образом мы имеем тут дело с совсем другого рода случаем, и то, что прекрасно удалось во Франции, в России оказывается неисполнимым. Я смею даже утверждать, что если бы крестьянам не была дарована во Франции свобода в то время, ввиду происшедших затем перемен, теперь это бы было невозможным. Не говорю уже об ухудшении сельского хозяйства, на которое плачутся уже и во Франции и которое в России будет значительно ввиду неплодородия почвы и суровости климата.

За всеми этими размышлениями, которые и так уж не в меру затянулись, позвольте мне, господа, изложить вам мои мысли о средствах, которые, как мне кажется, скорее всего способны предупредить бедствия голода, который нам повидимому угрожает.

1. Русские, вообще говоря, не прилагают стараний к лучшей обработке своих земель и, пребывая в рабстве у

старых обычаев, за грех почитают отступать от них. Незнакомые со всеми частями весьма трудной науки о почвах своей земли, о том, какой навоз требуется для удобрения глинистой или песчаной земли, они грубейшим образом приписывают божескому наказанию бесплодие, которое часто происходит от собственной их беспечности. Другие же, имеющие земли от природы плодородные, довольствуются теми значительными урожаями, которые они получают без удобрений и почти без всякой обработки, не задаваясь целью повысить урожай.

2. Крестьянское сословие в России представляется мне в образе большого озера, на дне которого имеются некоторые родники, но из которого вытекает несколько рек, так что оно не получает от родников своих столько воды, сколько ее теряет через реки, а их вода никогда уже не возвращается обратно, и таким образом мало-помалу самое озеро сведется на-нет, тем более, что к прежним истокам из него присоединяются еще новые, уносящие и малое количество остающейся еще воды. Посудите сами, господа, как многочисленны эти реки, истекающие из озера крестьянства российского: рекрутские наборы, которые составляют иногда кровопускание в шестьдесят тысяч человек, беглые в Польшу и на Украину, помещики постоянно извлекают оттуда людей для пополнения своих домов и для отдачи в мастерства, многие сами за недостатком земли или соблазненные положением ремесленников или торговцев покидают селения и подражают им. И все эти люди, способные к работе на земле, выходят из состояния земледельцев и вместо помощи становятся им обузой, не производя ничего, но потребляя продукты, плоды труда пахаря; и никогда уже не вернется к сохе тот, кто раз отстал от нее. Таким образом получается два состояния, которые я назову производителями (*les producteurs*)—это земледельцы—и потребители (*les consommateurs*)—это люди, занятые другими делами человеческими и потребляющие произведения земледельцев. Оба состояния эти равно умножаются, но первые только путем рождений, с убылью выходящих из этого состояния, потребители же прибывают в числе не по одному только естественному закону размножения, но и путем приезда иностранцев и путем привлечения в свои ряды лиц из числа производителей. И приняв все это во внимание, посудите

сами, господа, не будет ли число производителей сведено на-нет.

Я не хочу сказать, что крестьянам должны быть запрещены всякого рода занятия помимо земледелия. Россия была бы скоро приведена в бедственное состояние, не имея каменщиков, плотников и прочих ремесленников. Холодный климат России оставляет свободными руки земледельцев в течение шести слишком месяцев в году, и отнюдь не следует, чтобы деятельный пахарь проводил половину жизни своей в праздности, которая так сильно вкоренится в душе его, что он не будет иметь прежней бодрости и силы на работу при возвращении благоприятного времени года. Не говоря уже о том, что крестьяне, добывая деньги различными промыслами и принося деньги в свои округа, заставляют деньги обращаться (в стране), а этим поддерживают промышленность, вследствие чего увеличивается доход государя и помещиков. Что касается тех крестьянских промыслов, которыми заниматься можно только летом, то здесь помещики должны обратить внимание на то, чтобы уходили на них лишь члены больших семейств и чтобы из-за занятий промыслами пашня промышленников не запускалась.

Вот, господа, и все, что я имел вам изложить, скорее для того, чтобы показать на каком-нибудь деле мое горячее рвенье к этой империи, чем с мыслью научить чему-либо столь просвещенных людей. Россия, взирающая на вас как на искреннейших друзей своих, не приказа ждет от вас, а совета; и советам вашим конечно последуют в точности все рассудительные люди, а от пользы, которую извлекут они из сего для себя, воспользуются и другие и усвоят себе привычки, которые обратятся на благо России и в славу правления нашей монархини, а также вашу.

Докажите же, господа, народам, погруженным в предубеждения, что не всегда старинные обычаи оказываются наилучшими, в особенности касательно земледелия; обратите их внимание на разность земельных почв, на различные удобрения, необходимые для каждой из них, на различные земледельческие орудия, которые следует употреблять, укажите плодородным областям, что путем улучшений в обработке можно добиться еще высшей урожайности, что урожай зависит и от выбора семян и от подбора почв, пригодных для разных пород семян; изо-

бретайте орудия для ускорения уборки хлеба или познакомьте с теми, которые уже изобретены. Докажите помещикам, что как граждане, верноподданные и изрядные хозяева, они должны поддерживать земледелие и наблюдать за своими крестьянами, чтобы те не презирали этого занятия, столь для всех необходимого; пусть перестанут они из-за роскоши (*faute*) и сластолюбия (*plaisirs*) или же выгод истощать крестьянство (*le peuple des paysans*), которое и теперь не так численно, чтобы свободные мастерства могли быть уничтожены в связи с состоянием крестьянства. Пускай помещики постараются населить те селения, в которых имеется избыток земли, выходцами из селений малоземельных; впрочем я уверен, господа, что вы имеете в виду больше способов, чем какие я бы сумел вам назвать. Поэтому, не употребляя во зло ваше терпение, позвольте мне пожелать вам всевозможных успехов в ваших спасительных предположениях, и пусть придут они еще больший блеск счастливому царствованию великой императрицы, истинного образца государей, и чтобы вы участвовали в ее славе и сами могли (увидеть) * плоды благодетельных ваших стараний; потомки же наши в роды родов, пользуясь в мире изобилием, могли бы с восторгом благословлять вашу покровительницу и восхищаться счастьем быть вашими соотечественниками.

Вот пожелания мои, с коими имею честь пребыть, господа, вашим покорнейшим слугой L'A. de L. R.

P. S. До сведения моего дошло, что существует в России закон, карающий бесчестие, нанесенное крестьянину, гораздо ниже, чем людей всех прочих состояний¹⁰. Таким образом их состояние является самым отверженным. Мне бы казалось, что если бы решились поставить испытанного земледельца выше ремесленника и дворового, то это намного поощрило бы земледелие.

* В оригинале пропущено слово.

ЗАМЕЧАНИЯ ЩЕРБАТОВА НА БОЛЬШОЙ НАКАЗ ЕКАТЕРИНЫ ¹¹.

Примечание 1 *. Бог, яко источник всякому благу, во всех наших делах на помощь должен быть призываем; что же возможет важнее быть в течении правления, как установить закон для многочисленного народа и чрез то его щастлива сделать.

Примечание 2. Хотя народы и подвластны скипетру монархов, но люди есть божи, и бог, яко создатель, права своего над творением своим никогда не теряет; а государи не есть иное как токмо судии, поставленные для народного благополучия.

Примечание 3. Также мы разумеем бога совершенно премудра и правосудна, следственно не может быть закон справедлив, если от божия закона удаляется.

Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения.

1. Примечание **. Нравоучение христианского закона есть толикого совершенства, что кроме святости его оно бы одно должно всех к принятию онаго побудить. Правда, и другие веры дают правила нравственных добродетелей, но один христианской закон научает нас любить врагов наших, злобу благоденствиями превозмогать и почитать всех жителей вселенной своими братьями без различия племен и веры.

* Наказ Екатерины начинается словами молитвы: «Господи боже мой! Вонми ми и вразуми мя, да сотворю суд людем твоим по закону святому твоему судити в правду». Первые три примечания и написаны по поводу этой молитвы. В дальнейшем нумерация примечаний Щерб това точно соответствует пунктам Наказа.

** Это примечание на § 1 Наказа: «Закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно». («Наказ Екатерины вторья, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения», Спб.) 1776 г., с приложениями. Дальнейшие ссылки на Наказ мы делаем по этому изданию).

2. Примечание*. Сказано «в обществе»; ибо если представить себе человека, живущего одного в какой пустыне и довольствующего свои нужды самого собою без помощи других, сей конечно не будет тщиться видеть свою пустыню на самом верхе благополучия; ибо был окружен неодушевленными вещами или животными безсловесными, любовь его ни на кого более кроме себя не простирается да и та в узких границах его жизни сокращена. Но не то есть естественное состояние человека. Слабость его младенчества, обнаженное его чело ко всем безпокойствиям времен, неимение природных орудий, чем бы нападать и защищаться, делают ему необходимую нужду в помощи других; узы супружества, связующие любовью сердца, долг признания, зарождение, вскормление и воспитание родителей, свычка и взаимные обязательства, на разных услугах основанные, к братьям, к ближним и друзьям, любовь к своему потомству — все должно произвести любовь и желание благополучия той стране, в которой обитает; ибо, в самом деле, может ли человек щастлив быть, когда зрит страждущих ближних и друзей своих? Может ли ожидать себе от тех какой помощи, когда они сами в нещастии своем ее себе зделать не могут? И тако из всего сего последует, что человек, не наруша всех сих обязательств, не может не желать благополучия и спокойствия отечеству своему.

3. Примечание**. Понеже мы взаимствуем друг от друга помощь для нашего благо[со]стояния и спокойствия, то чтобы от сограждан наших получить такую помощь, надлежит, чтобы оне были в таком состоянии блаженства и спокойства, чтобы могли нам оную подать. А как ничто более не спомоществует спокойствию обще всех граждан и каждого особливо, как установленные мудрые законы; из чего следует, что всякой, любя сам себя и ища своего благополучия, должен любить своих сограждан и желать их видеть в таком состоянии, чтобы были в состоянии над-

* В § 2 речь идет об обязанностях человека в обществе: «...всякого честного человека в обществе желание есть, или будет видети все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия».

** В § 3 говорится об охране граждан законами, «...которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий».

лежащую ему помощь подать. А как благосостояние граждан зависит от мудрости законов, которыми управляются, то желание их благосостояния не может отделяться от желания видеть их мудрыми законами управляемы.

5. Примечание*. Что касается до нравственных законов, то сии, кажется, должны быть повсюду одинаковы; ибо естество везде равно вопиет: «не делай другому, чего себе не хочешь». Господин Монтескиу¹² в книге своей «О разуме законов», книга XVIII, глава 8, говорит: «Законы имеют великое сношение с тем, каким образом народы себе пищу приобретают». Но на сем и сокращает здесь расположение законов к расположению народа. Подлинно же есть, что выключая нравственные правила, которые, как выше сказано, должны быть везде одинаковы, прочие законы должны разниться по нравам, климатам, упражнениям и по состоянию страны. Например суровой народ милосердые законы не сдержит; те учреждения, которые в жарких местах необходимо нужны, лишь затруднительны в холодных будут; вольность и побуждение к искус[с]твам и самое желание корысти пристойны для торгового народа, а слова и побуждение к чести военному принадлежит, искоренение сластолюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают.

6. Примечание**. Не можно всю Россию европейскою державою назвать, ибо многие ее области в границах Азии вмещены, как например Астраханская и Оренбургская губернии и вся Сибирь.

7. Примечание. Сия есть мысль господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14***. Но сохраняя

* В § 5 Наказа говорится о том, что «законы весьма сходственные с естеством суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены». Первые три главы екатерининского Наказа и посвящены доказательству того, что в России «пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит...»

«Всякое другое правление, — пишет Екатерина, — не только было бы России вредно, но в конец разорительно». Щербатов пишет, что «суровой народ — сиречь русские крестьяне — милосердые законы не сдержит».

** Глава 1, § 6, «Россия есть европейская держава».

*** Книга XIX соч. Монтескье озаглавлена: «О законах в отношении к основным началам, составляющим общий дух, нравы и обычаи народов». В главе 14 этой книги речь идет о том, «ка-

все почтение к сему знаменитому писателю, кажется можно со справедливостию противуречить сей его мысли, и как мы известнее чужестранного о древних наших обычаях, то можем сказать, что они сходственнее новых с нашим климатом были; ибо долгие и теплые одиянии, малые в комнатах окошки, простая и суровая пища более соответствовали холодному нашему климату, нежели обычаи, перенятые у полуденнейших народов. Правда многие древние обычаи были к нам принесены либо от покоренных Россиею народов, либо от покоривших ее; но какой есть народ на свете, который бы никогда ни от кого ничего не взаимодействовал? Греки многое переняли от египтян, римляне от греков, галлы обычаи свои и язык с римским и с германским смешали, и самые китайцы, толь строгие наблюдатели древних обычаев, естли проникнуть в их древность, конечно, что ни есть от других народов взаимодействовали; ибо подобно как приватной человек не чувствительно склоняет свой обычей ко обычею тех, с кем обращается, так целые народы наконец сходятствуют с теми, с коими более общества имеют.

Что же спомоществовало Петру великому в толь краткое время, толь великие перемены зделать? Вера, род правления и усердие благородных.

Закон христианской не противен просвещению человеческому — Петр великий его нашел крепко вкоренившимся в сердце народа; но затемненной многими суевериями, от властолюбия духовного чину происходящими, ибо самой

кими естественными средствами можно переменить нравы и обычаи народа». Монтескье утверждает, что нравы и обычаи страны нельзя изменять законами, а можно переменить обычаями. Для иллюстрации этой мысли он приводит в пример преобразования древнерусских нравов и обычаев Петром I. В обязательном брадобритии и ношении немецкого платья он видит грубое нарушение законами Петра нравов и обычаев русского народа, а в устройстве ассамблей и привлечении на них женщин — замену одних нравов и обычаев другими. Далее Монтескье считает, что петровское преобразование России было облегчено тем обстоятельством, что «тогдашние обычаи ее [России] были не свойственны климату и занесены в нее смещением народов и прежними завоеваниями. Петр I, вводя европейские нравы и обычаи в державу Европейскую, не мог встретить дальних к тому препятствий. Власть климата есть первейшая в мире власть» («Лух законов», перев. Е. Карнеева, Спб., 1839 г., ч. II, стр. 160—161). Эта мысль (буквально) и положена Екатериной в основу § 7 Наказа, доказывающего, что «Россия есть европейская держава».

сей духовный чин не довольно был просвещен, чтобы составить предприятия, народ в суеверие ввести и тем бы власть гражданскую захватить. Следственно все, что к переменам обычаев и введению просвещения Петр великий не делал, не могло почестся наступлением на закон, и народ не мог под видом защищения веры противоборствовать монаршей власти, но паче повинуюся оной мнил самому закону повиноваться. Доказательство сему следующее, что Петр великий в предубежденных расколом людях не мог никакой перемены ни в обычаях их учинить, ни просвещения им преподать. Я повторяю, что христианской закон не противен просвещению человеческому, потому что как он на истинне основан, то изыскание всякой истинны ему полезно, ибо могут ли магометанцы осмеливаться изыскивать о системе света и существе небесных тел, когда принятые от них за освещенные предложения уверяют, что земля стоит на бычачьем рогу и что архангел Гавриил, снисходя к Магомету, крылом своим часть луны отшиб? Могли ли древние греки совершенное понятие о телах небесных иметь или чинить о них изыскание, когда солнце богом, а луну богиней почитали?

Самодержавная и неограниченная власть российских государей, истреблением самых мятежников утвержденная, не оставляла никого, кто бы новым заведением противиться дерзнул.

Возьмем в пример военные установления. Им прежде учрежденные стрельцы противиться могли; но оные уже прежде были истреблены или толь ослаблены, что поужшение их лишь скорейшую на них погибель навлекло. Истребление сего воинства подаег нам случаев и о том упомянуть, что к истреблению их способствовало и как лишению стольких граждан никто не сопротивлялся. Начальное учреждение сих войск были опричники¹³, которые царь Иоан Васильевич учредил и употреблял ко исполнению всех своих суровостей, толь ненавидимое начало учинило, что никто из благородных в оном служить не хотел, так что сие сочиняло две стороны: сторона благородных, служащих с своих поместей и презирающих стрельцов, и сторона стрелецкая, ненавидящая за сие дворян; отчего, когда стрельцы своими преступлениями учинились достойны казни, тогда благородные ко истреблению сего им ненавидимого воинства всеми силами способствовали.

А тогда же, имея еще в свежей памяти опустошений России от поляков и шведов, для пользы отечества согласились оставить свое право поместной службе, дабы в порядочно учрежденные полки вступить¹⁴. Вот какие обстоятельства спомоществовали предприятиям Петра великого, которые все основывались на политических притчинах, а не от действия климата произошли.

9. Примечание *. Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению. Более же о сем в примечании на следующую статью.

10. Примечание. Мысль сия взята из книги господина Монтескиу «О разуме законов», книга VIII, глава 19**. Не могу я согласиться в справедливости сего мнения. Правда, ежели мы себе представим государя трудолюбивого и презирающего свои удовольствия для пользы подданных, которого бы все указы и повеления основаны на совершенной мудрости и правосудии были, то-б конечно самодержавие такого могло означенные в сей мысли пользы принести; но таково бы самовластие приятнее было, нежели самая республиканская вольность. Но редко бывают таковые государи, а паче где не достоинство, но единое право рождения воздвиг их на престол, и для того, когда такой государь не по уста[но]вленному закону, но по своим своенравиям управляет, сие именуется деспотическое, что малое разделение с гнусным тиранством имеет. Не произведет оно и того, чтоб скорость в решениях была; ибо любовная страсть, охота и другие забавы, отнимая у него время, и более еще республиканского замедления приключат, да когда и решение его воспоследует, можно ль

* § 9 Наказа: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства».

** Книга VIII озаглавлена: «О повреждении основных начал трех правлений». В главе 19 этой книги речь идет об «отличительных принадлежностях деспотического правления». «Великая держава, — говорит Монтескье, — сама по себе предполагает деспотическую власть в том лице, которое ею управляет. Надобно, чтобы быстрота решительных мер возмещала расстояние тех мест, к которым они относятся» (ч. I, стр. 220). Эту мысль, почти буквально, Екатерина II положила в основу § 10 Наказа, при чем слова «деспотическую власть» она заменила выражением «самодержавную власть».

надеяться, чтоб оно было сходственно с истинными пользами государства и чтоб его здравый разум, а не страсть какая произвела; ибо человек, не дающий никому отчету в своих делах, легко ввергается в страсти и слушает не тех, кто его противоречим на истинной путь наставляет, но тех, кто безчестной лестью вкрался к нему в любовь. Такогоа поступку и вредных его следствий Равоам¹⁵ пример нам представляет.

В републиках, напротив того, хотя, кажется, в разсуждениях время и пропадет, но в самом деле правители, не смея предпочесть веселий их должности, награждают то неусыпными трудами, что в разсуждениях теряют, а хотя бы какая и мешкотность воспоследовала, и сия не довольно ли награждается тем, что не страстные, но мудрые и сходственные с обстоятельством дел, решений предприятий последуют. Римская республика пример нам ясный представляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и области свои расширяла. Учинилися императоры в Риме; пока и при них сенат остаток власти своей сохранял, Римская империя страшна была вселенной; но с падением власти сенатской, т. е. тогда, когда власть императоров неограничена стала и вместо мудрых советов советам льстецов стали последовать, сия сильная империя слабыми народами разрушена стала.

11. Примечание. Зри примечание на статью 10.

12. Примечание *. Где властвует один, хотя бы то было и в таком государстве, в коем власть манаршая была законами стеснена, и тут часто государи позволяют себе нарушение законам кои наипаче в тех местах, в которых единая воля государская законом служит и где он отчету в своих поступках никому не отдает; тогда можно сказать, хотя он и один, но переменными своими своенравиями толико умножается, что никто не может уверить, чтобы через час он в одинаких мыслях был. Там законы токмо имя носят, но вся сила правления в едином изволении часто несправедливом и переменчивом манаршем состоит. Подданные, видя законы безсильны, не от них своего бла-

* В § 12 Наказа говорится о том, что «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

гополучия ожидают, но взгляд государственной решит о их счастья и нещастии. Напротив того, в республиканском правлении хотя многие правители суть, но сами оные, быв должны отчет в поступке своем давать, принуждены оной направлять по разуму установленных законов, отчего и происходит, что при сих множестве правителей, однако не им, но единому закону повинуются.

13. Примечание *. Не может быть другого предмету окроме сего ни в каком правлении; ибо, говорит Руссо¹⁶: понеже великие правители первоначально были избранны народами для утверждения их благополучия, то во учинении с сими избранными правителями договора между уступленных прав народ не мог свою естественную вольность уступить, яко вещь такую, без которой его благополучие никак соделаться не может; а если бы, последует сей писатель, и нашелся такой неосторожной народ, которой бы свою естественную вольность уступил, то должно его почитать яко безумного, от которого никакой договор силы не имеет. «Но должно здесь рассмотреть, соответствует ли самодержавная власть такому первенствующему договору. И сие мне кажется сумнению подвергнуто, ибо можно ли тут надеяться на сохранение естественной вольности, где власть законодательная и исполнительная в единой особе сообщена, которая, не быв подвергнута никаким законам, по своим изволениям, часто от своенравей и страстей происходящим, пременяет правы и законы и содержит подданных в таком состоянии, что они ни один час не могут быть уверены не токмо в сохранении своих именей, но и самой жизни?»

14. Примечание **. По вышепредложенным примечаниям видно, которое—республиканское или монаршическое—правление к концу сему достигает.

15. Примечание ***. Таковые главности господин Мон-

* § 13: «какий предлог самодержавного правления? — спрашивает Екатерина. — Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большего ото всех добра».

** В § 14 говорится о том, что правление, обеспечивающее гражданам общее добро и меньше других стесняющее естественную вольность, «есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на которой в учреждении гражданских обществ взирают неотступно».

*** § 15. «Самодержавных правлений намерение и конец есть—

тескину в книге «О разуме законов», книга V, глава 9, предполагает монаршическому, а не самодержавному правлению; однако и в сем случае кажется, что слава более действует над республиканцами, нежели над теми, которые под монаршическим правлением живут. Из самых древних обыкновений видим, что из дерну сложенной или дубовой венец больше римлян к подвигам за отечество побуждал, нежели великие, корыстные награждения в монархии то могли учинить; а в Венеции и ныне за государственные чины жалования не получают. И в самом деле, кажется, что в републиках слава должна более граждан побуждать, ибо вся честь и слава, упавая на общество републиканское, каждой особо себя участником оные считает. Господин Монтескину и сам, является, признал сию истину, ибо к чести, которую он за главность сего правления полагает, прилагает многие вещи, клонящиеся к обогащению и усилению благородных, яко тех, кои могут сие правительство подкрепить. Но чтоб единая слава в сем правительстве действовала, а паче в самодержавном, сие мне кажется совсем невозможно, ибо может ли человек охотно пожертвовать себя за то, в пользе чего он участия себе никакого не ожидает, и может ли иногда и не зная своего государя, чтобы ему единому славу приобрести, жизнь свою к опасности подвергать? Заключим, что в монаршическом правлении надежда «награжденей и любочестие побуждает людей к службе, а в самодержавной единой страх».

16. Примечание *. В примечании на 15 статью сказано: которое правление сохраняет естественную вольность человеку, которая, повторяю, конечно, под единоначальством не может сохраниться. Да и в самой сей статье ска-

слава граждан, государства и государя». Книга у Монтескье озаглавлена: «О том, что законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать основному началу правления». Глава 9 озаглавлена: «Каким образом законы относятся к основному началу в монархиях». Основным же началом монархического правления Монтескье считает честь. А так как дворянство «почитает честь дочерью и матерью своею», то законы и должны защищать имущественно-правовые интересы благородного дворянства.

* § 16. «Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию под[д]анных, как и сама вольность».

зано, что сей разум вольности то же может произвести, как и самая вольность. Следственно сей разум не есть вольность и потому он по крайней мере маска вольности, и может стать, что люди, прельщенные сей маскою, сначала подумая, что они вольны и будут все то делать, что дух вольности вселяет; но как никакая прелесть долго пребывать не может, вскоре узря, что они лишь тщетной вид имели, в вящее порабощение впадут.

18. Примечание. Монтескиу, книга II, глава 4*. Но он прилагает: *«сиречь того где один правит по основательным законам»*** . Отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы, быть верные хранители оным.

19. Примечание***. Монтескиу, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по основательным законам государства, и тогда, давая иль утверждая с согласия правительств сделанные законы, есть действительно источник всякие государственные и гражданские власти; но и сам обязан становится повиноваться им установленному закону. Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону. Тут правда, что вся власть от него единого истекает, но не всегда она растворена на сем правосудии, коего ради первоначально народы вольность

* § 18. «Власти средние, подчиненные и зависящие от верховной, составляют существо правления». Взято Екатериной из II книги «Духа законов», озаглавленной: «О республиканском правлении и в особенности об отношении законов к демократии». В главе 4 этой книги говорится «об отношении законов к натуре монархического правления». Важно заметить, что Екатерина обрывает Монтескье в том месте, где идет речь о необходимости «коренных» или, как говорит Щербатов, «фундаментальных законов» в монархическом правлении. В примечании Щербатов и приводит окончание фразы Монтескье.

** Подчеркнуто в оригинале.

*** § 19. «Сказано мною: власти средние, подчиненные и зависящие от верховной в самой вещи государя есть источник всякие государственные и гражданские власти». Тоже взято из Монтескье, глава 4; но, как и большинство приводимых Екатериной текстов автора «Духа законов», мысль эта искажена императрицей в угоду оправдания неограниченной власти монарха, между тем как Монтескье власть государя ставит в зависимость от дворянства и «коренных законов», охраняющих интересы последнего.

свою уступили. И тако часто она клонится к нарушению первенственного сего договора.

20. Примечание *. Слова господина Монтескиу, книга II, глава 4, «О разуме законов». В самом деле, не может государь всех дел судить, ибо коликое бы он прилежание ни имел, но за множеством их не мог всем своим подданным правосудие учинить. Приложим к сему убыток и беспокойство, каковое бы сии претерпели, если бы ради всяких своих дел принуждены были из отдаленных мест на суд пред государя приежжать. Сего ради правительствы подчиненные суть необходимо нужны, дабы по разным делам и местам скорейшей суд и расправу народу делать. Остается токмо в сем случае государю: 1) стараться колико возможно ясными и справедливыми законами оные снабдить, 2) избирать для посажения в оные людей честных и просвещенных и 3) наблюдать за самими оными, чтобы оне во зло власть свою не употребили. Ибо в самом деле, колико бы государь мудр и милосерд ни был, но не может он своею особой ни сотою части зделать добра, колико подчиненные судии зла произведут.

21. Примечание **. Премудрость и великодушное Петра великого ни в чем столько не видны, как в том, что генеральным своим регламентом позволил сенату противу его указов предлений делать¹⁷, и в его время князь Яков Феодорович Долгоруков часто брал смелость воли монаршей спорить¹⁸. И хотя то же правило и ныне царствующей государыней не токмо для сената, но и для всех коллегей подтверждено и разпространено, но со времен Петра великого не видно, чтоб сенат когда на именные указы представление делал. Отчего же сие происходит? Оттого ли, что государи в ошибки не впадают? Сие невозможно, ибо, быв люди, есть подвержены к слабостям человеческим. Или оттого, что сенаторы или не видят пороков или, и видя их, не смеют противуречить? В сем обоим состоит

* § 20. «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть государева». Взято из Монтескье. См. сноску к § 18.

** В § 21 Наказа речь идет о роли «средних правительств» в государственном управлении. По мнению Екатерины, задача их состоит в том, что они указывают монарху, что «такой-то указ противен уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить, и определяющие наперед, каким указом должно повиноваться и как по оным надлежит чинить исполнение...»

вина государская, зачем в первое правительство государства определять непросвещенных или нетвердых людей. В самом же деле мне кажется, что государи, оставляя пребывать сей закон, не желают видеть исполнение по нем и вследствие сего таких и людей в сенат сажают, бояся, чтобы твердые своими представлениями не нарушили их власть, что они бунтом почитают, хотя бы в самом деле сие было сохранения пользы государства и умножения славы монарха, а неисполнение сего обеим сим неизбежной вред приключает.

23. Примечание *. Сии суть слова господина Монтескиу в книге «О разуме законов», книга II, глава 4. Но сей именитый писатель сие говорит о таком правительстве, где единой управляет по основательным законам, а не о таком, где самовластие его пределов не имеет, о коем правительстве самый же сей писатель и в сей же главе тако изъясняется:

«В государствах деспотических (самовластных), где нет основательных законов, тут нет и хранилища законов». И в самом деле, какие тут законы правительство может сохранять, когда оне есть так же непостоянны, как мысли и своенравие ее правителя? Однако ни в наказе, ни в обряде уложенной комиссии нигде не сказано, чтобы основательные законы государства сделать; что бы однако, казалось, должно было быть началом всего учреждения; следственно и Наказ сей к деспотическому правлению ведет.

24. Примечание **. Сии правительства, принимая законы от государя, рассматривают оные прилежно и имеют право представлять, когда в них сыщут, что они противны уложению и прочая, как выше сего в главе III, в 21 статье сказано. Примечание. Зри примечание на 23 статью.

26. Примечание***. Наименование сената, яко представляющее нам воображение о римском того же имени правительстве, подает нам о нем мысль важнее, нежели он

* В § 22 и 23 говорится о необходимости иметь «хранилище законов» и его задачах. «Сие хранилище инде не может быть нигде, как в государственных правительствах, которые народу извещают вновь сделанные и возобновляют забвению преданные законы». Взято из Монтескье.

** §, 24 Щербатов полностью цитирует из Наказа.

*** § 26. «В России сенат есть хранилище законов».

есть; но в самом деле, не имея власти законодательной, а исполнительную весьма стесненную мало силы имеет, ибо во всяких делах немного сумнительных подает доклады к государю, а государь, не посоветовав с корпусом сената, но по одним словам генерал-прокурора дает свои раболопно принимаемые сенатом решения. Следственно когда ни имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то тшетно имя хранилища закона ему давать, которого он токмо маску носит¹⁹, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судии не суть хранители законов, но исполнители воли деспота.

27. Примечание *. Выше уже примечено, что дух деспотической власти производит то, что сенат никогда не дерзает власть сию в действие производить, а как деспотическая власть не тем одним вредна, что государь по своим прихотям, а не по законам поступает, но и тем, что в таком правлении и протчие все правители над подчиненными своими то ж деспотичество исполнять желают, отчего происходит, что хотя в России коллегии и имеют власть представлять сенату, но строщася от него наказания, никогда не осмеливаются то сделать; следственно и сие право, нужное к сохранению законов, без действия остается.

28. Примечание **. Объяснение сие о хранилище законов является предполагать, яко бы был какой закон, установленной для сохранения других законов и порядка правосудия, каков действительно и есть генеральный регламент, обнародованный Петром великим; но как никакой закон не может для сего довольно силен быть, естли не подкреплен действующим правительством, того ради и здесь в статье 26 сие и сказано о сенате; следственно сия статья с выше означенной противуречие имеет; ибо в той

* § 27. «Другие правительства долженствуют и могут представляти с тою же силою сенату и самому государю, как выше упомянуто».

** § 28. «Однако ежели кто спросит, что есть хранилище законов? — на сие ответствую: законов хранилище есть особое наставление, которому последуя вышеозначенные места, учрежденные для того, чтобы попечением их наблюдаема была воля государева сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением, обязаны поступать в отправлении своего звания по предписанному тамо порядка образу».

хранилищем законов названо правительство, а здесь закон.

29. Примечание *. Означенные действия в сей статье принадлежат к законам, а не к тем установлениям, которые названы здесь хранилищем законов, которые токмо порядок суда и права судебных мест и судей учреждают.

30. Примечание **. Не обрядом или регламентом оправдываются осуждения, но всеобщими законами.

32. Примечание ***. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XXI, глава 20. Хотя означенной писатель слова сии к другой притчине прилагает, но так же оне суть приличны и к сей, а можно сказать, что разум их в себе вмещает всю важность и всю пользу, каковую мы от нравственных правил получили: то есть что человек не может быть твердо щастлив, естли щастие его не сопряжно и с общим благополучием. Но как таковое правило не всякому внимательно, то устанавливаемые на преступников законом наказания удерживают его страсти и, так можно сказать, неволею его к благополучию его ведут.

34. Примечание ****. Ничего справедливее нет сего положения, что касается до сохранения чести и имени гражданина; но что касается до наказаний надлежит в сем различие сделать. Например взятие под стражу, телесное наказание и подобные сокрушают благородного, но под-

* § 29. «Сии наставления возбранят народу презирать указы государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охранять его от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей».

** § 30. «Ибо, с одной стороны, сими наставлениями оправдаются осуждения на преступающих законы уготованные, а с другой стороны, ими же утверждается быти правильным отрицание то, чтобы вместили противные государственному благочинию законы в число прочих уже принятых, или чтоб поступать по оным в отправление правосудия и общих всего народа дел».

*** § 32. «Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что когда страсти его вверяют в него мысли быть злым, он однако считает себе за полезнее не быть злым». Книга XXI озаглавлена: «О законах в отношении к торговле...», глава 20-я этой книги заканчивается словами: «Счастливы люди, когда находятся в таком положении, что в то время, как страсти заставляют их быть злыми, они находят свою выгоду в том, чтобы быть добрыми» (ч. II, стр. 173—174).

**** § 34. «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

мый сего не страшится. Недавно бывшей пример сие больше доказует: Пушкины, быв изболечены в потделании фальшивых ассигнаций²⁰, меньше страшилися смерти, нежели телесного наказания, и когда к лишению дворянства были осуждены, тогда стенание их идучи на эшафот доказывало, колико чувствительно было сие наказание; но в самое время сего печального позорища многие подлецы дивилися малого наказания, почитая сие ни за что. Следственно то, что поражало сих преступников благородных и наказанием бы не было для подлых людей. Следующая статья является сие подобным образом изъяснять.

35. Примечание*. Следственно сие и касается токмо для роздавательного правосудия, а не до наказания.

38. Примечание**. Законы не обуздывают вольность человеческую в добре, но токмо в таких вещах, которые клонются к разрушению общества; например, естли бы каждой имел право оружием обиду свою отмщать, то бы безпрестанно друг против друга вооружались, во всегдашней недоверенности жили и наконец бы общество к разрушению довели.

39. Примечание***. Сии суть слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6. Надлежит к сему прибавить, чтобы подданной и от монаршей власти

* § 35. «Сие равенство требует хорошаго установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, порученные им только как правительствующим особам государства».

** В § 38 речь идет о вольности, которая, по утверждению Екатерины, «есть право все то делать, что законы дозволяют», и не делать того, что «законами запрещено».

*** § 39. «Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них своею наслаждаться безопасностию и, чтоб люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другаго, а боялися бы все одних законов». Этот параграф в основном взят из XI книги «Дух законов», озаглавленной «О законах, составляющих политическую свободу в отношении к конституции». Глава 6 «Об английской конституции». Приводим полностью выписку из Монтескье: «Политическая свобода гражданина есть спокойствие духа, происходящее от уверенности в своей безопасности, а чтоб приобрести сию свободу, правление должно быть так учреждено, чтобы один гражданин не боялся другаго гражданина» (ч. I, стр. 270—271). Из сравнения видно, насколько перевод и цитирование Екатериной Монтескье не соответствуют подлиннику. Об этом же говорит и Щербатов в своем примечании.

несправедливости не претерпел; ибо тщетно будет наслаждаться безопасностью от равных себе, когда кто могущая всех и может сию его безопасность нарушить. И таковы суть мнения господина Монтескиу. «Когда, — говорит он, — в единой особе или в едином корпусе судей законодательная власть со исполнительной соединена, тут нету вольности, ибо можно опасаться, чтоб тот же монарх иль тот же сенат не сделал мучительских законов, дабы их мучительно исполнять и прочее. И потом таковые могут общим своим изволением опустошать государство; и яко имеющая власть судить, могут истребить каждого гражданина особливыми своими изволениями».

42. Примечание *. Разные есть степени нарушения должности: единые разрушающие спокойство граждан должны законными наказаниями истребляться; другие же причиняющие соблазн и повреждения нравов чрез презрение предупредиться должны. О сих сочинитель «Системы природы»²¹, стр. 162, так говорит: «Дабы человек был добродетельной, надлежит, чтоб он находил себе пользу последовать добродетели. Надлежало бы для сего, чтобы воспитание дало ему справедливые воображения, чтоб всеобщее мнение и пример показал[и] ему добродетель, яко единую притчину, достойнейшею почтения, чтоб правление ее верно награждало, чтоб слава существовала всегда с нею, чтоб пороки всегда в презрении были и пр.» Из чего следует, что хотя не все пороки должны быть преступлениями почитаемы, и яко таковые законами наказуемы, но все по мере важности их по крайней мере некоего презрения достойны. Таковой поступок в правительстве произведет добрые нравы и через самое сие и законы непоколебимы учинит.

(43) 44. Примечание**. Страдание сие будет бесплодно,

* § 42. «Все действия, ничего такого в себе не заключающие, нимало не подлежат законам, которые не с иным намерением установлены, как только чтобы сделать самое большое спокойствие и пользу людям, под сими законами живущим».

** § 43. «Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы стараться должен сохранить нерушимыми сии законы».

§ 44. «И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно».

если основательные законы не утвердят безопасность государства; и пока власть законодательная и исполнительная в одной особе пребудет.

51. Примечание*. Точные слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 4. Сие есть неоспоримо, что вера, климат, законы и обычаи господствуют над человеком. Из чего и следует, что те законы токмо будут не[по]колебимо исполняемы, где чистое веры нравовление обуздает неприличные движения страстей, где наглым образом оне не будут насиловать расположение и нужды от климату происходящие, где оне, поправля нравы, учинят то, что преступление закону и без судебного наказания презрением сограждан наказано будет. Дикие народы, имея весьма мало нужд, без судебных обрядов и без писанных законов последуют токмо тому, чему природа их научает, и тщатся приобрести себе те выгоды или избегнуть от неудобностей, производимых климатом. Хотя из древних лет китайцы имели своих законодателей и мудрых философов, давших им законы и нравственные наставления, и китайцы толь самым испытанием изведав полезность оных, что чрез самое воспитание стараются юношам их в сердце вложить, отчего и происходит, что обычаи толь великую силу взяли, что они уже вместо законов сим мудрым народом управляют. Противное сему видно в Японии, где суровой и неснабженной наставлениями народ лишь тиранскими наказаниями в границах должности своей удержан может быть. Ликург²², отняв все естественные удовольствия, на краткое время ввел такие законы, что жизнь народа его нравы могли устроивать; но вскоре узря вящие удовольствия, желание лучшего спокойства прервало нравами и законами поставленные оплоты, и народ со нравами и законами позабыл. В Риме хотя бедность и в почтении была, но не нравы составляли основание правительства, а уставленные законы, подкрепляемы[e] примерами древних именитых мужей; но как беспрестанные несогласия между народа и сената к частым переменам законов** притчину подавало, а уже

* «Вся глава VI Наказа («О законах вообще») составлена Екатериной II из книги XIX Монтескье «О духе законов», в которой говорится «о законах в отношении к основному началу, составляющим общий дух, нравы и обычаи народов».

** «В рукописи «частным переменениям законом».

древние строгие нравы их не подкрепляя, то вскоре повреждение законов и нравов к падению республику привели.

55. Примечание *. Сие все взято из Монтекиу «О разуме законов», книга XIX, глава 9. Остается токмо заметить, что не все от климату действие верности испанцов и неверности китайцев происходит, но кажется мне, что испанцы в древние времена весьма вольный и почти дикой [народ], не имея поврежденных нравов, через самое сие толикую верность показывал; но когда по разным пременам Ишпанция почти под деспотическое правление впала, ненадежность их в собственности своей и побуждает дозволять чужестранным народам под именем своим в Америку торговать, куда самоличной торг всем чужестранным запрещен. Та же притчина деспотичества другое действие в Китае производит, ибо китайцы, не весьма приятно принимая чужестранцов и всякой желая по ненадежной своей жизни скорее пользоваться удовольствием богатства, за стыд себе не почитают всякие обманы употреблять. Таким образом неограниченная власть везде лишь вред и повреждение нравов производит.

56. Примечание Монтекиу «О разуме законов», книга XIX, глава 2 **.

57. Примечание***. Монтекиу, тут же, книга XIX, глава 5. Сие есть толь неоспоримая истинна, что каждый мною собственным своим испытанием оною изведаль; и тако чувствию каждого особо человека, сложенные в общество, правило сие утверждают.

58. Примечание****. Не могут хорошие законы быть,

* В § 55 речь идет о разности характеров китайцев и испанцев, причиною чего—разность климатов. Весь параграф взят из Монтекье, книга XIX, глава 10 «О характере испанцев и китайцев» и частично из главы 9 «О суетности и гордости народов».

** Глава 2 книги XIX Монтекье озаглавлена: «Умы должны быть приготовлены ко введению лучших законов». В дальнейшем мы не делаем сноска на те пункты Наказа, в которых Щербатов указывает лишь источники заимствования Екатерины II из Монтекье, не делая своих примечаний.

*** § 57. «Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности». Взято из книги XIX, главы 5, озаглавленной «Как осторожно надлежит поступать, чтобы не переменить общего духа народа».

**** § 58. «Для введения лучших законов необходимо потребно

если оне не на нравах основаны и нравственными добродетелями не подкрепляются, что, кажется, и самая сия статья гласит. Но уже через 5 лет по издании сего наказа старались ли истребить пороки и ободрить добродетели? Поправились ли наши нравы? Не видно сего нимало. Но напротив кажется, что ежечасно мы в бездну пороков снисходим. Из чего единого и должно заключить, что означен[н]ая мысль в сей статье или не чистосердечна, или не имеют довольно твердости, чтобы ее в действо произвести; следственно и надежда о поправлении нашего состояния через мудрые законы есть весьма подвержена сумнению.

59. Примечание *. Но дабы сии нравы и обычаи вогнездились в сердцах народа, надлежит, чтобы правительство неусыпным оком бдило напращать добродетели и укрощать пороки, ибо в самом деле путь добродетели есть жесток. Возьмем пример придворного, когда единой, любя отечество и государя, не отверзает уст своих на лесть, лжу и клевету, когда пред недостойными временщиками колено не приклоняет, когда последует единым зтезям добродетели, хочит служить, а не угождать, и лишенный защитников в бедности и в презрении оставлен пребывает; с другой страны, когда другой, жертвуя все своему честолюбию, не помышляя о добродетели и о должности гражданина, льстя своему государю, утверждает его пороки, соплетает ков на ближняго, пред временщиками раболепно трусит и, одним словом, коего все слова суть ложь, все мысли — злоба и дела—преступления, и таковой богатством, силою и честью одарен. То кто, зря сии примеры, осмелится быть добродетелен, ибо мало таких сыщется, которые бы были добродетели для ее самое со исключением своей пользы. Сие же можно положить и к другим состоянием людей. То как тут можно народу добродетельну быть, где пороки выгоды пред добродетелию имеют?

умы людские к тому приуготовить. Но чтоб сие не служило отговоркою, что нельзя установить и самого полезнейшего дела, ибо если умы к тому еще не приуготовлены, так примите на себя труд приуготовить оные, и тем самым вы уже много зделаете».

* § 59. «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа». Весь параграф взят из Монтестье, книга XIX, глава 14.

60. Примечание *. Слова господина Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Пример сему мы ясней видим: запрещено вывозить ** богатые парчи указом, а обычай настоят их носить, из чего и происходит, что их тайно провозят и все, публично противуборствуя закону; носят. Тако всегда бывает закон презрен, когда он обычаями не подкреплен; но в воле монаршей состоит примером своим ввести и обычаи. Когда же что определить законам, а обычаем то не тшится утвердить, то сие доказует его неосторожность.

62. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 8.

63. Примечание ***. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 14. Весьма есть справедливо сие положение, ибо в самом деле, чего ради налагается наказание? Двух родов оные суть: иль оставляющие жизнь человеку и таковые, делая ему возмездие за его преступление, отвращают и его самого в подобное впадать и в пример другим служить; иль отнимающие самую жизнь у человека, и в таком случае государство хотя с сожалением лишается своего сына, но в том находит необходимую себе нужду, дабы погублением единого многих сохранить. Всегда же благоучрежденное правительство, взирая на слабость человеческую, старается наказанием уменьшить и токмо по самой необходимости их налагает. Следственно не слепое самовластие их должно производить, но самое начальное основание обществ, то-есть чтоб предохранить безопасность каждого. И как люди свою вольность уступили для общей пользы, все то, что хотя блага обществу не приключает, но и не делает ему никакого вреда, под законы не подлежит, ибо при первенствующем основании обществ люди не могли уступить свою

* § 60. «Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онаго добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменить сбычаями». Взято из Монтескье. См. сноску к § 7.

** Употреблено Щербатовым в смысле «ввозить» из других стран.

*** § 63. «Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние по своему естеству не подлежат законам». Взято из Монтескье. См. сноску к § 7.

вольность, как токмо в том, что к разрушению вольности клониться может.

65. Примечание *. Разные есть роды нравственных наставлений: единые предписывают точно правила, которым должно последовать, и нарушение их виною или преступлением почитается; другие же, клонящийся к высочайшей добродетели, которые не всякой может исполнить, суть правила совета, и неисполнение их виною не почитается. Ибо как по слабости человеческой не всякой может до высочайшей добродетели достигнуть, то б законы, превосходящие меру, во благом делая предписании [в]место советов о таких делах, учинились бы притчиною великому злу, потому чтоб мало бы было людей, которые б могли их точно исполнить.

67. Монтескиу «О разуме законов», книга XXII, глава 22.

73. Примечание **. Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4. Положенное сим писателем правило, что наказания не должны производиться от прихоти законоположника и что должны оные от свойства каждого преступления вывожены быть, хотя есть весьма справедливо, но могло бы подать притчину к следующему вопросу: неизчетное есть число преступлений и вин как в самом действии, так и в обстоятельствах их; то можно ли на все на оные сделать различные наказания, выводя из своего правила, чтоб по крайней мере единые весьма не ожесточить, а других не облегчить? Сего ради писатель показывает, что он в такую подробность входить не намерен и разделяет преступления на четыре рода.

75. Примечание ***. Статья 74 взята из книги «О ра-

* § 65. «Законы, преходящие меру во благом, бывают притчиною, что рождается оттуда зло безмерное».

** § 73. «Наказания, чинимые за оные (т. е. преступления против закона или веры, нравов, тишины и спокойствия, безопасности граждан), должны быть производимы из особого каждому преступлению роду свойства». Взято из книги XII «Духа законов», глава 4 «Свойство наказания и соразмерность их благоприятствуют свободе».

*** В § 74 Екатерина проводит ту мысль, что из числа преступлений против закона и веры гражданским наказаниям следует подвергать только те преступления, которые суть «прямые и явные святотатства». За остальные же (неправильное толкование закона, его непочитание и пр.), «где нет явного публичного действия» (Монтескье), следует подвергать преступников «... лишению всех выгод,

зуме законов» господина Монтеスキу, книга XII, глава 4, но приложение 75 статьи, вводя гражданский наказаний, изпровергает полезность положения 74 статьи; и в сем случае лучше бы всего последовать мысли господина Монтескиу, которая означенные слова в 74 статье тако объясняет: «В вещах, возмущающих спокойство или безопасность государства, скрытые дела принадлежат до человеческого правосудия. Но те, которые суть противу божества, тут, где нет общенародного действия, тут нет притчины гражданского преступления. И все сие тогда происходит между человека и бога, которой знает меру и время своих мщений. Естли же, смешивая вещи, судия так же будет изыскивать тайные святотатства, то распространит инквизицию на такой род деяней, где она не нужна, разрушит вольность граждан, вооружа противу их усердия робких и смелых душ.

Зло сие произошло от сего воображения, что должно отмстить божество. Но должно почитать божество, а не мстить его никогда». И в самом деле, когда народы уступили свою вольность для безопасности своей, когда подвергали себя наказаниям, естли разрушат общее спокойство, тогда обещались ничего противу общества не делать и не предпринимать, а не обещались и не могли того учинить, [чтобы] самую мысль свою невольну сделать.

79. Примечание *. Сии статьи 74, 75, 76, 77, 78 и 79 взяты из книги Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 4.

83. Примечание **. Все сие сказано очень хорошо, но не одне законы суть потребны для вложения добрых нравов. В республике строгость главных правителей и законы против роскоши сие исполнить могут, а в монархии

законом нам даруемых, как-то изгнание из храмов, исключение из собрания верных и пр.» В § 75 (на который Щербатов делает примечание) Екатерина пишет: «Во обыкновеннии же есть употребление и гражданских наказаний».

* § 79. В перечисленных параграфах речь идет о наказаниях за разные роды преступления, упомянутые нами в сноске к § 73.

** § 83. «В сих областях (т. е. в областях с «умеренным правлением») не столько потщатся заказывать преступления, как предупредить оные; и приложить должно более старания к тому, чтоб вселить узаконениями добрые нравы в граждан, нежели привести дух их в уныние казнями».

пример двора более силы может законов иметь. Карл I²³, король английской, любил женский пол, и весь его двор наполнен волокитами был. Генрих IV²⁴, король французской, был чистосердечен и имел щастие и в сане королевском иметь верных друзей. Можно заключить одним словом, что ни у какова народа законы к развращению общества и нравов не клонятся, но нигде они силы иметь не будут, естли сам государь пример добродетели не подаст; ибо в сем последнем случае самые злые в угодность государю добродетельны будут стараться учиниться. Но в таком государстве, где открытым неприятелям большим под видом порядка судебного меньшие в жертву придаются, где знает государь о злых качествах его советников, прельстясь токмо некоторою их острою, довольствуясь их называть «нужное зло», не токмо поверенности своей от них не отнимают, но и предпочитают их тем, в честности тех кои сами уверены, — в таком государстве, говорю я, могут ли законы довольно быть сильны, чтобы против толь злого примера нравы поправить?

91. Примечание*. Статьи 85 и следующие до сей (т. е. до 91) взяты из господина Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 12.

92. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 13. Ничто толь ни доказует, колико воспитание детей должно сходствовать с умоначертанием правления. Воспитание детей у японцев есть весьма кротко, а правительство сурово. Что-ж из сего истекает? Японцы, в младенчестве не терпя никакого огорчения, когда в совершенной возраст войдут, то и малое, что толико их озлобляет, что естли не могут отмщения себе получить, то сами себя умерщвляют. Человек, в обществе живущей, не может избавить себя от неких огорчений, и следовательно должен в младых летах запастись терпением. Я не говорю, чтобы должно было выгнать все чувства из

* § 91. Книга VI озаглавлена: «Следствия основных начал разных правлений в отношении к простоте гражданских и уголовных законов, к форме судопроизводства и к определению наказаний». §§ 85, 87, 88, 89, 90 и 91 взяты Екатериной из главы 12-й этой книги. В главе говорится «о силе наказаний».

** § 92. Речь идет о воспитании детей у японцев: там «с детьми поступают со кротостью для того, что от наказаний в сердце их вселяется ожесточение...» Взято из Монтескье, книги VI, главы 13, озаглавленной «Безсилie японских законов».

сердца человеческого, но не должно же его совсем нетерпеливым сделать; ибо всякая крайность худа, а умеренность есть предел премудрости.

93. Монтескию «О разуме законов», книга VI, глава 13.

95. Примечание *. Монтескию. «О разуме законов», книга VI, глава 14. Упомянутой закон в статье 95 есть тот, каковой во употреблении во Англии и подлинно есть, что в сей земле пораздо меньше смертоубиц, нежели во Франции, где за малейшее воровство вешают. Часто человек в воровство впадает по нужде или по нечаянному случаю и тогда, когда-ж зрит уж неизбежну свою казнь, становится, можна сказать, отчаянной и иногда, дабы скрыть свои грабительства и воровство, для безопасности своей жизнь других жертвует, а иногда и отчаянием побужден над другими зарание смерть свою отмщает.

96. Примечание **. Положение сей статьи есть весьма справедливо; ибо если преступление есть такой важности, что без великого наказания удовлетворить за безопасность общества не можно, то лутче у таког жизнь отнять, нежели, изуродовав тело, принудить и тогда, когда спокаится, беспристанное наказание чувствовать. Ибо наказание налагается не с тем точно всегда, чтоб преступление наказать, но чтоб проходящим примером отвратить других от подобных преступлений и самого преступника на путь правы[й] возвратить. Итак когда он раскаялся, то мучительно есть, чтоб наказании его еще пребывало. Во Франции клеймят людей на спине за воровство и в сем клеймени следуют они старому обычаю, а на закрытом месте учиненное *** оставляет ему еще способы к добродетели возвратиться; в России Алексей Данилович Татищев²⁵, человек жестокой, в бытность свою в генерал-полцимейстерах клеймил воров на щеках и на лбу, из чего произошло, что многие, быв с таковым знаком и [не] на-

* § 95. «Есть государства, где разбойники смертного убийства не делают для того, что воры, грабительствующие только, могут надеяться, что их пошлют в дальние поселения, а смертоубийцы сего ожидать не могут ни под каким видом». Глава 14, книга VI «Духа законов», озаглавленная «Дух римского сената».

** § 96. «Хорошие законы самой точной середины держатся: они не всегда денежное налагают наказание и не всегда также подвергают и наказанию телесному законопреступников...».

*** Клеймение.

ходя убежища, принуждены были разбойниками и душегубцами сделаться.

98. Примечание*. Учреждение сенату и коллегии есть весьма полезное дело; но полезнее бы оно было, естли [бы] от власти сената, хотя несовершенного, не отрезали многие правительства; ибо каждое частное правительство частно о вещах разсуждает, а сенат разсуждает сообража о них с общею пользою. Чтож касается до переносу дел к государю, коль оной ни труден есть, однако, яко показующей соединение законодательной со исполнительной властью и следственно деспотичество, то лутче чтоб такого переносу не было, а естли бы просьба была на сенат, то с прибавлением членов, в коем бы числе были выбранные сторон исца и ответчика сие дело последним решением окончино было.

103. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава I.

104. Примечание **. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава I. Сие положение есть весьма справедливо, ибо как в единоначальных правлениях по наследству престол государям достается в намятование заслуг их предков; то па самой сей притчине не может наследственной государь, не разруша сам своего права, отказать, чтоб и благородные по заслугам предков своих некоторых прав и преимуществ не получали. Нарушение же сего всегда со временем ко вреду государства обращается. Петр великой, дав право дворянства офицерам, которое в себе содержит право покупать деревни²⁶, сделал, что многие выслужившись, не имевши сходственных с их новым состоянием мыслей, жадничая к именьям, в воровство и в лихоимство впали, дворянские роды обнищали, и, не имев довольного именья, дабы пристойным образом детей своих воспитать, ежечасно уподляются. И тако произведенный, входя в дворянское достоинство с подлыми их прежнего состояния мыслями, в презрении остаются, а

* § 98. «Власть судейская состоит в одном исполнении судейских законов и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан».

** § 104. «Различие чинов, поколение, состояние людей, установленное в единоначальном правлении, влечет за собой часто многие разделения в существе мнения, а законы, относимые к установлению сея державы, могут умножить еще число сих разделений». Взято из Монтескье, книга VI, глава I «О простоте гражданских законов в разных правлениях».

старые дворяне, чрез бедность уподляясь, ту же часть прие­млют,—и обои исчезают. Также Петр великий, желая искус[с]тво ввести в свою империю, позволил фабрикантам и заводчикам покупать к их фабрикам и заводам деревни²⁷. Что из сего произошло? Многие фабриканты держут только фабрики для виду, а имеют деревни, чтоб пользо­ваться с них помещичьими доходами; работники на фаб­рике, быв худо заплачены, не тшятся в совершенстве ма­стерство свое познать, и искус[с]твы в невольничьих руках чрез 70 лет весьма мало успех имеют. Тако, повторяю, смешение состояней не может не ко вреду общества обратиться.

107. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 2.

112. Примечание *. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 1. То правда, что самые обряды судебные служат к сохранению и вольности гражданской, дабы судья, быв принужден по обрядам ко многим рассмотре­ниям и медленностям, поспешным определением правого не обвинил и имел время обо всем порядочно размыслить; но не должно однако таковые обряды до крайности простирать так, как в Рос[с]ии оно делается, где множе­ства письма, могущего весьма сократиться, великое замед­ление в делах производит, а чрез то правой челобитчик страждет и часто, не дождавшись конца своего дела, разорен умирает.

115. Монтескиу «О разуме законов», книга VII, глава 2.

116. Примечание **. Для сего весьма бы полезно было, дабы учредить корпус стряпчих, которым бы и цену с дел определить; ибо поныне принуждены платить за дела весьма дорого, да и те, кому платят, часто челобитчиков продают.

121. Примечание ***. Монтескиу «О разуме законов»,

* В § 112 речь идет о волоките и «лишних обрядах» в судопроизводстве. Но «проекты и волокиты также и самые в судах опасности, по мнению Екатерины, ни что иное суть, как дань, кото­рую каждый гражданин платит за свою вольность». Тоже взято из Монтескье, книга VI, глава 1.

** § 116. «Ответчика должно слушать не только для узнания дела, в котором его обвиняют, но и для того еще, чтоб он себя защищал — он должен или сам себя защищать, или выбрать кого для своего защищения».

*** § 121. «Послушествование двух свидетелей почитается до­вольным к наказанию всех преступлений. Закон им верит так, будто

книга VI, глава 17. Сие разумеется, естли объявлении свидетелей есть совершенно согласно между собою и со обстоятельствами дела; ибо в противном случае не можно на свидетелей утвердиться и для того сперва судия должен рассмотреть обстоятельства дела, сличить по существовании свидетелей с оными и между собою, и когда все сие найдет согласно, тогда и верить.

122. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17.

123. Примечание *. Взято из Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 17. Упомянуемой народ, который отместит пытку, суть агличане; но после времен сего писателя, а паче после издания книги «О проступках и наказаниях»²⁸ многие другие народы ее отметить стали. Обещанное изъяснение гледи статья 194.

124. Примечание **. Сей предлог оставлен без решения; но мнение мое на сие есть такое: понеже уже все уверены, что чрез пытку истины сыскать не можно, то для чего же и в сем случае человека пытаться? Надлежит его наказывать за его упрямство, что он себя ни виновным, ни невинным [не] признает, и возложить на него за упрямство умеренное наказание по важности дел. Сие воспрепятствует другим упрямяться в суде отвечать, а чрез то самое сие подаст способ к лехчайшему изысканию.

126. Примечание ***. Монтескиу, «О разуме законов», книга XI, глава 6. Сие есть столь справедливое правило, что достойно быть ежечасно пред очами у всякого народа.

127. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6.

129. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 6.

бы они говорили устами самые истины...» Взято из Монтескье, книга VI, глава 17 «О пытке над преступниками», как и цитируемый ниже § 123.

* В § 123 говорится о ненужности пытки, так как употребление ее «противно здравому естественному рассуждению». См. сноску к § 121.

** § 124. «Есть законы, кои не дозволяют пытать кроме только в тех случаях, когда ответчик не хочет признать себя ни виноватым ниже невинным».

*** § 126. «Надлежит, чтоб судимые в великих винах с согласия законов разбирали себе судей или по крайней мере могли бы отрешить из них толикое число, чтоб оставшиеся казались быть в суде по выбору судимых преступников». Взято из Монтескье, книга XI, глава 6 «Об оборонительной силе держав вообще».

130. Примечание *. Сей обычай исполняется в Англии, где так жюре оканчивают таким образом решительной приговор. Но я сомневаюсь, не имеет ли сие обыкновение чего варварского, взаимственного от грубых обычаев, в которые Европа была погружена. Правда, сие помощствует к скорому окончанию дел, но можно ли чрез голод сделать, чтоб право разсуждали, и не странно ли принуждать сим самым голодом не соглашающихся между собою судей противу совести своя согласиться. Однако и сей обычай может быть иногда с пользою употреблен; но то токмо в таком случае, когда замедление их принудит государственного опекуна к сей крайности прибегнуть.

131. Примечание **. Монтекиу «О разуме законов», книга VI, глава 4. Таковой обычей предполагает неясность законов, ибо где законы ясны, тут нет нужды судиям между собою соглашаться, а должны токмо последовать законам, коего они токмо исполнители суть. Правда, ежели когда случится, что есть на одно дело разные законы, тогда милосердый всегда строжайшему должен быть предпочтен; ибо разум человеческой есть толико слаб, что нередко в судах люди ошибаются. То лутше виновного меньше наказать, нежели безвинного наказать строго.

132. Примечание ***. Монтекиу «О разуме законов», книга VI, глава 4. Сей обычай римлян, яко они и сами после признали, был конечно несправедлив, ибо не челобитчик должен устанавливать число иску, но закон. Следственно он нам не что иное показывает, как-то: с коликим трудом все народы из невежества выбивались.

* § 130. «Следуют разные области, коими делаются приговоры. В некоторых землях запирают судей и не дают им ни пить, ни есть до тех пор, покамест единогласно не будет окончан приговор».

** § 131. «Есть царства единоначальные, где судьи поступают на подобие производящих суд третейский, они рассуждают вместе, сообщают друг другу свои мысли, соглашаются между собой, умеряют мнение свое, чтобы сделать оное сходственным со мнением другого и ищут соглашать голоса». Взято из Монтеские, книга VI, глава 4 «О образе судопроизводства».

*** § 132. «Римляне не приговаривали по иску, кроме означенного точно без прибавки и убавки и без всякого умерения оно-го». Тоже из Монтеские, книга VI, глава 4.

133. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 4.

134. Примечание*. В российских законах и положено, [с] сдуных дел пошлины по 10 со 100 в первом суде, а в случае переносу пошлина сия удвоится, сверх того положены происти и волокиты по 36 рублей на год в пользу оправленного по делу. Кажется, что сие положение есть мало, ибо нет такого дела, которое бы правому человеку не более бы 36 рублей в год убытку и хлопот приключило. И тако казалось бы лучше, естли бы вместо проистей и волокит положены были некоторые проценты в пользу правова, и сие бы многих от ябеды и от волокит дело отвратило. С другой стороны, по земляным делам пошлины в Рос[с]ии положены толь малы, что сие самое может быть подает притчину к толь великому числу дел.

135. Монтескиу «О разуме законов», книга XI, глава 136, тоже.

139. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга VI, глава 8. При Петре великом учреждены для сего фискалы, но сии хотя были люди публичные, но принуждены наконец их были оставить. Кой же наипаче может вред произойти от такого человека, которой будет тайно доносить, ибо должность есть толь зазорна, что ни один честной человек в нее не пойдет, а бесчестный более вреда, нежели пользы зделает. Чтож в таком случае делать, дабы истребить многое зло, которое, не взирая на законы, вкрадывается в правительство и с коего намного и законов не можно зделать? Кажется, что римской обычей и для сего был весьма способен, то-есть, что знатнейшие люди республики публично пред народом преступников донашивали, но сие весьма похвально в республиканском, а не в монаршиском правлении; однако можно позволить чтоб пред правительство приватные люди ко злоупотреблению доносили, но с тем, что как немаловажные, так часто повторяемые доносы навлекают безчестие на того, кто оные чинит, и подвергают наконец его к обнародованию, что он человек, любящий доносы, и чтоб его все опасались, а через самое сие и доверенности себе лишился.

* § 134. «За приклеенный иск истец лишается иска; надлежит и на ответчика налагать пеню, если не признал точно, чем он должен, дабы сим сохранить с обеих сторон добрую совесть».

** В § 139 речь идет о доносчиках. Взято из Монтескье, книга VI, глава 8 «О доносах в разных правлениях».

140. Примечание *. Монтеスキу «О разуме законов», книга VI, глава 17. Но должно для сего, чтоб состояние судей было учинено такое, чтоб им и покуститься не должно было ни к каким взяткам; ибо конечно тот виновнее, которой берет для удовольствования своего сластолюбия или корыстолюбия, нежели тот, которой токмо берет для своего дневного пропитания. Итак по крайней мере сие дневное пропитание должно ему правительство приобрести и тогда уже строго требовать, чтоб он ничего не брал. Петр великий сперва повелел судиям брать некоторую пошлину с дел. Мудрый закон, который награждал судию по мере как он трудится; но не знаю зачем, во время же Петра великого он и отменен стал, а оставлены судии столичных городов и губернаторы на весьма малом жаловании, а воеводы и никакого не получают, то как бедным людям возможно было прожить, чтобы чего не брать? Сие произвело, что зачали сперва брать для естественной своей нужды, но как [к] взяткам привыкли и потеряли стыд принимать посулы, то вскоре надлежащие границы умеренности преступили, и стали уже не судии, а грабители государства. Нынче царствующая государыня, дабы уврачевать сие зло, определила всем жалование гораздо больше прежнего. Сие несколько отвратило от больших вздоимств; однако привыкшие люди ко взяткам иль взятки продолжают еще брать, или зная, что не по мере своего труда заплачены, ничего не делают, а правосудие час от часу претерпевает.

141. Примечание **. Всякая опись имения на государя может произвести многие злоупотребления, ибо нередко временщики, желая присвоить себе чье имение, налагают на него вины оскорбления величества. Многие сему печальные примеры бывали при римских цесарях, где корыстолюбие самих императоров и временщиков много безвинных людей погубило.

177. Примечание ***. Надлежит примечать, для чего виновный не соответствует, подлинно ли от неимения

* § 140. Речь идет о взятках. Ссылка Щербатова на Монтеские не верна. В главе 17 книги VI «Духа законов» речь идет о попытке над преступниками, о взятках — ни слова.

** § 141. Речь идет об описи имений на имя государя за оскорбление «его величества».

*** § 177. Речь идет о несовершенных доказательствах.

довольных притчин ко оправданию или от робости; и в таком случае должность судии состоит не токмо его ободрить, но и внушить ему все то, что к оправданию мфжет служить, ибо жизнь гражданина должна так драгоценна почитаться, что не можно иметь довольно предосторожности, дабы судию от опасного обвинения предохранить.

179. Примечание *. Подлинно, что проворнейшее изыскание преступлений весьма способствует к верному образу познания. Преступник, приведенный и тотчас со всей строгости распрашиванный, не столько может своего преступления утаить, как если дадут ему время на размышление.

182. Примечание **. В разных правлениях взяли разные осторожности, дабы суд правой сохранить: оттуда произошло установления собраней мудрейших и добродетельнейших мужей, оттуда законы и наука законов. Во Франции парламентский собрании, сочиненные из лучших людей государства, не могли еще происходящих от страстей неправосудий упредить; агличане, наученные испытанием и ревнивые к своей вольности, не токмо определили, чтоб каждого равной ему судил, но, опасаяся и тут страстей людских, позволили обвиняемому некоторое число судей своих за подозрением отрешать. И сие кажется, колико возможно по человечеству, предупреждает неправосудия, ибо обвиненный оставляет токмо тех судей, на коих справедливость надеется может. Петр великий также видел нужду отрешать судей за каким подозрением; но притчины, коих ради представлять позволил в подозрение, в толь узкие границы вместил, что сие мало в пользу обвиняемых служит. Сии притчины суть: если судия с обвиняемым имеет какое приказное дело; если судия ближний свойственник или родственник противной стороне; яко бы не можно было иметь злодеем судию, не имея с ним приказного дела иль будто единые узы свойства или родства связывали людей. И тако лутче всего по-

* § 179. Говорится о том, что «в изыскании доказательств преступления надлежит иметь проворство и способность...»

** § 182. «Також и то еще справедливо, чтобы обвиняемый мог отрешить некоторое число из своих судей, на которых он имеет подозрение. Где обвиняемый пользуется своим правом, там виноватый казаться будет, что он сам себя осуждает».

следовать аглинскому обычаю, то-есть позволить каждому отрешать некоторое число судей, и не спрашивая о причинах подозрения.

183. Примечание *. Сие толь полезно, что в Мо[н]голии, где деспотичество до вышней степени достигло, мучительство тамошних государей тем одним удерживается, что всякие у них суды судят публично пред народом. «Коль не велико мучительство здешних странах, говорит один писатель, однако царь и вельможи выслушивают все дела и, давая определения на площади пред народом, стыдятся явные неправосудии делать».

186. Примечание**. Таковое свидетельство токмо в пользу осужденного приняться может; ибо правило каждого судии должно быть, чтоб, не делая послабления, оправдать обвиняемого, а не стараться сыскивать способов его виновным сделать. Ибо довольно есть слабости в разуме человеческого, которая самую безвинность затмевает и погубляет иногда людей; и тако лутче тысяча виновных без наказания оставить, нежели одного безвинного погубить.

210. Примечание***. Сие не подвержено никакому сомнению, что везде тут, где безчеловечнейшие наказания есть, тут суровее народ становится и доходит даже до презрения обыкновенной казни. Мы зрим тому пример в диких американских народах: колико они не показывают безчеловечества над взятыми ими пленными, толь более оне с нечувствительною твердостью суровость их мучителей терпением своим тщатся преодолевать. Но что касается до смертной казни, за главное правило себе должно поставить, что наказание не чинится единственно возмездие за преступление, но также для показания примеру, дабы через сие и других от подобного зла отвратить; и тако умалчивая то, что кровь каждого напрасно убиенного пред господом отмщение вопиет; убиец, обогрив руки

* § 183. Говорится о необходимости приговора суда и доказательств преступлений.

** § 186. Речь идет о свидетельских показаниях осужденного приговором суда и считающегося поэтому мертвым человеком в гражданском (политическом) смысле этого слова.

*** § 210. Говорится о ненужности смертной казни в обществе, где «вся власть в руках самодержца». Царствование Елизаветы Петровны, отменившей смертную казнь, приводится как пример для подражания.

свои в крови невинной, изъявля не человеческое, но зверское сердце, лишив отечество гражданина, не должен ли пролитием своей крови пример другим показать, дабы от подобного воздержались? Может быть на сие будут мне отвечать, что есть другие казни, которые наказанием убийцу могут служить и употребя его в тяжкую работу пример другим подадут, а остаток дней его послужит еще к пользе отечества. Я не знаю такое изобретение не вящее [ли] самой смерти есть наказание, ибо, с одной стороны, он чрез сие осужден бывает к долговременному терпению, так что всякой час его жизни ничто иное есть, как мучение, чинящее ему ненавидеть жизнь, а не приобретающей ему смерти, а с другой — зрящие его жива не воображают себе тяготы его жизни, не толь сим примером устрашаются да и сам [он] редко в покойние приходит, а напротив того, ежечасно ищет, как бы побегом спастися, а беглой каторжной и поневоле для пропитания своего принужден в преступление впасть. Царствование императрицы Елизаветы Петровны конечно достойно удивления, ибо, не взирая на милосердие ее, что казнь смертная стала отменена²⁹, воровство и смертоубийство гораздо реже в России стали; но окромя сего милосердия многие другие притчины тому способствовали. И тако я заключаю, что конечно казнь смертная должна быть весьма редка, дабы не осуровать народ, но совсем не должна отмениться, дабы через сие оной в страхе содержать; законодателю же остается положить, какие суть те преступления, за которые смертную казнь налагать надобно³⁰.

224. Примечание *. Не довольно, чтоб все места зависели от законов; но также чтоб от единого какого главного правительства оне зависели, которое, имея общее сведение о состоянии всего государства, старается, чтобы действию разных мест к одному концу клонились.

235. Примечание **. Монтескиу «О разуме законов»,

* § 224. «Во всем, сколь ни пространно государство, не надлежит быть никакому месту, которое от законов не зависело».

** § 235. Речь идет о контрабандной торговле и о мерах борьбы с последней. Екатерина считает, что контрабандистов необходимо наказывать не тюрьмой, а принудительными работами в той сумме, на которую обнаружено беспощинных товаров. Взято у Монтескье, книга XIII «Об отношении свободы к сбору податей и к количеству общественных доходов», глава 8 «Как сохраняется призрак»... Из этой главы и взята цитата Щербатова, ч. II, стр. 11—12.

книга XIII, глава 8, говоря о неспособности неумеренной дошлины, прилагает: «тайный провоз в сем случае, быв весьма прибылен, естественное и требуемое правым рас­судком наказание недовольно становится для остано­вления оно­го; тем более, что сей товар есть обыкновенно малой цены, и так должно иметь прибежище к странно­безумным наказаниям и подобныи тем, кои налагаются за высочайшие преступления. Весь размер преступления разрушается, люди, которых не можно злыми почитать, на­казуются яко наивеличайшие злодеи, что есть совсем про­тивно расположению умеренного правления».

Из сего следует, что не можно иного наказания нало­жить на провозившего тайно товары, как токмо лишения его самых тех товаров и которые с ними везет.

240. Примечание. Монтескиу «О разуме законов», кни­га VI, глава 9.

242. Примечание *. Сие весьма хорошо, ибо в самом деле, естли законодатель, пораженный напрасными сумне­ниями, самые такие дела восхочет запретить, которые больших ни худых ни хороших следствий иметь не может, то самым тем стеснить волю гражданску, побудить их сии посредственные дела тайно делать и чрез то самое при­учить к преступлению и презрению законов.

243. Примечание**. Ничего справедливее быть не мо­жет, как сие: что не может тут закон силы иметь, где взи­рают более на лиц, нежели на дела, и где за то наказы­вается бедный беззащитный человек, что вельможа без­стыдно и без страху закона явно делает. Общим образом можно сказать, что всякой народ склонен к подражанию: вельможи подражают царям, и простой народ подражает вельможам. То когда сии последние начнут презирать за­кон, какого уже почтения требовать от народу, и меч провосудия не должен ли остановиться к наказанию без­защитного бедного человека, когда он вельмож началь­ников злу пощаждает?

* § 242. «Когда запретим многие действия, слыващие у нравоучителей средними, то тем не удержим преступлений, могущих от того воспоследовать, но произведем чрез то еще новые».

** § 243. «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтоб законы меньше благодетельствовали разным между гражда­нами чинам, нежели всякому особо гражданину».

245. Примечание *. Потому что, если люди спознают пользу добродетели и гнустность порока, то сами собой к первому склонятся, и [ко] второму отбегут.

253. Примечание **. Потому что всякое приведение в неволю есть мучительство, а всякое деяние мучительское приумножает мучительство мучителя.

256. Примечание ***. Не можно быть премудрее сего узаконения, ибо человек, забывший долг человечества и мучающий своих под[д]анных, действительно безумным должен почитаться и яко с таковым надлежит с ним поступать. Но как в Российской империи связь между под[д]анных и их господ есть такая, что малейшее разрушение оные может несказанный вред произвести, что уже после бывшим примерами и доказывается, то правительство лучше хотело некоторые малые неудобствы без наказания оставить, нежели подать причину к бунтам и ослушаниям крестьянским.

259 ****. Сей закон афинской показывает человеколюбие и просвещение сего народа; ничто же более не изъявляет нам суровости римлян, как их законы в рассуждении их невольников, ибо тщетно будет представить чрез политические законы: кто суров в едином, тот милосерд в другом.

260 *****. Монтескиу «О разуме законов», книга XV, глава 18. Из самых исторических господин Монтескиу почерпнул сие правило; но если, как опыты показали, от великого освобождения рабов вредно повсюда, оно еще

* § 245. Говорится о том, что для предупреждения преступления необходимо, чтоб «просвещение распространилось между людьми».

** § 253. Необходимо «избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли редко бывает».

*** § 256. «Петр первый узаконил в 1722-м году, чтобы безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статьи сего указа чинится исполнение, а последняя для чего без действия осталася — неизвестно».

**** § 259. «У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо».

***** § 260. «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных». Взято из Монтескье, книга XV «Каким образом законы гражданского рабства относятся к натуре климата», глава 18 «Об отпуске на волю».

вреднее может быть в России потому: служащей в доме господина своего и видящей, что чужестранный и свободным более плотют, побуждается на жизнь своего помещика; земледелец, зная, что во всех других промыслах с меньшим трудом, нежели земледелие, может себе лутчее пропитание сыскать, оставляет свое поле; одним словом, всякого состояния рабы почитают тут везде лутче, где их нет, выйдут из своих пределов и в смущение государство приведут. Не для того я сие говорю, чтоб совсем запретить рабам давать свободу, но чтоб было плоды его услуг и усердия, и на таком основании, чтоб по освобождении своем тот освобожденной был вмещен в такое состояние, в котором бы сам бы щастлив был и полезнее государству был.

261. Примечание *. Собственности у рабов быть не может, естли она не сообщена с свободой, ибо как может тот свое имяне защитить, кто не имеет власти защитить своим телом, а о неудобностях свободы выше показано.

267. Монтескиу, книга XIV, глава 2.

268. Примечание **. Учиненное запрещение Моисеем, чтоб с прокаженными не сообщаться, есть явный знак мудрости того законодателя; ибо в жарких климатах, в которых он жил, болезни гораздо прилипчивее, нежели в холодных; однако и в самых холодных коль бы полезно было, естли бы возможно было правительству зделать такие учреждения, которые бы больных в прилипчевых болезнях от других отделяли, но естли польза рода человеческого от сего есть очевидна, толь исполнение сопряжено с пренеодолимыми трудностями, естли сие отлучение не основано на правилах веры. Так оно было у народу иудейского. Однако в рассуждении трудности не должно оставлять помышлять такое учреждение зделать.

269. Примечание ***. [Об оброчных деревнях]. Сей

* § 261. «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества».

** § 267. Речь идет о заразных болезнях, распространение которых необходимо «пресечь через законы. § 268. «Моисеевы [законы] могут служить к сему примером».

*** § 269. «Кажется еще, что новозаведенный способ от дворян собирать свои доходы в России уменьшает народ и земледелие, все деревни почти на оброке. Хозяева, не быв вовсе или мало в деревнях своих, обложат каждую душу по рублю, по два и даже до

новозаведенный образ дворянами получать доходы есть притчина самые необходимости, ибо сия есть неоспаримая истинна, что пахатная деревня с хорошим присмотром дает более прибыли помещику, нежели оброчная; но как помещики за службу государевою или стараясь воспитать детей отлучены от своих домов, то сего ради и принуждены деревни на оброк положить, которые им по крайней мере дают верной доход, ибо за отлучки помещикова земля, хуже нанавозенная, еще хуже выпаханная, почти пользы не приносит. Вместо что она отдана в руки крестьянские, каждый для себя ее удобрявая и обрабатывая, содержит ее в добром состоянии и лутчей урожай преобретает, так что нет ни одной оброчной деревни, где б крестьяне не токмо уменьшили, но не размножили свою пашню.

270. Примечание*. Сие положение мысленно весьма изрядно, но по исполнению может многие трудности иметь, как с стороны помещика, так с стороны крестьян, потому что собирать с них хлебом весь оброк, то в плодоносные годы им будет весьма лехко, а помещику убытошно, а в худые им чежело, но прибыльно помещику, окроме что произойдут многие недомеры в даче худого хлеба и проч. И тако лутче собирать оброки такую вещь, которая знаком всему служит, то есть деньгами. Однакож сие не освобождает помещика от попечения стараться, чтоб земледелие не упущено было в деревнях, яко то наблюдая, чтоб все пахотные земли были запаханы, не позволяя крестьянам переселяться в города и пользоваться городскими ремеслами, не отпускать никого в работы, если земля не будет запахана и проч.

273. Монтескиу «О разуме законов», книга XVIII, глава 10 и книга XXIII, глава 14.

274. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 10.

276. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава

пяти рублей, несмотря на то, каким способом его крестьяне достают сии деньги».

* § 270. «Весьма бы нужно было предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дома и семейства, тем бы распространилось больше земледелие и число бы народа в государстве умножилось».

11*. Все сие клонится к вольности крестьянской, однако все сие есть такая трудная проблема, что вряд ли в России можно было исполнить.

277. Примечание**. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 11. Сие есть самая труднейшая часть политики государственные, чтоб в положение податей не весьма отяготить под[д]анных. Ибо безмерное отягощение под[д]анных приводит их в некоторое ослабление, так что привыкшии жить в крайней нужде уже отчаивают лучше состояние их сделать. С другой стороны, и малые положенные подати, приводя народ в обленчивость и следственно бедность, те же злые действия производят. В России помещики собственным своим прибытием принуждены нужной размер в сем наблюдать, налагая на промышленных более, а на других менее, а иногда и уступая оброки всех в трудолюбии и благосостоянии содержать. Но корона меры сему не подает, ибо везде государственные крестьяне ровно оброчены³¹ и так в промышленных уездах яко то в Ярославле, Костроме, Суздале и пр. могут с легкостью наложенной на них оброк платить; но в Бежецком, в Устижском, Железнопольском, Белозерском, Олонецком и многих других, где ни земля плодородие не имеет, ни крестьяне промысла, крестьяне от одних податей в разорение приходят.

* § 276. «Где люди ни для инаго чего убоги, как только, что живут под тяжкими законами, и земли свои почитают не столько за основание к содержанию своему, как за подлог к учреждению: в таких местах народ не размножится, они сами для сеоя не имеют пропитания, так как им можно подумать от оноу уделить еще своему потомству? Они не могут сами в своих болезнях надлежащим пользоваться присмотром, так как же им можно воспитывать твари, находящиеся в непрерывной болезни, то есть во младенчестве? Они закапывают в землю деньги свои, боясь пустить оные во обращение, боясь богатыми казаться, боясь, чтоб богатство не навлекло на них гонения и притеснения. В основном эта мысль взята Екатериной у Монтескье из главы 11 «О жестокости правления» (книга XXIII, ч. II).

** § 277. «Многие, пользуясь удобностью говорить, но не будучи в силах испытать в тонкость о том, о чем говорят, сказывают: чем в большем подданные живут убожестве, тем многочисленнее их семьи, также и то: чем ольшие на них наложены дани, тем больше приходят они в состояние платить оные. Сии суть два мудрования, которые всегда пагубу наносили и всегда будут причинять погибель самодержавным государствам». Взято из книги XXIII, глава 11 «О жестокости правления».

281. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 21.

282. Примечание*. Давание место крестьянами старосты или выборного по причине многодетия их не есть способ ко умножению народа в России, потому что крестьяне не с великою охотою такие должности на себя принимают, понеже от домашних их упражнений отрывает; но весьма бы полезно было, чтоб помещики в своих деревнях уменьшили оброк с тех, кои много детей имеют, и паче облегли таких, кои имеют детей малолетних, коих они едва с тягостию питать могут, а умножили бы на таких, которые лет до двадцати пяти бывают холостые, или на самых девок, кои лет до двадцати замуж не выходят; сие бы побудило супружество, а супружество естественное умножение народа произведет.

289**. Что касается до дозволенного родства вступать в браки, в России последуют установления вмещенным так называемой Кормчей книгой³², которая ничто иное есть, как пространная выписка римских христианских цесарей законов. А как самые оные законы сперва основались ни на священном писании положения[x], но на древних римских законах и обычаях, так что до Феодосия первого двоюродные могли между собою сочетоваться; но как после того многие греческие императоры, предавшись под власть монахам, сии их довели, что толико различия в родстве и запрещенія бракосочетания узаконили, что сие действие, нужное роду человеческому, учинилось трудною наукою: духовное родство, сватовство, побочное свойство, все сие запрещенное делает, что и ученейшие худо понимают, кому на ком можно позволить жениться, а духовной чин, сие в свою пользу употребляя, отягощает народ, а паче приходские деревенские священники. И тако весьма бы полезно было, естли б, взяв единые соборные правила и изъясня их кружками, прибить во всякой церкви, дабы всякий мог видеть, кому на ком можно сочетоваться.

* § 282. Речь идет о преимуществах женатых и многодетных перед холостыми и бездетными.

** § 289. «В рассуждении браков весьма бы нужно и важно было сделать единожды известное и ясное положение, в какой степени родства брак дозволен и в какой родства степени брак запрещен».

290. Примечание *. Сие узаконение для малолюдных областей весьма полезно; однако, что касается до незаконных рожденных, то в сем случае весьма строго должно поступать, потому что стыд, привязанный к их рождению, делает, что всегда между прочими гражданами презрительны будут; и введение их в общие права гражданские не может не произвести неудовольствия между прочими законорожденными гражданами. В России заведенные сиропитательные дома, воспитанникам которых даны великие преимущества, когда они вышедши пойдут в число граждан и сие произведет крайнее неудовольствие и озлобление между народа³³.

291. Монтескиу «О разуме законов», книга XXIII, глава 17.

292. Примечание **. Весьма бы полезно было, если бы мнение Петра великого с Естляндией и Финляндией исполнено были.

295. Примечание ***. Рабство или неволю двояким образом должно различать: было у римлян, ныне у турков и татар раб или невольник получает только нужное пропитание и одежду от своего господина, и все, что не вырабатывает, в пользу господина обращается, таковой конечно не может с таким тщанием работать, как бы имел собственность. Но в России рабство не на таком основании. Российские крестьяне хотя есть рабы своим господам, хотя земля, обработанная ими, принадлежит их помещикам, хотя они имеют права и на имение их, но собственной своей пользою побуждены, никто имение и земли своих крестьян не отнимает, и крестьяне до нынешних времен и не чувствовали, что сие не собственное их было, а утверждение таких мыслей произвело различные бунты, яко ныне пугашевской, и убивство великого числа помещиков от своих

* § 290. «Есть области, в которых закон (в случае недостатка в жителях) делает гражданами чужестранных, или незаконно рожденных, или которые родились только от матери гражданки; но когда они таким образом получают довольно число народа, то уже больше не делают сего».

** § 292. «Есть народы, которые, завоевав другие страны, соединяются браком с завоеванными, чрез что два великие намерения исполняют утверждение себе завоеванного народа и умножение своего».

*** § 295. «Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного».

крестьян, чрез что они ясно показали, что они более никакой свободы недостойны, и что всякое разрушение древней власти помещичей над крестьянами может великое разорение и гибель государству принести.

297. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 6.

298. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 8.

299, 300 и 301. Монтескиу «О разуме законов», книга XIV, глава 9.

302. Примечание *. Здесь сделать сего не можно, потому что крестьяне грамоте не знают. Но полезно бы было, естли бы экономическое собрание прибавило к церквам печатанные листы о земледелии.

304. Монтескиу «О создании законов», книга XIX, глава 9.

305. Примечание **. Начни презирать гордых, гордые перестанут гордиться.

Примечание на 306, 307, 308, 309 и 310 — Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 9; 312 и 313 — книга XIV, глава 6; 314 — книга XXIII, глава 16; 318 — книга XXI, глава 16; 319 и 320 — книга XX, глава 13; 321 — книга XX, глава 12; 322, 323 — книга XX, глава 13; 324 — книга XX, глава 7; 325 — книга X, глава 8; 326 — книга XX, глава 8; 328 — книга XX, глава 9; 329 — книга XX, глава 10; 330 — книга XX, глава 21 и 22; 332 — книга XX, глава 19; 333 — книга XX, глава 20 и 334 — книга XX, глава 15, Монтескиу, «О разуме законов».

335. Примечание ***. Монтескиу «О разуме законов»,

* § 302. «Есть страны, где во всяком погосте есть книги, правительством изданные, о земледелии, из которых каждый крестьянин может в своих недоумениях пользоваться наставлениями».

** § 305. «Народы, в лености утопающие, обыкновенно бывают горды; можно бы действие обратить против причины, производящей оное, и истребить леность гордостью».

*** § 335. «Женевский закон весьма похвален, который включает от правления и от входа в великий совет детей тех людей, которые жили или которые умерли, не уплатя долгов, естли они не удовольствует заимодавцев за долги отцов своих. Действие сего закона производит доверенность для купцов, для правительства и для самого города. Дов[о]бенная каждого в том городе человека верность имеет еще там силу общей всего народа верности». Взято из Монтеские, книга XX «О законах в отношении к торговле, судя по ее натуре и по ее отраслям», глава 16 «Превосходный закон».

книга XX, глава 16. Сей закон может иметь двойкой вид: первое, что он подлинно сохраняет кредит между торгующих, а с другой стороны делает детей неповинных участниками вины их отцов и лишает общества пользоваться службами, которые бы сии могли ему воздать. Мне бы казалось, что можно сделать такой закон, которой обе сии пользы сохранят, а именно: естли сын доказывает, что он не в состоянии заплатить долгов отца своего, то бы ему не за заплату их не воспрещало[сь бы] за долгами отца своего в правление входить; но ежели он имеет достаток и не хочет сделать, то, яко нерадивый о чести отца своего, должен быть лишен от части имения отца своего.

336. Примечание*. Монтескиу «О разуме законов», книга XX, глава 17. Естли сие и могло делать некоторый вред торговле, но, обяывая сыновей толь великому соучастию о деле родителей их, влагало им особливое почтение, а самое сие делало благополучие государству.

337, 338 и 339. Монтескиу «О разуме законов», книга XX, глава 19.

340. Примечание**. Несправедливость сих прав являющее корыстолюбие довольно известно; однако тот чужестранец, живший в котором государстве, пользоволся всеми выгодами его правления, приобрел многие имении, кажется после смерти своей оные выпустить не учиня некоторой заплаты тому государству, яко в некоторых положено, чтобы десятую оставлять. Сие положение весьма полезно для России, где множество торгующих и ремесленников обогащаются.

341. Монтескиу «О разуме законов», книга XXII, глава 2.

342. Примечание***. Монтескиу «О разуме зако-

* § 336. Речь идет о Родрианском законе, по которому сын платил долги за своего отца. Взято из Монтеские, книга XXII «Об отношении законов к употреблению монеты», из главы 17 «Об уплате общественных долгов».

** § 340. «Право, присвоя[ю]щее государю наследство над имением чужестранца, в областях его умершего, когда у сего наследник есть; так же право, присвоя[ю]щее государю или подданным весь груз корабля, у берегов сокрушившегося, весьма неблагоприятны и бесчеловечны».

*** § 342. Речь идет о необходимости устойчивой золотой и серебряной монеты и о вреде, происходящем от уменьшения «стоимости оной». Взято из Монтеские из главы 3 «Об умственной монете» (книга XXII. часть II).

нов», книга XXII, глава 3. Российская торговля много вреда от перемены монеты восчувствовала. При Петре великом рубли крестовики были равны старинным голландским ефимкам и в курсе до 60 и более штивров считались. Однако и Петр великой сам убавил свою монету, и убавкою оной и курс убавился. При императрице Анне Иоановне еще монета убавку претерпела, а при нынешней государыне рубль не более 72 копеек стоит, и курс токмо 35 штивров, а редко до 40 доходит³⁴. Те безумные политики, кои советуют убавлять цену монет, не понимают, что сие есть род побора, положенного на народ, которой по большей части в пользу чужестранных обращается. Например естли б у нас рубли о сию пору были крестовики и продал бы купец товары на тысячу рублей голландских денег, то должен взять 60 тысяч штивров, [в]место что на нынешние рубли возьмет 30 или 40 тысяч. На что скажем, что по мере уменьшения денег цена товаров умножается. Сие рождает два другие зла: первое — государь переделкою монеты и уменьшение[м] цены не богаче становится, ибо принужден за все дороже платить, и самым сим предмет операции нарушается, а второе — купцы чужестранные не меньше воспользуются сей первой переменою.

360. Примечание *. Можно к сему приложить, что оно есть подпора престолу и государству.

Крестьяне или нижний род людей по малости своего имущества мало могут чувствовать перемены, случившейся в государстве, и как в победителе, так и в похитителе равных себе находит защитников, как в законном своем государе имел. Купцы, упражняющиеся в торге, можно сказать, есть граждане целого света. Они мало взирают, какое благополучие и славу государству воспоследует, лишь бы торг их не упал и прибытку своего лишены бы не были. Взятые примеры из истории народов нам показывают, что все те области, которые купечеством гражданами были управляемы, не могли долго власти своего могущества сохранить. Карфагена упала, употребляя [в]место народных наемные войска и прилежа более к купечеству, нежели сохранить свою власть; соединенные

* § 360. «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены».

сем провинции ослабевают тем, что часто пользы своей торговли предпочитают пользе государства. Но дворянство, быв основано на чести, от славы и пользы государственной свою пользу и славу взаимствуют, славится славою государства, услугами своими себе могущество и прибыль получаемый и тем ему делаются пользы государственные неразличны с собственными своими. Понеже от престола оно взаимствует свое главное блистание и от престола свое благосостояние ожидает, то пребывает верно к своему законному государю и готово за него пожертвовать все. Российское дворянство может более всех сие доказало: оно прежде учреждения регулярных войск с поместий на своем коште служило и освободило Россию от ига татарского, во время смущения российских истребило похитителей и самозванцев и изгнало из недр России чуждые народы, хотящие его разорить; во время бунтов кровью своею запечатлело верность к Петру великому и во все правления, не требуя себе особых выгод и привелегий, неотменное усердие к славе отечества показывало. Во утверждении того, что я общё о дворянстве сказал, можно видеть [в] Монтеスキу, колико сей мудрый муж почитал дворянство нужно для монархии, и Гюм³⁵ «славный политик и философ», в своих «Опытах нравоучительных и политических» трудов его, том 6, стр. 150, говорит: «польза дворянства, иже есть истинная подпора монархии, естественно должна иметь предпочтение над пользою народной».

374. Примечание *. Из сего последуют два разные обстоятельства: 1) понеже дворянин по самому рождению своему превышает все другие чины государственные и имеет более открытой путь ко учинению услуг отечеству своему, следственно сии при рождении данные ему права и должен он употребить ко услугам своего отечества; 2) а и самые государи не меньше обязаны давать таким благородным способ к показанию их верности и усердия; ибо, с одной стороны, благородный видел в доме своем и в предках своих примеры любви к отечеству и государю, которые побуждают его стезям их последовать,

* § 374. «Похвала и слава особливо тому роду, который между предками своими считает более таких людей, кои украшены были добродетелями, честью, заслугою, верностью и любовью ко своему отечеству, следовательно и к государю».

желает собственно своей славы и благоденствия, к чему рождением путь его уже открыт, и стыдится не быть равным или подобным своим предкам; наконец старается, чтоб имя его и память его дел приложилась и на потомстве его, и таковые мысли благородные, хотя славлюбием рождаемы, обязуют государя изливать награждения на достойных, благородных, ибо, награждая единого, показывают свое напаятование на службу его предков, возпламеняют собственное его усердие и побуждают потомков сравняться с предками своими и тем род великих людей и верных сынов отечества безпрерывен в государстве остается.

375. Примечание*. Во всем Наказе по забвению ли или по несправедливой системе некоторых государей привести дворянство в бедность (чего я не чаю) о полезных или прибыточных правах дворянства не понимается; однако для благородных родов оно весьма нужно, дабы достаток оных соответствовал блистанию их рождения, ибо ничто так не уподляет сердце человеческое, как бедность. Благородные же в России употребляют свой достаток: 1) на воспитание и на учение детей своих, чтоб сделать годными отечеству, 2) на прибавление для своего житья к малому жалованию, которое все чины в России получают и 3) для умножения великолепия двора. Если в сем случае они в некое славлюбие впадают, то и самой сей порок их в пользу государства обращается, ибо один сей род в России спомоществует скорому обращению денег, побуждает ремеслы и художества и употреблением своим чужестранных вещей спомоществует торговле.

400. Примечание**. Что касается цехов, то не должно об них судить по теперешнему их состоянию, которое действительно стесняет искус[с]твы, ибо быв оные узаконены сделаны в то время, когда Европа не была просвещенна, то и оные чувствуют варварство тогдашних времен. Но ежели не обучася каждому позволить работать, то от

* § 375. «Преимущества же дворянские должны все основаны быть на вышеписанных начальных правилах, составляющих существо дворянского звания».

** § 400. «О цеховых мастерствах и установлении цехов для мастерств по городам еще состоит великий спор: лучше ли иметь цехи по городам или без них быть и что из сих положений более споспешествует рукодельям и ремеслям?».

сего сами собою искус[с]тва упадут, и тщетно на сие ска-
зать, что дурное не будут покупать, ибо всегда найдутся
такие, которые на дешевое кидаться будут. Из чего я
заключаю, что отнять все злоупотребления, происходящие
от цеховых мастеров, установления цехов есть нужно для
заведения и содержания в добром состоянии ремесел.

412. Монтескиу «О разуме законов», книга V, глава 5.

417. Монтескиу «О разуме законов», книга V, гла-
ва 5.

423. Примечание *. В числе сих ненужных законов
можно положить большую часть законов, клонящихся до
сластолюбия и роскоши, и хотя я весьма отдален быть
защитником роскоши и сластолюбия, но не могу однако
без удивления видеть в некоторых государствах обнаро-
дованные законы против роскоши, тогда когда приме-
рами почти тщатся ее побуждать и строгое наблюде-
ние, как кому ездить и что кому носить тогда, когда
главнейшие законы без правосудия остаются.

427. Примечание **. Сие весьма хорошее бы было рас-
положение, чтобы предупредить разорение родов чрез
разделы, но что больше в сем видим-полезности, то более
трудности предстают, ибо за что лишить меньших де-
тей надлежащего им участия в имении отца их. Но чего
не можно сделать о всех, но можно для некоторых знат-
нейших родов сделать, дабы сохранить хотя некоторое
число фамилий в благосостоянии. Мне кажется, что для
сего лучше, чтоб правительство определило некоторое
преимущество в чинах и в жалованье меньшим детям тех
знатных родов, а запретило бы разделять недвижимое
имение: сие бы побудило самые сии знатные роды делать
отечеству услугу, а и другие бы, желая бы достигнуть
до такового благосостояния, усиливались с вящею поль-
зою услужить отечеству.

428. Примечание ***. Монтескиу «О разуме законов»,

* § 423. «Понеже ничто так не наносит ослабления законам,
как возможность коварством избегнуть от оных. Так же и ненужные
законы умаляют почтение к нужным».

** § 427. Говорится о вредности раздела имущества по
душам.

*** В § 428 говорится о том, что «недоросль до указанных воз-
раста лет есть член семьи домашней, а не член общества» и в

книга XVIII, глава 25. То правда, что еще малолетнего членом общества почитать не можно, однако не меньше он должен приготовляться быть таковым: сего ради правительство приемлет об нем попечение, как для способов для вложения пристойных гражданину мыслей, так для сохранения его жизни и имения.

434. Примечание *. Монтескиу «О разуме законов», книга XIX, глава 24. Я не могу на сие никак согласиться, что и родственник более сделан в пользу порученных ему в опеку, нежели мать; ибо правда, что женщина не может толь строгова наблюдения о своем младенце иметь, но что от слабости женской в ней недостает, то материнской любовью награждается; и тако дабы обое сие согласить, кажется мне лутчее учреждения есть: чтоб всегда матери давать над лицом и именем ее сына опеку, представлявая при том кого из родственников быть советником ей.

435. Примечание **. Монтескиу «О разуме законов», тож. Но есть ли народ, который бы не имел поврежденных нравов, и на что бы законы, естли всякой последовал истинной добродетели?

Примечание на 437 и 438***. Монтескиу «О разуме законов», книга IX, глава 24. Сей закон римский и гатфский весьма полезен был для упреждения поисков корыстолюбивых мачех, желающих лишь детей первого ложа достояния их.

470. Примечание ****. Монтескиу «О разуме законов», книга XII, глава 7. Некто из князей на представлении, под-

каких случаях над несовершеннолетними необходимо учредить опеку.

* § 434. «Законы, поручающие опеку матери, больше смотрят на сохранение оставшагося сироты, а вверяющие оную ближнему наследнику, уважают больше сохранение имения». Взято из Монтескье, кн. XIX, гл 24.

** § 435. «У народов, испорченные имеющих нравы, законодавцы опеку над сиротою вручили матери, а у тех, где законы должны иметь упование на нравы граждан, дают опеку наследнику имения, а иногда и обоем».

*** В §§ 437 и 438 говорится о римских и готских законах, о браках и дарении имущества.

**** В § 470 говорится о китайских законах, присуждающих к смертной казни преступников, уличенных в неоказании почтения государю.

писанном императором, из неосторожности поставил какой-то знак: заключили из сего, что он должного почтения не оказал богдохану. И сие учинило всему сего князя поколению ужасное гонение.

477. Примечание *.

* После примечания на § 470 Щербатовым помечены следующие параграфы Наказа: 471, 472, 474, 476, 477, 478, 481, 482, 483, 484, 489, 490, 497, 498, 499, 500, 502, 503, 504, 507, 514 и 518. Во всех параграфах даны только ссылки на соответственные главы из книги Монтескье «О разуме законов».

МНЕНИЕ О ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСКАХ ³⁶.

С немалым удивлением я вижу, что толь долгое время я считаю от учреждения Петром великим регулярных войск*, чему должно уже девяносто лет считать при толь многих правлениях и при перемене толикаго числа министров, ис которых думать надобно, что были некоторые и разумные; никто сего не приметил, что пространство российских границ требует толь великой армии, которая не может соответствовать ни с многонародием сей пространной и недовольно населенной империи, ни з государственными доходами, которые не могут быть толь велики, колко бы по пространству империи им быть надлежало, оттого что многие из ее областей подвержены худому климату, имеют земли неплодородные, людей мало, худое скотовотство, мало искус[с]тв, ремесл и трудолюбия, трудность в сообщении и весьма худую торговлю. А от сего пока мы имели щастие всегда токмо с одним народом воевать, оставляли почти без прикрытия другие свои границы и нутр государства без войск, тогда мы сильны казались. Но как скоро беглой казак, при щастливой турецкой войне³⁷ взбунтовавшись, зачел делать внутри государства опустошения, так скоро за неимением внутренних войск, потрясса престол монаршей; как скоро мы стали иметь две воины и угрожаемы трети[e]ю ³⁸, так скоро ясно уже виден, коль великой имеем мы недостаток войск и денег на содержание их.

Не может быть государство сильно, естли оно немногочисленно; а мы хотим разпространить свои границы, владычествовать над нашими соседями, которых мы противу всякого политическаго правила усилили и озлобили, давать собою вес в делах Европы, не имея попе-

* См. примечание 14.

чения о многонародии. Род правления нашего дает легкий способ набирать людей обнародованием указа о рекрутах*, то и думают, что, набрав рекрут, соделают солдат; и что надев картуз и куртку, он зделается искусен и заряжать и стрелять и маршировать; что крестьян, передев в другое платье, погнав зимою, как скотину, без лекарей, без призрения, а паче со изнурением их всех и доведут. Самые опыты нам доказывают, что рекруты невыученными солдатами против неприятеля поставляются и что более половины, не дошед до действующаго войска, помирает. Следственно, они там мало соделывают пользы, а государство обезнародывается.

Я говорю, что государство обезнародывается, ибо говорят некоторые безумцы, что несть большаго затруднения ото ста душ одного в рекруты отдать. Но я говорю, что сие не токмо трудно, но и разорительно, ибо со ста душ — рекрут, но сии души есть не то, чтобы все были годные в рекруты или по крайней мере работники, но всякой, рожденной и написанной в ревизию, считается тут. Краткое исчисление сие более покажит: обыкновенно считается половина на половину работников, следственно рекрут приходит с пятидесяти душ; из сего числа должно исключить: малорослых, не достигших от пятнадцати лет до осмнатцати, прешедших от тритцети пяти лет до шестидесяти, имеющих некоторые болезни или неудобности быть принятым в рекруты, яко естли нет трех зубов, килы, некоторые малые увечья; и все сии обстоятельства весьма часты в российском народе, ибо общим образом сказать рус[с]кие есть малорослы, подвержены к скорбутике**, отчего теряют зубы: крестьяне, упражняясь в тяжких работах, получают грыжу и килы***, не имея никаких лекарей, многие изъувечены остаются. И так ис пятидесяти человек работников, едва дватцать годных в рекруты найдется — убо не со ста душ берется рекрут, но с дватцети.

Цена на все вещи умножилась, а потому и содержание армии дороже стало; определенные у нас подушные день-

* В оригинале «рекрутов».

** Скорбут — цынга.

*** Грыжа и кила — названия болезни вытягивания стенок брюшной полости с выходом части внутренних органов, но грыжей в народе называют и другие внутренние болезни брюшной полости.

ги на сие не становятся, и должно другими доходами заменять. Самое содержание солдат толь нужно положено, что едва-ли за вычетами может содержаться, и сие по экономии дабы стало денег, то коль наипаче должно* их недостаточно быть, естли бы армию довести до такого состояния, чтобы естли бы две или три державы вдрук совокупяс войну противу России начели, она бы могла довольную армию в сопротивление им поставить.

Воз[з]рение на сии обстоятельства, соединяющие в себе: 1) размножение народа, 2) сохранение жизни человеческой, 3) защищение и безопасность отечества и 4) сохранение казны — заставили меня мои мысли или бредни начертать. Конечно, я не льщу себя, чтобы они достаточно были на решение всех могущих встретиться трудностей, которые должно при сочинении проекта разрешить; но естли оныи писать с надлежащими справками, то они сами откроются и покажут, чем можно оные преодолеть, лише бы добрая была воля и желание сделать благодеяние роду челевеческому. Не льщу я себя, чтобы сие мое мнение не токмо при жизни моей, но и по смерти, как разве чрез многое число лет, могло исполнено быть; но авось либо когда кто подумает о вышеписанных пользах, и может быть тогда сие мое мнение послужит несколько тому благосердному человеку и любителю рода челевеческого и своего отечества.

§ 1. Причины, чего ради поныне не учинили на сие воз[з]рения.

Я весьма отдален охулять российское правительство, а паче Петра великого, что при самом установлении регулярных войск сего не учинил. Была до того в России земская служба³⁹, которая в таком положении, в каком она была, конечно, силы государственной не составляла, и сии земские войны, более привязанные к своим землям, нежели к государству, всегда возмутительны и неповиновенны, более были опасны государю и правительству, нежели полезны государству. Опасности, которые сам Петр великий от них претерпел, естественно его отвращали сделать новоучреждаемые им войска, чем бы ни есть сходственны с положением старых стрельцов, и притом новые вводимые им обычаи, противные суеверию и обычаям

* В оригинале «должен».

прежним, чинили его осторожна, чтоб учреждаемые войска с земскими поселянами смешены не были, но составляли бы сословие, единственно преданное ему и его изволению. А притом и продолжающиеся беспрестанно в течение более 20 лет война, когда все войска долженствовали быть в беспрестанных движениях, не составляла удобного времени для такого сугубова учреждения; то есть, и войска учредить, и учинить их поселенными.

Однако что обстоятельства и политические виды воспрещали учинить, то великий его разум и предвидение его делать заставляло. Не мог не предвидеть сей государь, отец отечества, все сие не именем, но действием, чтобы частые наборы рекрут не причинили знатнаго уменьшения многонародия, и не было бы от сего видимые препоны к умножению многонародия. Не представилася * ему тогда польза земледелия, ибо тогда Россия обильствовала хлебом, но, помышляя он о многонародии, учредил непременно квартиры полкам, штапные дворы⁴⁰ и содержание и присмотр солдатским детям, а самым сим и видно уже, что намерение его состояло соделать воинов, естли не земледельцов, то по крайней мере граждан, и, комплектуя полки родившимися от солдат детьми, облекчить рекрутские наборы, способствовать умножению народа и доставить способ комплектоваться своим войскам такими людьми, которые с млеком матерей своих съсали понятие о военном искус[с]тве и в кои дух военный с рождением и воспитанием прелагался.

Царствование императрицы Анны Иоановны представляет нам другии вид. Хотя не можно сказать, чтобы не было в ее время много мудрости в правлении, однако ана по некоему озлоблению, что Петр великий лишил и клонился лишить наследия российского престола потомство царя Иоана Алексеевича⁴¹, преклонна была уничтожать его узаконении и учреждении, которые не разрушали однако общие системы государственной. Она имела любимцом Бирона⁴², которого учинила герцогом курлянским, была окружена немцами⁴³ и неизвестно ради чего уничтожила штапные дворы⁴⁴, а самым сим отвратили солдат от женьдыбы, утрудили их ежегодными росписаниями кварталер, куда ко изнурению себе принуждена была

* В оригинале «не представилоса».

ходить в глубокую осень, подала причину внедриться в полки заразной венерической болезни, от коих ана в грады и селения* перешла, и заражает не токмо самих, но и самое потомство пре зачатии онаго, и самые рожденные от них дети, быв по разным местам рождаемы, по разным местам определяемы в школы, или во время походов их отцов помирали, или разными случаями похищаемы были, так что государство и войско лишилось сих нужных людей.

Тогда въвелось ни с чем несходное правило в начальниках войск, что солдат не должен иметь ничего, и что мысль его и состояние все должно состоять в единой его солдатской должности, чего ради даже многие полковники запрещали солдатам своим жениться, яко бы должность гражданина не была совместна с должностью защитника гражданства; и якобы солдат терял свою храбрость и усердие, когда он был женат и имел благосостояние, а офицер, имев сие все, онаго не терял. Такие были впечатлены правила в мыслях военачальников, и они яснаго противуречия в них не обретали.

Сие обыкновенно есть во всех вещах, что как скоро человеки от естественнаго пути удалятся, так скоро явятся в них противуречия, которые собственными их поступками обвиняют их в несправедливости их мнений. Тогда как уничтожили штапные дворы, когда считали, что солдат должен быть ни к чему непривязанной отчаянной разбойник, в единственном послушании своих начальников, тогда же учреждали новые войска ланцминицию (sic!) **⁴⁵ из однодворцов.

Удивительное есть дело, когда из однодворцов составили так называемую ланцминицию, которая не была ланцмилиция, к которым якобы не было русских слов дали немецкое имя, ибо прямо сказать ланцминиция есть те войска, которые токмо употребляются для защищения границ, а никогда вне страны не ходят. Напротиву того сии во все отдаленные походы были употреблены, убо, быв во всех походах, во всем равно действуя с другими полками, требовалось от них равная храбрость и равное

** В оригинале Щербатов пишет то «ланцминиция» то «ланц-

* В оригинале далее второй раз «ана».
милиция».

устройство; и не могло быть иного намерения при сочинении их, ибо и единой полк может всю армию в беспорядок привести. Для чего же не подумали, что правило, что солдат не должен ничего иметь и не к чему не быть привязан, к сим войскам не шло, ибо ано есть несправедливо, по математической аксиоме: равное к равному приложить, соделается равное. Как же быв приложено к ланцминиции*, земское их состояние не мешало их храбрости и устройству, а тоже, быв приложено к другим войскам, могло противное соделовать. Самые опыты доказали, что сии ланцмилицкие полки, когда были хорошо предводимы, ни в храбрости, ни в устройстве, никаким другим не уступали, окроме что в них от нужды меньше солдат мерло.

В том же состоянии войски оставались и при императрице Елисавете Петровне, которым, не взирая на все желания сея государыни возобновить все постановления премудрого ее родителя, но безбожное правило учинить солдата непривязанна ни к чему, во всей силе пребывало, а в самое же то время и чинили нарушение поселением венгерцов и других на Украинской линии и установлением полков из сих поселенных⁴⁶.

Наконец, взошла императрица**, ныне обладающая нами, на престол Российской империи. Имея разум свой наполненный многим чтением и правилами философическими, с твердым намерением усилить Россию многонародием и побуждением ремесл и земледелие. Первые деяния ее царствования ознаменены были изъявлением таких намерений: учинено было положение на Украинской линии составить так называемые пикинерные полки⁴⁷ из поселян, которых солдаты должныствовали быть и поселенные и земледеляющие ратники. То же было учинено и в слобочкой губернии составлением подобных же гусарских слобочких полков, которые в последующие войны толико храбрости и устройства оказали. Учрежден был военный совет для исправления порядку и положения войск, учинившагося нужным, по течению самого прошедшего времени, от времен Петра великого, и по приключившимся переменам между тем временем в воен-

* В оригинале «ланцминицкие».

** Екатерина II.

ном искус[с]тве. Между прочим и определенными в сей совет находился генерал-аншеф граф Захар Григорьевич Чернышев⁴⁸, человек разумной, имеющей много деятельности и истинно усердный к своему отечеству. В сем совете соделаны были штаты воинские и многие положения о военной службе. Несть здесь нужды разсматривать сии штаты, а токмо принадлежащее до пишемой мною причины есть, что тогда же были возобновлены неперменные полков квартиры, и хотя подлинно не возобновлены были штапные двory, однако и сие уже добрую надежду спокойствию солдат и умножению многонародия подавало. Конечно, естли бы старое предъубеждение, не владычествующее над разумами, не остановило графа Чернышева и бывших с ним в комиссии, то бы узрили они, кроме вышепомянутых многих примеров в России поселенных войск, несколько подобные учреждения в Пруссии и в Швеции, и тогда бы могли учредить и повсюда войски поселенные, что тем тогда удобней было учинить*, что Россия естли не в совершенном мире, но по крайней мере не в открытой войне находилась.

После сего последовали новые учреждения и штаты, в подробность которых я вступать здесь не намерен, а токмо пишемая мною причина требует, чтобы я сказал, что оными ланцимиция стала уничтожена, и неприменные квартиры полков отменены. А самые сии обстоятельства и сочиняют уже препятствие умножению народа. Я думаю, что, писав такое учреждение, истинна сквозь мрак предъубеждения блеснула в очи сим законописцам. А сего ради тогда же учреждено делать новые поселения из отставных солдат. Не оспорю я в сем, что такие поселения могли бы иметь пользу, но более я в них нахожу затруднения, нежели предвижу пользы: 1) не в молодых летах, а иногда старики и увечные отставляются, 2) жен не имеют, 3) отставши в долгое время службы своей от земледельческого труда нелехко к нему приобькнули и 4) а потому все с огорчением и с слезами туда отправляются.

А посему старики и безженные ни плодиться, ни обрабатывать землю не могут, обленившиися и отставшие от земленых трудов и с огорчением посланные, нескоро и

* В оригинале «очинить».

по нужде за земледелие примутся, быв должны еще построить дома, завести скотину и земледельческие орудия, на что ис казны им даются деньги, которые чаще прежде проживут, нежели примутся за работы. А посему и кажется мне, что такие поселения более тягости казне и огорчения посылаемых* делают, нежели приносят пользы государству.

§ 2. Положение России боле других государств требует поселенных полков.

Взирая на пространство российских границ и на силы окружающих народов, каждому очевидно есть, что армия российская должна быть весьма многочисленна и толь многочисленна, что выходит из размеру многонародия в России и числа ее доходов. О всех же многочисленных войсках можно сказать с глубоко разсмотрительным писателем книги «Естественная политика»⁴⁹ (ч. II, стр. 133): *весьма многочисленные армии суть не токмо причина обезнароживания страны, но еще сии армии становятся бесполезны и вредны их стране, как скоро окончится война, солдат впадает в праздность. Он умеет токмо биться, и горд своим ремеслом, почтет себя обезчещена, естли бы полезные имел упражнения**.*

Чего же ради не постараться, чтобы армия не служила к обезнародыванию государства, имевшего еще толь великое пространство земель незаселенных, и чтобы солдат был храбр, послушен и искусен во время брани, а был бы добрый гражданин и полезное естество во время миру, чтобы во брани защищал он отечество, а в мире бы способствовал его благосостоянию, чтобы он служил обогатить государство, а не содержанием своим изнурить казну государственную.

Сии предметы суть конечно важны каждому покажутся, а паче, когда воз[з]рят: 1) Что Россия, быв недозволено по своему пространству населена, и малая убавка земледельцов становится чувствительна государству, ибо не считая нынешних великих наборов со ста душ рекрут, которых собирается до ста тысяч человек, есть и с 500 душ рекрут, придет убавки 20 тысяч сох, которые едва ли в год наполниться подрос[т]ками могут. 2) Глав-

* В оригинале далее второй раз «огорчения».

** Курсивный текст у Щербатова подчеркнут.

нее богатство России есть хлеб, пен[ь]ка, лен, сало и подобные вещи, от земледелия происходящие; то убавка земледельцов убавляет количество произведенной, а потому убавляется и торговля. 3) Несть, думаю, во всей Европе земледельца, которой бы толь отдален был от состояния солдата, как российской, ибо там по крайней мере бритье бороды, надевание штанов и кородкаго кавтана не в тягость земледельцу, а в России все сие рекрута теготит. Коль же наипаче ексерсия ружьем, зарежанье, стрелянье и марширование ему дики. А потому думают, что, взяв сто тысяч рекрут, взяли солдат. Нет; взяли сто тысяч жертв неприятелю благоустройному, которые и протчие войска в разстройку, гибель и робость могут привести. А еще более те, которые определяются в кавалерийскую службу, не умеющие ни вычистить, ни оседлать, ни управлять лошедью,—составят ли в краткое время солдат? 4) Дальные походы рекрут их истребляют; они в пути претерпевают крайнюю нужду, и разве половина доходят до назначенных им мест. 5) Жалованье солдацкое хотя довольно для обыкновенных случаев, но уже ничего не остается для соделания* солдату некоего спокойствия, и казна едва ли в состоянии и на сем малом жалованье, считая одежду и провиант, содержать толь многочисленные войска, каковые иметь потребно.

Весьма сии неудобности надлежит стараться ютвратить, а все сии, и еще с приобретением многих других выгод, могут отвратиться поселением полков, а не иным чем.

§ 3. Проект учреждения поселенного полку.

Сказал уже выше я и льцу з довольными доказательствами, что как вообще для каждого государства, а особливо для России поселенные войска суть полезны; надлежит теперь положить, как их должно учредить.

Вдруг толь великое число поселить будет весьма отяготительно. А сего ради довольно, естли по числу суммы, определенной на такие поселения, по несколько каждой год поселять. О сум[м]ах же помянуто будет ниже.

Но прежде всего должно воз[з]рить на сие обстоятельство. Россия имеет толь различных соседей в нравах, в

* В оригинале «соделание».

языке и в обычаях, что конечно для них должно почти разные учреждения иметь войск. Например, должно некоторым образом особливое устройство противу турок, нежели противу прусаков. Обоз полковой должен быть иначе соделан в войне противу прусаков, нежели противу шведов. Было бы безъумно на шведской границе и противу шведов учреждать много конницы, а противу прусаков и поляков ана необходима нужна. К тому же разные климаты и положение страны должно наблюдать в поселении сих войск. Например те, которые поселятся на турецких границах, будут поселены хотя в обильной земле, но в жарком климате, вредном для северных жителей; напротиву того, которые поселятся на границах Швеции, будут подвергнуты и к жестокости климата, и к болезням скорбутишным. Но почти неть такой страны, где бы не могли жить люди, и те, которые привыкнут к климату, узнают, отчего должны в том климате беречься и чем лечить болезни того климата. Конечно они места и воздуху не переменят, но по крайней мере более он сносен им будет.

Таперь наконец приступаю говорить о поселении полков и в пример предполагаю пехотный обыкновенный полк. Не входя во все подробности штату, считается в пехотном полку десять рот, в каждой роте по 133 человека; сие учинит 1330 человек. Приложим к тому барабанщиков, извозчиков и других заротных чинов, например 170 человек; всего учинит итого 1500 человек. К сему прибавить 60 человек капралов и унтер-офицеров и 44 офицера, считая в том числе адъютантов, квартирмистра и обозного, и четыре штап-офицера.

Для полку такого надлежит для селения земли, под дом и огород каждому штапу по одной десятине, под дома, для каждых двух офицеров считая один дом, и тако под каждой дом офицерской и с огородами по одной десятине, итого 22 десятины. Для каждых четырех человек капралов и унтер-офицеров один дом и с огородом; на каждой дом по одной десятине. Для каждого солдата и заротных чинов на двор, на огород и под гуменник по полудесятине; учинить 750 десятин, итого учинить 791 десятину, ис которых можно выгадать и нужные площади. Для пашни, сенокосу и лесу на каждого солдата и заротных чинов по 8 десятин, и того учи-

нить 12791 десятина. Что есть весьма довольно, ибо кроме, что всегда часть будет употреблена в службу и не все захотят иметь пашню, но многие ремеслами своими будут промышлять.

Надлежит наблюдать, что те, которые будут промышлять какими ремеслами, те должно по 4 семьи в одну связь быть помещены; должно им дать огороды, но гумеников им не давать.

Полковник поселяемого полку получит одинажды навсегда на каждого солдата на двор, на засея хлеба, на лошадь и на скотину по 150 рублей. Величину светлиц расположить не можно, ибо сие зависит, в каких местах сии селения будут; в лесных должно сделать их больше, а в безлесных—меньше, однако, чтобы нигде не было меньше 7 аршин внутри. Должен при ней быть чулан, погреб и сарай для скотины. Скотины солдату дать: одну лошадь — ценою не менее 15 рублей, корову с теленком — не меньше 9 рублей, две овцы — два рубли, которые естли сам который хочет купить, то ему позволить под присмотром офицера или унтер-офицера. Хлеба на семена: ржи две четверти, овса четыре четверти; соху, борону, два серпа и косу. На офицерские и на штапские дома полагается по 800 рублей; на унтер-офицерские по 200 рублей*. Штапские дома должны состоять в каждом не более семи комнат, на которую на каждую считается по 9 квадратных сажень; двор и сени, на каждые по 6 квадратных сажень, комната особливая, кладовая; изб столько, сколько по штату положено деньщиков; на трех по одной поварне с избою хлебней, два погреба: теплой и холодной, и конюшня на столько лошадей, на сколько идут рационы, и сараи для экипажа. Офицерские дома должны состоять из шести комнат, каждая не более 9 квадратных сажень, и двои сени, каждые по 6 квадратных сажень. При каждом дворе, разделенном надвоя, должно быть толико изб, сколько надлежит на число положенных деньщиков, по поварни, по погребу, по конюшне, по числу лошадей, на которых идут рационы, и по небольшому сараю или навесу для экипажу.

Итого учинить на все 231400 рублей сумма не токмо

* Зачткнуто «300, 400 руб.»; вместе этого — «200 рублей».

довольная, но и превосходная, нежели надлежит, а потому может из сего полковник сделать нужные строения для хранения полковых тягостей и для построения школ для солдатских детей. Ибо может во многие нетяжелые работы и солдат употребить. Весь сей расход должен полковник вести обще с штапами и с капитанами или правещими роты офицерами, и в том верный отчет дать. Оставшиися же суммы от полку не обираются, но отдаются в банки для взимания потребных сумм на починку полковых строений, штапских, офицерских и унтер-офицерских домов.

Надлежит в сем случае рассмотреть, что не можно быть на всякаго солдата по двору, ибо многие есть неженатые*, другие, отданные в солдатство из мещанства, из дворовых людей, не могут приняться за земледелие; многие есть такие, которые имеют разные ремеслы и за лутчее восхотят искать свое пропитание своими ремеслами, нежели земледелием, и таких, конечно, не можно принуждать к земледелию, но и не должно им ни особливых домов строить, ни давать нужные вещи для земледелия, и довольно им построить казармы яко для холостых, помещая по две и по три семьи в одну избу трехсаженную, что еще весьма уменьшит расход денег и количество нужной земли. Но когда кто из них женяся пожелает в должность земледельческую вступить, тем из оставших денег тотчас строить дом, снабжать его противу вышеписанного из сум[m] оставшихся и положенных в банк; земля же хоть при начале лишняя будет, ана будет отдаваться во времени в наем от полку или употребится для удовольствия полковых лошадей.

Селении сии должны учинить, колико возможно, ближе городов, и не селить весь полк вместе, но по роте, так что каждый полк будет иметь десять селеней. Полковник из всех селеней избирает себе ту роту, которую за благо разсудит, и тут учреждает свое жилище. Другие же три штапа [учредить] следующим образом: примермаеор в той роте, где полковник имеет свое жилище, а подполковник в другом баталионе и при нем секундмаеор. Офицеры же каждой при своей роте.

Дается право полку поселенному подрезаться стано-

* В оригинале «неженатия».

вить на весь ли или на часть полку как провиант, так фураж и амуничные вещи, но не инако, что тот, который подрежается, должен иметь поверенные письма от ротных економов, почему и сколько может подредиться.

Сии економы суть престарелые грамотные солдаты или унтер-офицеры, которые должны, с позволения капитанов, под присмотром же штапов выбираться от солдат, для наблюдения их домостройства, украшения их малых съсоров и прочее, и должны они наблюдать о добром порядке мастерств и земледелия, также быть известны, сколько они произведеней от трудов своих могут в продажу употребить и прочее, что по обстоятельствам потребно будет к сему дополнить. А за сие они должны получать полное жалованье и провиант половинной, и быв обязаны ни к какой другой службе; в случае же их преступлений и жалоб на них, судятся они в той роте наряженным военным судом, где несколько и из земледельцов солдат присудствуют; и сентенция суда и при собрании той роте и при начальнике полку читается, дабы он усмотрел, нет ли какого упущения или по наровке в суду.

При каждой роте должна быть учреждена школа для солдатских детей, где их должно учить грамоте, первым правилам арифметики и краткой соделанной катехизизм для человека — христианина и гражданина. А при квартере полковничей должна учредиться школа не более, как на двадцать человек, где тех, которые больше показывают остроты разума, будут обучать оставшим частям арифметики, геометрии, артилл[ерии] и фортификации, дабы по крайней мере умели пушку начертать и разбить полевое укрепление и снять план лагеря. Естли полковник прилежносью своею может до сего достигнуть, то весьма полезно бы было при такой школе чинить толкование тактики, где не токмо офицеры, но и штапы должны присутствовать.

Содержание таких поселенных полков должно быть следующее. Щитая через два года после их поселения, штапы, все офицеры, унтер-офицеры должны получать обыкновенное жалованье; но солдаты и другие заротные чины токмо треть во весь год, как жалованье, так и провиант, щитая в сей трети всех холостых немастеровых людей, не имеющих земледелия. Сии должны исполнять

во весь год всю нужную службу. Остальные же две трети должны токмо получать жалованья и провиант на три месяца в год и выходить для учения и для караулов с 15 числа мая по 15 число июня и с перваго октября по 1 число декабря. Мундиры им давать вместо двух лет* — в три года, епанчи вместо трех лет—в четыре года. А как естественно треть служащее сначала холостых неземледельцов, естественно должна скорее все сие износить, то можно сначала определить некоторую сумму, дабы их мундирами снабдить, ибо современем и ни единого не останется холостого неземледельствующего** или не мастерового, но на сие надлежит время.

Дети их с 15 лет назначаются в солдаты, но на таком основании, что кто имеет двух сынов или более, у того оставляется один для заступления его места, а другие записываются в солдаты; кто же имеет одного сына, тот у него не отъежится. Те, которые записываются уже для службы до действительнаго их вступления в оную, то-есть до 14 лет, получают токмо половинной провиант. Они в июне месяце две недели должны ексерсироваться, а и во все летнее время по одинажды в неделю ексерсироваться. Другие, которые и не назначены в службу военную, прямо сказать***. Но как никакой разум, ни благо предъусмотрение предвидеть не могут, какие обстоятельства могут последовать в государстве и какая нужда востребуется, то и сии еженедельно должны в летнее время учиться ексерсии, а когда придут в 15 лет, то учиться и стрелять, дабы на всякой случай были готовы изъученные солдаты, хотя за правило должно себе поставить, чтобы таковых без крайней нужды не брать, дабы не разорить, прямо сказать, гнездо солдацкое, которое что долее будет существовать, то полезнее будет.

При выступлении в поход всего полку жены их и дети остаются в их квартерах, и со всякой роты економ, и по два человека престарелых солдат. Жены их выступивших могут нанимать работников, которые не имеют довольно взрослых детей для обделывания земли или отдавать земли свои в наем посторонним на то время,

* Далее в оригинале вторично «давать».

** В оригинале «неземледельствующии».

*** Так в оригинале.

пока мужья их будут в походе. Экононы же ротные наблюдают, дабы отданные земли в наем так же удобряемы были, как были они при своих хозяевах.

Все остальные солдаты не лишаются своей земли и домов, но возвращаются жить в тех местах и ротах, где они прежде живали, не имея никакого иного одолжения, как токмо во время походов [в] полку содержать ротный караул, а дети их подвержены тому же правилу как выше о детях служащих показано.

§ 3*. О суммах для такого учреждения.

Взирая на вышеписанное, конечно, великие суммы, потребные для учинения такого учреждения, должны устрашить каждого; ибо окроме земли, естли положить поселить все полки, которых хотя 200 положить, придет 46 мил[л]ионов 280 тысяч рублей и земли 2 мил[л]иона 555 тысяч 200 десятин, ис которой, ежели половину купить, придет 1 мил[л]ион 279 тысяч 100 десятин; ежели положить по 10 рублей десятину, учинит 12 мил[л]ионов 791 тысяча рублей, итого надлежит денег, итого придет * 59 мил[л]ионов 71 тысяча рублей.

Но не разсудно бы было хотеть все вдруг полки заселить. Великою полезность, каковую сие учреждение учинит, не должно думать в единый год получить, но должно многие годы и хотя сто лет для сего употребить.

А сего ради учреждение сие должно начинать следующим образом: сперва назначить непременно квартиры каждому полку, где будут дети солдацкие сохраняться и куда и отставные в те полки должны возвращаться, но до поселения полку дети мужского полу должны без исключения быть все назначены в солдаты и определять их в школы**.

А посем положить на всех тех жителей империи по 10 копеек з души, что придет с 11 мил[л]ионов — 1 мил[л]ион 100 тысяч рублей, чего уже и довольно для начала поселения четырех полков, которые и должны начинать селить в Украине, где есть изобильство земель. А дабы самому народу показать, что взимаемые деньги в пользу народную обращаются, надлежит по окончании года обнародовать реестр, сколько в котором полку, поселенном и

* Так в оригинале.

** В оригинале «в школы».

непоселенном, мужеска полу дѣтей, сколько малолетних и сколько входят в службу, дабы самым сим народ мог обнадениться, что они заменять ему будут рекрут, с прибавлением еще, что никто из солдатских дѣтей ни в какое состояние взят не будет, кроме солдатской службы, окроме как когда кто выслужится и по заслугам своим до чего знатнаго достигнет, то может простирать и далее свои виды, не отнимая сим ни у какого гражданина надежды щастие свое соделать. Лише бы то было без злоупотребления, чему так же правила должно установить.

В три года по збору денежному поселатся уже 12 полков, а первые четыре уже и основание свое получают. Остающиеся суммы денег от их жалованья и содержания должны разделяться на трое: одна часть оставляться для покупки земель, другая отдаваться на другие расходы, а третья оставляться в крикс-комиссириате на случаи военные нужды. Но когда все полки поселатся, тогда, не имея нужды покупать земель, уже две части будут отдаваться на другие государственные нужды.

Что касается до земель, как бы их покупку обলেখчить, сия есть такая причина, которая требует великой подробности, основанной на учреждении о самых тех местах, где должно полки селить. Но общим образом можно сказать, что во многих губерниях есть много государевых земель, за самую безделицу отдаваемых в наймы; в некоторых неплодородных провинциях можно многое число государственных крестьян перевести на лутчие земли, где целые степи не населены остаются; выгоны у городов весьма велики; а сверх того можно и у дворян земли покупать или давать на обмен в других местах.

Возвращая я к великим издержкам, которые потребно учинить для таковых поселеней. Они подлинно с перваго взгляду каждому чрезвычайны покажутся. Но если рассмотреть 1) что сии издержки упадут на народ, который с радостию их снесет, сперва по надежде быть весьма обলেখчену в рекрутских наборах, а потом и по самому исполнению и 2) что остающимся от содержания полков деньги более нежели пятерной процент за издержки заплатят, то страшное себе воображение исчезнет, и благоразумные правители восхотят получать другие пользы, о которых таперя приступаю говорить.

§ 4. Пользы, происходящие от сего учреждения. Я происходящие пользы от сего учреждения разделяю на следующие части: (I) польза службы и доброе устройство войск, (II) прибавления многонародия в государстве, (III) удобность содержать величайшее число войск без отягощения короне, (IV) умножение земледелия и благонравия солдат, (V) умножение ремесл, (VI) польза градов, (VII) благо[со]стояние солдат.

I. Я думаю, что никто мне в сем не оспорит, что с робячества питанный человек в духе военном, которому все твердят о храбрости, о устройстве и о повиновении, конечно храбрея будет, нежели тот, который и век о сем не помышлял.

С робячества привыкший человек действовать ружьем, маршировать, разными образы устроиваться и стрелять — все сие с лутчим искус[с]твом и проворством исполнит, нежели тот, который никакого о сем воображения до совершенных лет не имел.

Если мы представим себе солдат людьми, а не машинами, то не можем иначе подумать, что тот, который собственно особою своею участвует в пользе отечества, более с усердием его будет защищать, нежели тот, кто ничего не имеет; и солдат, имевший дом и наследие, а при старости пристанище, не покусится дезертировать к неприятелю, каковы у нас дезерции часты становятся.

II. Солдаты в нынешнем их состоянии, не имея ни дому, ни пристанища, естественно убегают от женидьбы, зная, что жены и дети не могут им быть не в тягость, въвергаются в распутство, заражаются венерической болезнью, заражают не токмо жен и детей, которых имеют, но даже распространяют оную на поселян, отчего она толико внедрилась в самых деревнях, что многие ею заражены суть; и болезнь сия, повреждающая самые семена человеческие, и на следующие роды простирает свое действие и весьма способствуют ко уменьшению рода человеческого. Вместо что имея дом, состояние и убежище для себя при старости и покров жене и детям, не будут отвращаться от женидьбы, не будут подвержены сей болезни, не будут заражать других поселян. Дети их естественно и силу воинству и многонародие в государстве умножат. И если положить хотя семь сот человек женатых, хотя от них положить, что всякой год сто

младенцев могут достигнуть в возраст, не есть ли сие уже явная польза государства? Естли 200 полков, для каждого положить по 100 младенцев, придет каждый год 20 тысяч. Не лутче ли сие колоней, которые толь великих сумм стоили?

III. Сказал я выше о числе жалованья и содержание на полки, и ясно потому есть, что знатное число денег убавится, убо удобней будет короне содержать великое число войск. Полки все не токмо будут комплетны, но и превышающее число будут иметь солдат без рекрутских наборов, так что, естлиб востребовалась нужда, государство может иметь полоторное или и двойное число войск из ученых, и токмо будет стоить повелеть, и сие исполнится без тягости народной и без тягости казне, у которой, как выше сказано, отлагаемые деньги будут готовы на содержание их. Следственно естли бы и многие неприятели вдруг угрожали государству, опасности никакой не будет, ниже изнурения.

IV. Что земледелие сим способом приумножится, сие есть очевидно; ибо естли из около четырех сот тысяч армии и 100 тысяч лишних сох выйдет каждый год, то сколько сие добра государству зделает. Колико такое умножение земледелия учинит збавку цены хлебу, а сие самое убавит суммы содержания войск провиантом, а относительно учинит убавку и на все вещи, ему потребные для войск.

Женатие и домовитые солдаты, не быв уже странствующие особы, под надзиранием своих начальников, для собственного своего благосостояния и по обязанности к семьям своим будут добронравнее, а самым сим и дисциплина лутче будет сохранена.

V. Несть ни одного полку, которой бы не имел великаго числа разных ремесленников. Сии ремесленники, для собственной пользы своей работая и обучая детей своих, умножат ремеслы. В пример сему единое можно сказать: почти нет ни одного полку, который бы не нанимал слесаря-немца для починки ружей, сии слесари изъучат молодых юношей, и ремесло сие навсегда пребывающее в полку останется. Многие тщательные полковники отдают солдатских детей в коретники, колесники, шляпники и другие мастерства для нужд полку к лутчим мастерам. Сии, выучаясь и имея постоянное жилище, тем ремеслам

выучат своих детей и собратей, и искус[с]тва сии в лучшем состоянии уве[н]чаются в полках.

VI. Не все сии ремесленные будут работать на полки, но многие сработав будут продавать в городах. Сии люди, не токмо не платящие ничего государю, но отчасти получающие от государя, не наимовая квартал, в простоте жизни сельской естественно дешевле будут все вещи продавать. Купец, купя у них в лавку, найдет себе выгоды оные лутчею ценою продать; грацкой житель будет покупать на торгах все сии вещи дешевле или на заказ делать. Сим торговля процветет, и воины, защитники государства, в мирное [время] будут способствовать его благосостоянию.

VII. Все военнотружущие засвидетельствуют, колико взятых рекрут во время их переезду в полки помирают. Хотя есть множество способов отвратить сие зло, но главнейшего нет, то есть, чтобы солдат собственным своим благосостоянием мог некоторые свои нужды исправить, например: в зимних походах или военных действиях, какова была осада или блокада (ибо она ни то, ни другое была) мог бы достать себе душгрейку, теплые чулки, теплые рукавицы и шапку. А сие бы сколько людей от напрасной смерти сохранило! Во время походу в случае болезни мог бы что лутче достать себе для пици. А самое сие солдат поселенный и будет иметь, ибо, отходя из своего дому, каждый может некоторое число денег государства, понеже поселение не может не учинить некоего благосостояния * каждого.

Заклучение.

После сего я не знаю, можно ли будет сказать, что сие убыточно или затруднительно. А к сему я приложу, что, хотя мнение сие касается токмо для пехотных солдат, но весьма можно его употребить для кавалерии и для артил[л]ерии; и тем с вящею пользою, что наша кавалерия много претерпевает оттого, что рекруты ни ездить на лошадах, ни ходить за ними не умеют **. Вместо что воспи-

* В оригинале «благосостояние».

** В оригинале «имеют».

танные в солдатстве из юности к сему привыкнут и учинят кавалерию, не уступающую венгерской; а вторые, поелико к сему потребна казна, могут из юности научиться теории и, присоединя к ней практику, конечно, составят отменный искус[с]твом своим корпус в Европе.

Я наконец скажу, что даже морская служба может приведена быть таким образом под подобные правила, хотя во многом отличные, по роду службы сей.

О ОТСТАВНЫХ СОЛДАТАХ И О ДЕТЯХ ИХ ⁵⁰.

Кровавая война, оконченная в сем 1774 году, язва, война, приключенная от самозванца Пугачева и бунту многих поселян, толико истребила народу в России, что конечно дворяне помышляют число его наполнить. Многие же есть способы для сего, но, оставя все прочие, буду говорить о отставных солдатах и детях солдатских.

1. Солдаты оставляются многие весьма молоды и здоровы, чрез что великое число делается прибавки в рекрутах и чрез то земледельцы уменьшаются.

2. Отставляются многие на свое пропитание, и они, живучи в городах, число празношетающих умножают.

3. Которые и отсылаются на прежние их жилища, те ни под чьим правлением остаются.

4. А весьма мало на государственное поселения отсылаются.

5. Дети их, рожденные в солдатстве и после солдатства, принадлежат государю, но толь малое о них смотрение имеют, что их большая часть пропадает. Учреждены школы, коим там положен комплект, чему комплекту быть не может, ибо приращение людей не по комплекту делается. И тако дают от школ паспорта тем, которые в комплект не войдут; и они, празно шетаясь, пропадают. А которые после солдатства рождаются в деревнях, то и совсем неведомы остаются и токмо к ябедам причину подают.

Для исправления сего есть два способа:

Первый.

Чтоб всех отставных посылать в государственные поселения так, как по проекту Шафирова ⁵¹ в казанской губернии многие и поселены, и более смотреть за их детьми.

Второй.

1. Чтобы солдат молодых по своему равнению полковником, хотящих иметь молодых и хороших людей, не отставлять, ибо хотя солдат уже и стар, но естли он в силах, то хотя он и нещеголеват, но к сражению еще он лутче молодова, потому что извык издавна к военной службе и еще наставлениями своими может полезен молодым солдатам быть.

2. Не отставлять отнюдь солдат на свое пропитание, но по желанию их или отсылать на прежние жилищи, где хотя сами ничего не должны платить помещикам, однако некоторое положенное число з земли давать обя-заны; но дети их, рожденные после солдатства, остаются крестьянами того господина так, как и те, которых они, быв в солдатстве, приходя к своим женам, живущим в деревнях, прижили; а те, которые имели и жен своих с собою, принадлежат государю и должны отдаваться в школы, кроме разве одного, котораго он при отставке может получить для пропитания его в старости; и тот уже крепок помещику останеся. Иль которые пожелают отсылать их на поселения государственные, тогда не токмо те дети, которые они, имея при себе жен своих в полках прижили, но и те, ежели быв в отпусках прижили, быв в солдатстве и в местах, где жены их жили, должны ими взяты быть для поселения.

3. Учредить школы некомплектные, но сколько бы ни было солдатских детей.

ПИСЬМО О ОТПУЩЕННЫХ НА ВОЛЮ ГОСПОДСКИХ ЛЮДЯХ ⁵².

М[илостивый] г[осударь] м[ой]!

Вчарась мы разговаривали о многих вкрадшихся злоупотреблениях по указу 1775 году ⁵³, о нерушимой свободе уволенных господских людей и что великое число из них, вместо чтоб получа оную обратить мысли свои к пользе общества и продолжать быть согражданами, неся и тягости общие гражданам, нашли такие способы, что не служа уволили себя от всякого роду службы и учинились в тягость обществу, не неся никаких тягостей оногo, якобы купно уволены были от рабства и от гражданства в государстве, то-есть, что великая часть из них, въместо чтобы избрать себе состояние, в котором бы продолжали быть полезны отечеству иль службою, иль торговлею, иль промыслами, иль платежем с протчими подданными нашли способы записаться для виду в разные службы и вскоре получить отставку, иные канцеляристами, иные регистраторами, а иные офицерами живут в Москве и городах, не служа и не платя ничего короне, а токмо яко отдельные члены от общества для единых себя. От сего дома госпоцкие наполнились офицерами, сержантами, регистраторами и канцеляристами, в прикащиках и других должностях; в городе шляпники, портные, кондитеры и другие, с чинами офицерскими ремеслы свои продолжают ⁵⁴, ни короне, ни мещанству не платят ничего; и являются, сии благородии гордятся тем, что обманом чины получили и что сами себя от всех тягостей общества уволили, якобы ненарушимая свобода и чины были награждение проступкам.

Вы требовали моих мыслей, каким бы образом зло сие прекратить, не нарушая узаконений, и как бы испра-

вить введенное зло? Сия причина мне так мудрена сперва показалась, что я не мог вдруг ответственность, но по разлучении моем с вами, как скоро я обратил свои мысли на рассмотрение оные, то, кажется, без дальних строгости нашел удобной способ уврачевать сие зло, и впредь его отвратить: и тако в сем порядке о сем продолжу мои мысли вам сообщать.

Не одни виновати те, которые не служа чины получили, но и самые те, которые их производили и учинились участниками подкосу их под закон, и тако требовала бы справедливость обоим учинить наказание, но как сие идет к строгостям и к следствиям, ибо не все, зная таковые подборы, производили сих, то толь великое число сих дел накопится, что наконец должно будет все без решения оставить, да я же истинно строгости и следствию не люблю, и тако простейшей способ предложу для уврачевания сего зла.

Оставя без изследования, кто и по каким видом кого произвел, надлежит принятая за самых произведенных, которым по житию их в разных губерниях и городах должно спискам быть, а естли их нет, то велеть им всем в какое определенное место явиться, под опасением: кто не явится и не будет иметь у себя билета, данного от правительства, таковой яко непослушник законов лишается защищения оных, и естли кем представлен будет, отошлется в работу. Се есть наибольшая строгость, но необходимая, дабы их сыскать, и которой сами они самовольно непослушанием подвергнутся, а потому жестокостию назвать ее не можно, ибо несть тут жестокости, отчего легко можно избежать.

По явлении их надлежит взять от каждого их пашпорты увольительные и списки их службы и по тому учредить свое суждение, разделя на разные степени, как по чинам, так и по летам.

Например, зачав с канцеляристов, естли верно найдется, что он три года исправлял службу писца где ни есть и уже в престарелых летах, а естли в молодых, то пять лет таковым, яко воздавшим уже долг отечеству, можно потвердительные увольнения с их чинами дать; естли же не исполняли, то принудить их сии лета выслужить где в дальних городах, в которых приказных служителей недостает. Регистраторы, ежели происходили

чинами и исполняли свои должности, таковым положить для старых пять лет, для молодых сем лет. Сержанты, ежели старики, положить им три года, а молодым пять лет, ежели не выходили из границ, а ежели выходили с полками из границ, то старикам один год, а молодым три года; офицерам молодым по узаконению двенадцать лет, а старым семь лет, бывшим в заграничных армиях по два года убавить, раненым же и одной раной довольно для оставления исчисления лет их службы, но получают увольнение; которые же всего сего не имеют, тех послать дослужить урочные годы на границы, в Крым или на Моздоцкую линию, или естли будет война, в какую действующую противу неприятеля армию.

Сим не можно сказать, чтобы кто из них какова наказание претерпел, ибо никто полученного чину не лишается, но токмо заплотят то, что обманом и пронырством в долг взяли.

Остается мне сказать о таких, которые хотя также беззаконно чины получили и, быв тогда еще в силах служить, но после состарелись и изувечились и уже в службу употреблены быть не могут, о таковых сочиня им список подать доклад государю; да произойдет прощение им, естли то угодно от власти монаршей, единого могущаго противу закона учиненные преступлении прощать.

Еще лехче прекратить вперед могущее быть злоупотребление, и способ на сие есть следующий. Каждый получавшей человек от какого места увольнение от службы должен получить пашпорт или абшит не за одним подписанием главного судьи какого места, или генерала, или полковника, но естли то от судебного места, то за подписанием всех судей того места; ежели от генерала, имеющего под собою других генералов, то за подписанием и оных, а ежели от такого генерала, который не имеет под собою других генералов, за подписанием двух или трех свидетелей, знающих, что он в службе был. Естли от полковника, за подписанием всех полковых штапов того полку с прописанием в пашпорте, ис какого он состояния, когда в службу вступил, как ее продолжал и как и когда был производим — одним словом с прописанием всего его послужнаго списка; с заключением, что подписавшийся оной почести и по присяжной долж-

ности сподписуются, что сие имя по находящимся спискам известно и ничего лишнего не приписано — в противном случае повергая себя к наказанию, яко хотевшие обогатить правительство.

Таким образом данные атестаты довольно будут показывать службу каждого, и начальники, не самовластны в таковых отпусках, не будут наполнять праздноедцами и не несущими никакие тягости государству, а закон без злоупотребления исполнен будет.

С сими абщитами сии люди должны будут являться в тот город, где они себе жительство изберут, представят свои апшиты, которых содержание слича з законами, при возвращении им оных приложат выписку законов, кои утверждают их свободу. Сим образом может отвратиться сие злоупотребление и не будут находиться такие люди в государстве, которые, не соделав ничего для него, похитя свободу, бесполезными гражданами в тягость другим век проживают.

Примите сие, м[илостивый] г[осударь] м[ой], за знак моего усердия к отечеству, за любление порядку и благоустройства и почтения с которым я есм.

ЗАМЕЧАНИЯ НА «УЧРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГУБЕРНИЙ ВСЕРОССИЙСКИЕ ИМПЕРИИ»⁵⁵.

Прежде вступления в подробное рассмотрение, надлежит сперва взглянуть на общую систему, и какие надеются, что из сего пользы произойдут, и потом рассмотреть, сообразительны ли они с общим положением государства. Сии пользы суть. 1. По числу душ разделенные наместничества и округа учинят, что не будет ни одно место иметь великого числа народа, а другое малого, но все правительства почти равно по числу жителей будут разделены. 2. Умножение судебных мест сделает скорейшее производство в делах. 3. Стечение разных правительств, как судебных, так и доходов касающихся, делает, что доходы лучше будут управляемы. 4. Прибывание наместников в их наместничествах со всеми судьями того наместничества оживит обращение денег в отдаленных местах от столицы и пренудит дворян жить их в деревнях, отчего самое домостроительство возрастет. 5. Заведение школ и исправительных домов, а притом данная власть наместнику статья 84⁵⁶ о прекращении всех нравственных беспорядков произведет просвещение в народе и исправит нравы. Велики сии пять предметов и конечно совершенной вид полезности имеют. Но однако искусные люди и знающие внутренность российского государства говорят, да и я с ними соглашаюсь. На 1. По числу душ разделенные губернии и округа такой пользы не принесут, какой уповают, ибо если во многонародных губерниях каждому способнее к своему городу ехать, и следовательно жителям есть польза и удобность; в тех губерниях, где много земель, а мало жителей, сие не токмо пренесет пользу, но паче вред, ибо должно будет жителям дале[е] в их город ездить; и тако первые от перемены

уездов и привычки их куда ездить за делами потеряют, а вторые в то самое зло впадут, от которых первых хотели избавить *, и посему не лутче ли было, естли бы кообщительным образом по землям и по душам наместничества и округи были разделены (*en raison composée*). Но сие есть математически, а у нас точности математической не любят. На 2. Понеже сие касается до самого учреждения, то в приличном месте о сем и скажется; а токмо можно сказать, что и прежде судьи с некоторыми еще выгодами имели толь малое жалованье, что принуждены были для пропитания своего брать [взятки], отчего народ роптал, а теперь судей больше, жалованье меньше, не только есть выгода, но паче убыток, то ежель и на самую нужду возьмут, как сие может снести народ. Аббат Санпьер⁵⁷ хвалит полисинодию, многое число судей, но присудствующих в одном месте, а не умножение иногда и без нужды судебных мест. К тому же удивительно, что в таком государстве, где законы не собраны, где большая часть их не напечатана, где нет почти училища, где бы учили гражданские права, где мало людей правильно и грамоте знают, тут бы толь великое число судей хороших можно сыскать, а худые будут более вредны. Зри о сем письмо прусского короля, по притчине присланного к нему в дар наказу⁵⁸. На 3. Сие вычету подлежит. И так сперва начинается, что расходы умножились, то есть что вместо 24 тысяч [руб.?] коп. прежде шли в жалованье на каждую губернию, надлежит ныне и с недовольным жалованием до 140 тысяч окромя строеней, а потом их содержание. Отчего же доходы могут преумножаться? По сложению мудро учененному всех малых податей остается токмо подушной збор, неудобный ко умножению без новой ревизии. 2. Соляной збор, которого ущерб и воровство в зборах трудно прекратить, а ежели и прекратить, то сие уменьшение воровства, яко от развесу происходящего, принесет пользу народу, а не казне, ибо главной казенный убыток происходит от воровства и худого учреждения, которое есть на самом месте, где соль добывают и откуда ее отпускают, и как ее везут, нарочно

* После слова «избавить» зачеркнуто Щербатовым: «на 2) Понеже сие касается до законов, то говоря о самом учреждении сие и объясняется, на 3)».

потопляя барки, распродал тайно соль, а получа за провоз, яко бы соль была привезена. 3. Сбор с фабрик и заводов весьма малой важности есть. 4. Сбор с винных откупов и унятие корчемства, которое конечно в некоторых местах весьма есть; но при таком обширном расположении о правительстве губерний не нужно ли бы было рассмотреть, что все сии откупы не вредны ли государству? Но как сия причина завела бы меня в должайшие рассмотрения, то здесь такого скажу то, что пресечение корчемства не может воспоследовать без крайнея строгости, а сие самое, учиня огорчение народу, зделает огорчение и на самое учреждение, вещь толь справедливая, что наместники по сию пору, во многих случаях, сквозь пальцы на корчемство взирают. А з другой стороны откупы и подряды, производимые в самой той губернии, отнимут сие побуждение, которое побуждает одних много наддавать, а других упускать, когда все во множестве и в одном месте торгуются, яко сие я из самых бываемых торгах в сенате по испытанию могу сказать. 5. Умножение доходу от экономических и государственных крестьян, то в сем случае двойко можно положить. То правда, что управление сих деревень конечно их разоряет и желать должно, чтобы то исправлено было; но как не можно делать положение общее на крестьян инако, как такое, которое бы богатому было легко, а бедному не тягостно, то сии крестьяне, платя уже с подушными до трех рублей з души и не быв так защищаемы и хорошо управляемы, как помещичьи, вряд могут ли более платить. Естли сказать, что, смотря по уездам, можно на иные положить, а з других сложить, и из сего будет и общая польза, и польза казенная, но и обстоятельсты уездов часто переменяются, то уже должно за правило поставить, что по представлениям и положении доходов переменяют; то сие первое произведет неверность доходов, а при том и к тысячи злоупотреблений причину подаст. 4. Никак сему противуречать не можно, что житье наместника с судьями по городам даст живность обращения денег и преклонит дворян самым собственным своим удовольствием жить в своих деревнях; но сие требует великого рассмотрения, какого роду сие обращение будет? 2. Какая польза и какой вред обществу и особенно каждому от житея в его деревнях произойдет? Два рода есть обращения денег:

первое, которое обращаясь приносит плод своим обращением, умножая разные вещи, которых деньги токмо суть знаки; второе то, которое, токмо делая дороговизну вещей, почти без пользы общей государственной из рук в руки переходят, богаты некоторых частных людей с разорением других. То должно и рассмотреть, какое же обращение денег прибывание наместничества со всеми судьями и с их двором учинить и прибавит ли сие экономию? На первое можно сказать, что нашествие вдруг великого числа людей в один город, где прежде мало жителей было, вздорожит все первой нужды вещи, как уже сие в Твери та[к] и в Нове городе и воспоследовало, и деньги сии предут в руки или крестьянам или купцам с разорением благородных. Крестьяне обогатятся или их в землю заруют или пропьют; то в первом случае они, в кладе лежав, общее обращение денег убавят, а в другом случае, вошед в руки зловердных откупщиков, так же не уповательно бы, чтобы когда во внешний торг единый полезный государству обратились. Но ежели они войдут в руки купцов и мещан, то будет ли богатством их преумножета торговля? Нет, где нет торговых законов, где клонятся установления ко вредному перевесу торговли, тут не уповательно, чтоб скоро и в их руках, а паче в руках наших несмышленных купцов, она могла разпространиться с пользою. Что касается до жизни дворян в их деревнях, о сем идет вопрос. То правда, что каждого дворянина житье в его деревне полезна ему самому, но полезно ли оно государству? И вот мои мнения. Колико дворянин не будет стараться о своем домостроительстве, однако все его старания будут меньше, нежели как всякой крестьянин о своем старается, а сим он разстроит прилежание и время их о их домостроительстве, не сделав полезного себе. Дворянин, живучи в деревне, для нужды и веселья своего должен будет держать излишних лошадей, преумножить скотину, преумножить дворовых и для всего сего людей отнимет от сохи и тем убавить земледельцов, которых и так уже излишних нету; заведет собак и хлеб, как и для собак, могущий бы итти на продовольствие государства, употребить на продовольствие своих людей, скота и собак. К тому же, где есть общество, тут есть более и изыскания о спокойствах жизни. Знатные дворяне, живучи в своих деревнях, ведут такое

сластолюбие, какое имели в столичных городах, и бедные всякой, елико ему можно, а иной и сверх силы своей, будет ему подражать, и чрез сие сластолюбие везде вкоренится; привоз таковых для сластолюбия нужных вещей умножится, а не преважится выпуск российских (ибо у нас берут только все, что имеет пределы, а потребное к сластолюбию пределов не имеет), и дабы снести оное исполнять будут отегощать своих крестьян, чрез что дойки умножатся, крестьяне разбегутся — и умножатся разбои, которые опять дворян из деревень выгонят. Тщетно приказано наместнику стараться унимать роскошь. Он либо пренужден будет его терпеть иль всех дворян в исправительный дом посадит. На 5. Я не спорю, что заведение школ есть полезно государству, но не вижу из самого учреждения, чтоб довольные на сие сум[м]ы были определены. А исправления нравов от наместников я не ожидаю, ибо от двора поехавший мало способен нравы исправлять. Да чем то и исправлять, когда закон презрен, преступления противу обрядов церковных награждены, развратные поступки награждены, добродетель наказана, правосудие попираемо, главные судебные места уподлены и трусостью или воровством чины достают. То с таковыми примерами начальники и римской бы первых веков народ развратили, а не исправления от них должно ожидать.

Теперя приступаю к самому учреждению. И первое мне кажется, что на поле вынесенные означения, которые почти толь же велики, как самые статьи, делают напрасное умножение толстоты сея книги, не прибавляя разуму.

На § 1 *. Выше уже сказано, что лутче бы разделить наместничество по числу душ и по числу земель (*en raison composée*), ибо в многонаселенных странах оно будет тесно, а в малонародных слишком пространно и затруднительно для езды жителям.

На § 2 **. Сказано в единственном числе, что для управлению наместничества получается государев наместник, однако и по три наместничества одному наместнику

* В § 1 первой главы «Инструкции по управлению губерниями Российской империи» говорится о числе душ в губернии. Приводим буквальный текст последнего: «Дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается во оной от трех до четырех сот тысяч душ».

** § 2. «Для управления же губернии полагается главнокомандующий в отсутствии императорского величества».

дают. Премудрое законодательство, которое не успело обнародоваться, а уже нарушено стало, да и нарушено в такой вещи, которая с разрушением своим разрушение всего влечет. Понеже наместник должен наблюдать о всем правосудии и порядке, не исключая и нравы, в своем наместничестве, понеже наместнику положено излишнее жалованье во время прибывания его в наместничестве, то все сие доказует, что наместник в наместничестве нужен, а если он нужен, зачем его в другое отлучать и оставлять первое без толь нужного правителя. Тщетно мне на сие скажут, что он может управлять, надзирать и первое из второго иль третьего, и что через год или два, возвращаясь в первое, восстановить все, что может быть без него ослабло, а между тем временем губернаторы будут править отсутствуя. Естли присудствие наместника не столь нужно в каждом наместничестве, зачем живущего его там определять, ибо мог бы из другога места яко из сенату или самые правительства тоже наблюдать. Всякая вещь, а паче во управлении государств продолжительным следствием исполнение единого предмета в совершенство приходит, а по сему положению во всяком наместничестве треть или половина времени дела будут во ослаблении, и оной возвратяся всегда должен будет нечто поправлять. Ис чего мне кажется последует Пенелопина работа, которую она в день работала, а ночью разшивала⁵⁹. Когда губернаторы могут в отсутствии наместников то же исполнять, то зачем было умножить толь великий чин в государстве с разрушением других правительств и со опасностью, которая сопряжена от их власти в отдаленных губерниях «и предах тебе в купе наследиа мое, но ты разделил его и расточил еси овцы моя».

§ 3*. На сие сказать нечего окрома, что где сочинятся какие собрания членов, тут и должно, чтобы они некоторое равенство имели и волю во мнениях, а сего, как впредь покажется, и нет; следовательно сочинитель не знал, что такое и слово коллегия.

§ 6**. Знатно, что надеются, что много будет уголовных дел, что целая полата уголовная учреждается.

* § 3. «В губернии учреждается правитель или губернатор».

** § 6. «В губернии учреждается палата уголовного суда».

§ 13 *. Не довольно ли полаты гражданские? Зачем же учреждать верхний земский суд? Разве для того, чтоб умножить места оппелационные, ябеду и волокиту.

§ 14 **. В сем суде столько напихано судей, обыкновенно не знающих, что они токмо напрасное отягощение государству сделают, не причиня пользы.

§ 15 ***. Сей раздел кажется никак не нужен, разве токмо чтоб сохранить несвойственное имя коего его знаменованию, области.

§ 16 ****. Сказано уже выше о сем разделе.

§ 18 *****. Сие хорошо, ибо нет ничего так дурнова, в чем бы чего хорошего не было.

§ 20 *****. Дворянская опека учреждается, а закона о опекуне еще нет.

§ 22 *****. Ежели есть уездный суд, то зачем нижний земский суд? Вот кажется ненужная подробность.

§ 24 *****. Кажется, что сия книга писана ни мало не снесясь с состоянием России. Столичные города не довольно имеют докторов и лекарей, самые полки чувствуют в лекарях недостаток, а здесь уже для каждого уезду доктор положен, которому и не на чем жить, то если будет какой канавал, то будет не личить, а морить людей, а хороший не поедет. Что же из сего вышло? Сие не исполнимо, и часть сия учреждения отослана в страну воображеней, куда еще и многие другие части отошлются.

* § 13. «В губернии учреждается верхний земский суд, а буде обширность губернии того требует, то дозволяется учредить в губернии более одного губернского суда».

** § 14. «В верхнем земском суде заседает первый и второй председатель и десять заседателей».

*** § 15. «Буде нужда того требует, то губернию разделить на области или провинции».

**** § 16. «Губернии или области разделяются на уезды или округи».

***** § 18. «В каждом уезде или округе учреждается уездный или окружной суд».

***** § 20. «При каждом уездном суде учреждается место под названием дворянская опека».

***** § 22. «В каждом уезде или округе учреждается нижний земский суд».

***** § 24. «В каждом уезде или округе определяется уездный казначей один, землемер присяжный один, доктор один, лекарь один, подлекарей два и лекарских учеников два».

§ 30*. Зачем умножать вещи без нужды? Зачем особый сиротский суд? Не лучше ли бы самое сие на магистраты возложить, посадя для сих дел только городского голову и старосту? И зачем не сказать, что и те, которые по избраниям родителей или родственников определены в опекуны сиротам, по тем только делам должны для защищения токмо малолетних пресудствовать в сем суде. Сиротский же суд учреждается, а права опекунства нет, то без того права, что он будет делать? Вот тактово не подумавши писать.

§ 31**. Губернский магистрат есть для дел опелационных, то зачем давать право по два в наместничестве учреждать. Ибо умножение судей есть часто величайший вред в государстве, и зачем почти половину граждан обязать быть судьями, чтобы другую судить.

§ 34***. Имя не делает ничего; расправой ли или преправой назови, но дело состоит, что всякое место тогда хорошо, когда дела в нем исправляются добрыми и знающими людьми, а мы ниже покажем, что сего в сих расправах и быть не можно.

§ 36****. То же, что на 31.

§ 39 и 40 *****. О бесполезности сих ниже помянется.

Глава II *****

Прежде, нежели приступать говорить о самых чинах, надлежит нечто сказать о том, что чины положены

* § 30. «При каждом городском магистрате учреждается сиротский городской суд».

** § 31. «В городском сиротском суде председатель городской глава и заседают два члена городского магистрата и городской староста».

*** § 34. «В губернии учреждается по усмотрению главнокомандующего, соображаясь с обширностью губернии и обстоятельствами разнообразных уездов, для однодворцов и прочих, о коих в 335 статье ниже сего сказано, у каждых от десяти до тридцати тысяч душ, по одному суду под названием нижняя расправа».

**** § 36. Речь идет «о присутствующих в нижней расправе».

***** § 39. «В приказе общественного призрения председатель губернатор сам и заседают двое заседателей верхнего земского суда, двое заседателей губернского магистрата, два заседателя верхней расправы...» § 40. «В губернии учреждается по одному суду под названием совестный суд».

***** Глава вторая озаглавлена: «О чинах». Заголовок «Глава I» в рукописи отсутствует.

зауряд. Первое должно рассмотреть положение правительства нашего и умоначертаание народное с того времени, как Петр великий приложил всю честь к чинам, а ничего рождению не оставил; чины стали составляя главный предмет честолюбия нашего; по коллегиям, по всем судебным местам, во дворце для входу, везде большей чин пред меньшим преимущество имеют. То самое сие и делает, что все их хотят, все их добиваются и фамилия знатность свою считает по числу чиновных людей, которые в ней были. Учиня же чины зауряд есть вещь такая, которая всему сему противна, ибо и в сем деле, польстит ли кого быть генерал-маеором или бригадиром на время, которого чина знает что лишается, как скоро от должности своей отстанет. Кто имеет действительной чин, тот везде правом его пользуется, но кто токмо зауряд его имеет, тот пользуется токмо в наместничестве; приехав же ко двору, то преимущество теряет. По крайней мере не изяснено, чтобы его сохранять, а елико не лестно такое преимущество и самое сие учинино, что многие не хотят в наместничествах. Вот что делает неразсмотрение умоначертания народнова! По крайней мере, хотя бы положен был срок, что кто в таком чину зауряд пробудет несколько лет порядочно, тот уже действительно его получит.

§ 50*. Иначе сие тягостно для прокуроров, которые иногда и из порутчиков бралися прямо в губернские прокуроры и следственно в надворные советники, то ныне, получая токмо чины зауряд, какое уже удовольствие итти в прокуроры, а паче пока есть другие места, где могут они прежним правом пользоваться.

Предводители дворянские установлены в 1766 г.⁶⁰, а сказано в их учреждении, что они председательствуют пред семи дворянами, в канцеляриях они имели заседание над первым начальником, но ныне вдруг будут преведены в чин подполковника зауряд⁶¹, то как первое могло льстить

* § 50. «Дворянский предводитель, верхняго земского суда заседатели и прокурор, губернский стряпчий казенных дел, губернский стряпчий уголовных дел, губернского магистрата первый и второй председатели, верхней расправы первый и второй председатели, совместного суда дворянские заседатели, буде чина выше того не имеют, считаются в седьмом классе зауряд, пока в должности пребывают».

благородных дворян к принятию на себя сей должности, так ныне оное их огорчает. Да и в самом деле, кажется, сие писано без всякой мысли; ибо государь сам представляет стечение всего подвластного ему общества, как о сем и господин Беккарий говорит, то дворянской предводитель должен представлять корпус дворянской. На што же ему чин? И не разумнея ли тогда зделано было, что он чину не имел, а брал место над всеми другими дворянами, уступая токмо главным правителям, которые представляют того, кто все общество представляет, то есть государя. В том была гродация и право, а в сем нет никакого. А еще стыд, что представляющей все общество дворянское не больше имеет чин подполковника. При сем не удержуся я сказать, какое бы должно быть право дворянского предводителя.

(На этом рукопись обрывается.)

О СУПРУЖЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ЦАРЕЙ ⁰².

Причина, о которой я намерен теперь писать, толь подвержена к разным толкам, что почти не надеюся я одинакою речью оную объяснить, и для того для лучшаго изъяснения избрал я род разговора, где с обеих сторон будут возражении представить *.

Министр и гражданин.

Министр.

Здравствуй, государь мой.

Гражданин.

Желаю вам здраствовать, милостивый государь.

Министр.

Что вы мне кажется сегодня гораздо задумчивее?

Гражданин.

Вы, милостивый государь, в том не ошибаетесь, да и думаю, что и всякий гражданин задумчивость мою в нынешнем печальном случае, приключенном кончиною великой княгини, должен со мною разделять.

Министр.

Печаль и смущение ваше есть весьма справедливы, и в сей общей печали мы должны токмо желать здоровья великого князя и чтобы второе супружество и щастливейшее разрешение обрадовало Россию.

* Таков текст рукописи.

Гражданин.

Я и о сем втором супружестве еще задумываюсь.

Министр.

А о чем?

Гражданин.

О том, милостивый государь, полезно ли российском государям жениться на чужестранных принцес[с]ах иль не лучше ли бы было возобновить им древнии обычеи жениться на своих подданных?

Министр.

Мне предложение ваше удивительно, сие уже проблемою почесса не может, что российским государям без крайнаго вреда жениться на подданной своей не можно.

Гражданин.

То-то, милостивый государь, меня и смущает, что я, напротив того, думаю, что вредны браки на чужестранных пренцес[с]ах.

Министр.

Нет, государь мой, я вам сорок причин представляю для показания полезности браков с чужестранными принцес[с]ами.

Гражданин.

А я льщу у себя вам четыреста представить для доказанія пользы браков с своими потданными и для испровержения с чужестранками, ибо и самые ваши доказательства отрицательными учиня, в свою пользу обрещу.

Министр.

Я бы желал слышать ваши доказательства.

Гражданин.

Я бы не отрекся и первый вам оные предложить, но как вы содержите сторону, обычаем нынешним утвержденную, то справедливость требует, чтобы вы мне и доказали ее полезность, и потом я буду ваши причины отвергать, а наконец и свои вам предложу, ожидая ва-

шего опровержения в сем нашем споре. естли и друго- пользы не будет, то по крайней мере объяснятся мысли наши; я же с моей стороны уверяю вас, что естли вы меня убедите в заблуждении, то я с охотою от мысли моею отстану, и тем наипаче, что теперя можно сказать имею химерическое мнение, а тогда самое исполнение будет согласоваться с совестью моею.

Министр.

Хотя я никак не намерен от мыслей моих отстать, но равно из любопытства познать ваши все мысли, как и в уважение к вам, зачинаю объяснять вам мои причины о пользе сих браков. Первое, никакое государство без союзов быть не может, а на таком свойстве утвержденный союз есть конечно наипрочнейший; второе...

Гражданин.

Не прогневайся, милостивый государь, что я речь вашу перебил; я, так как человек беспаметной, боюса, чтобы при выслушании ваших причин иные не забыть, и так позвольте мне на сие вам сделать ответ. Я в общем правиле вашем весьма согласен, что государство без союзов быть не может, но позвольте мне прежде общим же правилом и то положить, что на свойстве брака сочетания утвержденный союз может быть силен между приватными людьми, а не между государями; ибо естли и один тому пример показать, что Людвиг XIV воевал противу своего тестя⁶³, а потом был не согласен с своим внуком⁶⁴, то и сего бы довольно к показанию, что свойственная дружба государей должна основываться на пользе их государства, которые часто двух государств несовместны бывают, да и сохрани боже всякого государства, чтоб его государь для пользы свойства с другим государем пользы своего государства презирал. Такое есть общее правило по мнению моему для всех государей, но Россия еще особливые обстоятельства имеет. Греческая вера, которую мы исповедуем и которой никакого другаго государя нет, делает, что принцес[с]ы сильных государей не восхотят переменить своего закона для супружества с наследником России, и потому мы принуждены искать в супруги великому князю из малых герман-

ских владетелей дому, каков есть ангальт-цербской и дармштадской, то скажите ли вы мне, что союз сих домов прибавляет вес России в Европе, а напротив того Россия принужденной себя находит защищать в Германии пользы сих малых князей и чрез сие и сильнейших — без всякой пользы себе неприятелями делать.

Министр.

Размышления ваши есть не безъосновательны, но в супружестве не должен ли каждый, елико возможно, себе равного искать; а конечно германские принцес[с]ы владетельных домов более приближаются к состоянию великого князя, нежели кто ис подданных России.

Гражданин.

Хотя бы я мог вам и коротко отвечать неоспоримым правилом, что любовь сравнивает состояния, но я не хочу в пользу свою и сего употребить, а хочу самим вам зделать вопрос: что нежелательно ли, чтоб государь щастие свое, верность супружескую и с удовольствием сопряженную любовь к супруге своей имел?

Министр.

Без сумнения.

Гражданин.

То как же при сих мыслях осуждаете вы государей, чтоб они влюблялись по портретам и не зная, как только по наслышке о разуме и обычае, женились или бы женившись все сии желаемые блага могли иметь.

Министр.

Противное вам самый нынешний пример доказует, ибо всем известно, колико государь великий князь любил свою супругу.

Гражданин.

Сие бесспорно, но что есть случай, то не правило. А в самом деле сие есть, что государи женятся по наслышке о разуме и нраве и влюбляются в портреты, а потом, находя на свои глаза не то, делаются несчастливы супружеством, колико государь, находящей всегда способы

страсти свои удовольствовать, может несчастлив быть, если странные поступки могут наполнить ту пустоту, которая в сердце остается после приятной и законной царственной любви.

Но если государь женится на поддан[н]ой своей, не слепую страстию увлеченный, но обще приятностию той и разумом преклоненный, лицо ему ее знакомо, разум также испытан, он может сам проникнуть или прав... *...о ее обычае и поступках, даже история вся от начала ее жизни и все ее воспитание сокрыться от него не может. И тако не на нечаянность полагаясь, но с разсудительным выбором в брак вступает, чтобы иметь удовольствие низшую себе свою подданную возвысить до престола и наслаждаться всеми удовольствиями, какие в браке находятся, Нет, милостивый государь, сие бы единое могло меня склонить брак государей на подданных своих бракам с чужестранными предпочтитель. Я люблю своих государей, но желаю при том, чтобы они трудились о благе ющем. Так оставим же им хотя домашнее утешение, непомраченное оскорблением, которое и каждый поселянин может иметь.

Министр.

Доказательства ваши, хотя вид истинный имеют, но государя сравнить с приватным человеком не можно, и он должен все по политике делать, а при том, может ли он в подданных своих натти кого так хорошо воспитанную, как та, которая от владетеля родилась? И рабская рожденная душа может ли достигнуть до сего величества, которое престолу пристойно.

Гражданин.

Конечно государя с приватным человеком сравнить не можно, но не во всем, ибо одно есть дело такое, где забывается человек, а ищется правитель; но есть другие дела, общие не токмо государю с некоторой степени гражданина, но и с последним поселянином, и тут конечно он должен человеком почитаться; а сего рода есть и супружество, ради собственного его удовольствия, ибо я прежде уже доказал, что супружество на чужестранных принцес[с]ах не токмо по политике самой полезно, но

* Слово в рукописи недонисано.

вредно государству. Но что вы изволили намекнуть о воспитании, то в сем я никак согласиться с вами не могу, чтоб немецкие принцес[с]ы толь чрезвычайное его имели, по крайней мере, хотя не укас, но две правила не составляют. Я от всех слышал, что они чрезмерным воспитанием хвалиться не могут; и для чего вздумать, чтобы во многочисленном российском дворянстве не было бы никого, чтоб старался и умел наилучшим образом вложить мысли закона, добродетели, чистоты и прочее в свою дочь, и чтоб дочь приватнаго человека не могла иметь так душу свою расположенную, чтобы сии наставления принять. Но и в сем случае я уже сказал, что государь, хотящий понять за себя свою подданную, может историю жизни ее и воспитания знать, чего ему зделать с чюжестранною не можно, и тако самым сим разрушается ваше возражение. Что же вы всех подданных почли неприличных к правительству, то естли ваше предложение есть справедливо, то и в мущинах никого, кроме рожденнаго от царской крови, правителем учинить не можно, ибо еще под государем по разным делам мущины более в государстве участия в правлении имеют, нежели супруга государская. И нещастлив бы тот был государь, которой бы по правилу, что в рабстве рожденные духу величества, сиречь правления, не могут иметь, принужден бы был все дела сам собою исправлять. Несправедлив бы был бог, естли бы разум, величество души и добродетели разделял токмо на владеющих особ, оставя других людей, токмо яко неких скотов, без всяких душевных дарований. Нет, милостивый государь! Ежедневные примеры оправдывают бога и противное сему свидетельствуют. А что касается до владельческаго воспитания, то, мне кажится, они только имеют излишнего в воспитании своем в сравнении с хорошим воспитанием подданных, что они более имеют гордости и нечюствительности к нуждам своих подданных, то самое сие и делает рожденную в подданстве предпочтительну для супружества с великим князем. Ибо супруга государева имеет должность угождать своему супругу, что яко подданная его и обязанная своим благополучием она лучше может исполнить, нежели чюжестранная принцес[с]а. Второе, должна она обращать

сердце своего государя и супруга к милосердию, что толь же лучше учинить, зная по собственному своему прежнему пребыванию недостатки жизни приватных людей.

Министр.

Но прилично ли будет, чтоб государь так себя уподлил, чтоб учинился родственником с своими подданными?

Гражданин.

Он есть родственник и бес того всех своих подданных, быв их отец, по сану своему, то когда сие родство его не уподляется, зачем же вы почитаете, чтоб союз кровный обяз... * теснейшими узами человека с человеком мог уподлить? Нет, государь мой! Сие токмо приобретет государю великое число людей, которые кроме общего долгу подданническаго еще и самым обязательством родства ему будут обязаны. И тако сие немалая есть польза, чтобы государь излишних себе верных и друзей имел, которые, как вам известно, есть толь редки ныне.

Министр.

Но-о! государь мой! представьте себе, ежели бы и все ваши рассуждения были неоспоримы, колико из сего зла произойдет? Когда могут подданные мнить, что государь поймет кого из их дочерей, из родственниц, какие будут происки для отцов и родственников и от самих дев, все не по любви к государю основанные, но на честолюбии; учинятся разные партии при дворе, враждующие друг на друга и взаимно друг друга искоряющие. Колико от всех сих будет поставлено сетей для пленения государя! И трудно, чтобы при таких обстоятельствах государь не более бы на страсть свою воз[з]рил, нежели на обычай и доброе воспитание. И тогда-то для дев и для их родственников союз з государем будет награда преступлению, а не добродетели. Сей обычай в древние времена в России мог быть принят, когда девы затворенные в недрах их домов невидимы и незнаемы никем были, когда их прелести не могли действовать над сердцем государевым и когда наконец по рассмотрению достоинств родственники сей выбор первоначально де-

* Слово в рукописи не разобрано.

дали. Но ныне не те времена и не те нравы: что в те поры могло быть терпимо, то по перемене обстоятельства разумно великий Петр переменял, предвидя все находящиеся неудобства, которому обычаю и ныне конечно следовать должно; да ниже и в вопрос то поставлять, чтоб можно было сие переменить.

Гражданин.

Вы простите меня, милостивый государь, естли я на последнее ваше предложение не соглашусь, чтобы мысли и ничего незнаменующие разсуждения приватнаго человека некоим преступлением ставить, ибо наша государыня и в Наказе своем написала, что слова без действия преступлением почитаться не должны⁶⁵. Таперь же приступаю на протчие ваши мнения ответствовать. Я признаюся, что сии ваши возражения суть сильнея всех прочих и с содраганием я на таковые злы взираю. Однако не думайте, чтобы они и прежде мне на мысль не приходили. И тако не по лехомыслию, но с самым длинным размышлением я мнение сие возымел и готов вам ответствовать. Сие есть без сумнения, что все таковые злы, которые вы предвидите, произойдут. Или государь мудрой и непокоренный своим страстям поймет себе в супруги ту, которая прямые достоинства с красотою соединяет, и тем ошастливит себя и находя свои гораздо более, нежели естли бы женился на чужестранной принцессе, о которой только по наслышке знает и х которой по супружеству уже должен стараться преклонять сердце свое. Или страстной государь по единой страсти без разбору поймет такую, которая бы недостойна была сей чести, но и в сем случае он будет еще щастливее, что по крайней мере склонности сердца своего последовал, и конечно если холодность какая может между ими прои- зотти, то она будет требовать времени простытия любви, а где горячности не было, тут нечему и простывать. Я не спорю, что по мере важности случаю происки у двора будут сильнея, но оные должны будут единственным супружеством государя решиться. Но какие сии и происки будут: при добродетельном государе будут притворяться быть добродетельны, а при распутном великом числе распутств сии и нечюствительны будут. Да и самый распутный государь лучше может сохранить

любовь к той, которую по склонности сердца своего поял, нежели к той, которой, не выдав еще ее самой, дал по политике своей слово. Вскоре произойдет холодность, государь будет иметь метрес, которого истыдного состояния с такою же горячностью будут многие искать, дабы чрез то править государством, и тем вящее сие зло может быть, что метреса не есть жена, и тако тогда одна будет, другие стараний своих о сем не престанут, чему нам Франция пример подает. Супруга обиженная будет так же себе партию сыскивать, и чрез сие не токмо уменьшатся те злы, которых вы страшитесь, но более умножатся. Я все сие сказал о распутном государе, но представьте себе, что и добродетельной, быв по обязательству своего сана женат не по склонности своей, может в те же страсти впасть и к таковым же развратам причину подать. Я вам не отвечаю на премены обычаев, ибо, понеже и государи в супружествах своих и в склонности сердец суть такие же люди, как все протчие их подданые, то посему мне кажется, что свободное нынешнее женского пола обхождение и более способствует к ошастливению каждого кто хочет жениться, нежели старинное. Упомяновение же ваше о Петре великом, введшем в обычай понимать чужестранных принцес[s] за российских государей, показывает не иное что, как токмо то, что он почитал по тогдашнему состоянию России нужным вступить в свойство с чужестранными государями, а чрез то бы самое народ приучить терпеть чужестранных, ибо не непременно он правилам сие себе поставил, чтобы подданных не брать в супружество за государей, потому что он и сам женился на пленной своей подданной⁶⁶. Не подумайте, чтобы одна страсть в нем при сем случае действовала. То правда, что он был страстен, но страсть его была удовольствована, а он, усмотря в ней приличные монаршию сану добродетели, удостоя ее быть своей супругою, не мнил чрез сие ничего вреднаго государству своему сделать.

Министр.

По крайней мере вы искусно оправдываете поступок Петра великаго, но я еще не на конце моих возражений. Если бы государь женился на своей подданной, то в тот час возвысилась бы вся ее родня; в предъосуждение

всех достойных людей, места военные и гражданские ими будут заняты без всякой надежды, чтобы когда другие могли до них достигнуть. Воинство, предводительствуемое незнающими военного искусства людьми, ослабевает и теряет свою славу. Политика будет развратна. Судьи, не знающие законов и жадные, отяготят все государство, которое чрез сие и вне и внутри смертельные удары почюствует. Приложи к тому, что взошедший род на сию степень мог иметь прежних неприятелей, которым в сем своем случае и будут мстить; взошедший в родство з государем какой многочисленный род надобно будет набогатить, а сие истощит казну государеву, еще не удовольствуя их, и тако здоимствы и грабежи еще последуют.

Гражданин.

Все представленные вами злы суть возможны, и я сам от них содрагаю. Но прежде, нежели вам на сие ответственать, надлежит различить правление. И тако при правлении мудраго государя их не будет, ибо такой государь, хотя возвысит супруги своей родственников, однако никогда не допустит во зло употребить им свою власть; но должны мы себе представить государя слабаго, при котором бы могло такое зло воспоследовать, и не можно, повторяю я, возможность онаго отрицать, но как иногда и самое зло за добро в сравнении з другим злом почитается, то рассмотрим, что от супружеств на иностранных принцес[s]ах не произойдет ли другаго зла вящего. Первое представим себе, что государь, влюбясь по портрету, сохраняет всю возможную любовь к своей супруги (представление однако весьма трудное и редко случающееся). Тогда она, быв чюжестранка, склоняет своего супруга любить чюжестранных и во всем их сынам отечества предпочитать, чему бывали и примеры; и верные граждане все тогда от несправедливого сего предпочтения потерпят. Сии чюжестранные, захвата все чины военные и гражданские, хотя бы и желали хорошо должности свои исполнять, но, не зная ни обычаев, ни внутренняго положения страны и быв предъубежденны воспитанием, восхотят все делать и приводить на то, как в их отечестве; и тогда закон, и все главные * основания

* В рукописи «главния».

государства разрушаются. И если толикое зло происходит, когда имеют они намерение и хорошо управлять, то коль оно умножается, если еще ни дарованей, ни желания такого не имеют. Не меньше жадны и чужестранные обогатиться, но с тою разностию, что государь, обогащая своих подданных, обогащает народ свой чрез чиненной самими теми прожиток, а обогащая чужестранных и посылая деньги в чужие края для содержания родственников своей супруги, истощает государство и уменьшает торговлю уменьшением курса и потерю равновесия. Но если к сему злу еще присоединится, что государь не будет любить своей супруги, станет искать в объятии других себе удовольствия, то толико сии метресы, зная, что государь по изволению своему может их переменять, жадны будут воспользоваться кратким временем своего царствования, колико мало почитая честь своего государя и пользу государства, будут стараться отомстить своим прежним неприятелем или погубить тех, которые им опасны могут быть, не быв удерживаемы никакою связанною пользою з государством. Так же, как бы и супруги были, но с меньшим разбором, возвысят родню свою и друзей, определят их в важнейшие места, дабы самую нуждою государя силу свою сохранить; и как она, так и родня ее, зная, что на изволении государя все их щастие основано и что рукою его единою поддерживаются, без коей бы прах земный были, во всяком случае будут льстить и истинные пользы государства скрывать от него, равно же таща государство и обогащаясь кровию народа. Без временщиков и любимцов ни один государь не живет, которые, соединясь с сими родственниками метресы, равным же образом в тягость государству будут. И тако сими хвалимыми вами чужестранными супружествами не токмо польза произойдет, но паче вред, ибо: 1) опасно, чтобы государь не возненавидел свою супругу и 2) чтоб государство не предалось в расхищение чужестранным, родне и друзьям метресы и любимцам. Вместо что государь поял свою подданную, естественно зная ее, поимет, и весьма уповательно, что избрание его на какой знатной род упадет (вместо что в избрании метресы народ смотреть не будет), то чрез сие вошедшие в родство к государю, коль бы злонаравны ни были, однако

дуть сыны отечества, и для того для собственной своей славы и пользы потомства будут, зная состояние государства, стараться о его благе; деньги из государства выходить не будут, утверждены на таком родстве единою сею подпорою, и будут жить, не замышляя дальнейших происков. Естли и могут желать и учинить мщение своим прежним врагам, но я уже вам сказал, что такое мщение и от родни метрисиною может быть. А естли будут добродетельны, а паче, ежели уже государь будет иметь детей, то яко родственники его з большею смелостию могут нужды государственные и неосновательность поступка какого-либо государева ему представить, а чрез сие истинна до престола монаршего проникнет и государство процвет[ет].

Министр.

Но чрезмерное возвышение родов — не вред ли государству?

Гражданин.

Но не возвышаются ли незаконно? То не лутче ли, чтобы роды по тому святому союзу возвышались? Вреда же от сего государству быть не может, ибо имении таких родов входят в общую кучю именей частных, и многие роды один по другому будут иметь способ тако возвышаться, и чрез сие самые завидливые возвысившемся в первый раз роду, хотя будут ненавидеть, но тогда же могут надеяться, что и их род возвысится. Приложите к тому, что мы живем под самовлас[т]ным правлением, и естли мы его не чюствуем, мы должны сим милости наших государей, а не законам. А что может здержать государя, хотящего все возможное самовластие употребить, как великое число сильных и знатных родов, могущих смело ему представить, коликой вред может от самовластия произоттить?

Министр.

Я признаюсь, что вы мнение свое хорошо защищаете, однако я все, как и прежде сказал, при своих мыслях остался, а таперь не имею времени более продолжать разговора вас оставляя. Прости!

О СЕБЕ ⁶⁷.

Разные приключения жизни подают причину к разным размышлениям и для того хочу мое приключение 1777 года сентября 22-го числа с размышлениями бумаге сей предать.

Оне состоит в том: пожалован я в герольдмейстеры, который по табелю 1763 года состоит в ранге генерал-майора, в 1773 году августа 8-го числа с сохранением мне чина камер-юнкерского, яко то в указе написано, оставляя при нем, ибо естли бы я тогда пожалован был в герольдмейстеры ⁶⁸, дабы исполнять токмо сию должность, то бы должно написать, что я определен быть за герольдмейстера или бы сказано было, что мне быть в прежнем моем чине камер-юнкера. В 1773 году апреля 21-го числа пожалован я в камергеры с прочими по старшинству. Во время вторичного вступления моего в службу исполнял я должности окроме герольдмейстерства, и до сего дежурства поручено мне было разбирать архива Петра великого, которая и разобрана; определен я был в комиссию о коммерции ⁶⁹, где не меньше других трудился; угодно было государыне, чтобы я продолжал сочинении Российской истории, которой я три тома издал ⁷⁰, и также в угодность ее издал журнал Петра великого в трех томах в четверку, две книги царственные, историю Петра великого Прокоповичем, летописец о мятежах, письма Петра великого ⁷¹, при которых приложил предисловие, в котором объяснил все услуги и благодеяния, каковыя нынешняя государыня сделала России, что я писал по причине бывшего тогда бунта пугачевского и общего народного волнования. Тогда же угодно было государыни, чтобы я написал историю о самозванцах ⁷², дабы показать, что не ее царствование одно отящено такими ударами, но что как прежде в

России было, так и в других государствах случалось также зло. И книгу сию я писал, когда [был] обеспокоен домашними беспокойствиями, так что нередко меня обмарок сшибал, однако в шесть недель ее окончил; и все сие исполнил с похвалой от государя и от народа, привлек к себе почтение народное и любовь всех тех, которые имели до меня дела. Позабыл я еще сказать, что во время собрания комиссии уложения, я был в оной, заслужил любовь народную, и проект законов о среднем роде сделал, взял охотою другой о искус[с]твах и ремеслах, который тако ж к окончанию довел⁷³, но никогда не искал в больших.

Николай Иванович Неплюев⁷⁴, человек умный, но мало просвещения, тонкий, исполнительный, подлой и уверяет, что взятки, ежели не для себя, то для генерал-прокурорши берет, о которой единые уверяют, что он друг, другие и любовником ее называют, пожалован из сих президентов комерц-коллегии, т. е. из штатских советников, в обер-прокуроры 1773 года апреля 21-го числа и потому дважды моложе меня, ибо и после пожалован в четвертый клас[с] и имел штатский, а не военный чин.

Николай Борисович Самойлов был штатским же советником и обер-секретарем до 1774 года, человек посредственного разума, взросший на пере, но мало законы разумеющий, безстыдный корыстолюбец, и хотя не однажды был подаван в разные кандидаты, но всегда с гневом отринут был. Когда взошел во временщики князь Григорий Александрович Потемкин⁷⁵, сей муж, который считает быть себе одного в свете, не столь из любви к Николаю Борисовичю (ибо Самойлов ему зять, быв прежде женат на сестре его), сколь для показания своей силы и дабы иметь партию в сенате, не взирая, что в первом департаменте сената не положено обер-прокурора, с нарушением самого закона сделал его в обер-прокуроры в сей департамент 1774 года марта 19-го числа, где он не престававал более нежели разбойник или тать, воровать.

Сии, обошед меня, находящагося также при сенате, были сделаны тайные советники и сенаторы 1777 года сентября 22-го числа.

Видя себя обойденна и принужденна предстать пред

суд младшим мне, я, не мешкавши на завтрее, подал письмо к государыне, со изъяснением, что когда моя служба, как я примечаю, стала негодна, то прошу увольнения себе. Немедленно прислан был ее секретарь Соимонов, который мне объяснил ее благоволение, и что она меня в отставку не отпустит и удовольствует меня в моих требованиях. Я немедленно написал объяснение моей обиды и наконец во всем на волю монаршу предался. После обеда я был призван к генерал-прокурору, который мне изъяснялся, что государыня меня обидеть не хотела и что во удовлетворение мое даёт мне два места на выбор мой — камер-коллегию или вотчинную коллегию в президенты; оба мне при том изъяснялись с таким презрением о чине сенаторском, что якобы сей последний был, и говоря, что государыня меня к важнейшим местам готовит. Я на сие ответствовал, что я предаюся на волю государеву* и соглашаюсь в угодность его*, как из слов я их уразумел, остаться герольдмейстером, ежели мне чин тайного советника с надлежащим старшинством дадут. По таким обещаниям и скорому действию моего письма не должен я был ожидать и скорого исполнения самого дела. Но нет! Сия премудрая государыня, видно, преклонилась на слова моих неприятелей и самым упозданием стала начинать мне делать чувствовать свое неблаговоление. Надейся кто таперь на двор! Между тем временем поражен огорчением и во ожидании исполнения слов монарших я остался дома без исполнения моей должности. А потом услышал, что меня написали от сената в докладе в президенты; новая обида, что меня те достаивают в президенты, которые меня моложе и, совестно скажу, недостойнее, но как я все больным репортовался, то посылал за Сиверсом⁷⁶ заместником и просил его объяснить государыне, что я действительно болен, но он 6-го числа октября месяца приехал ко мне к вечеру и долгими уверениями хотел меня склонить, чтобы я согласился остаться в чине герольдмейстера, с чином камергера, говоря 1) колико государыня обо мне хорошо думает, 2) как меня почитает нужного для сего места, 3) что благоволением своим обещает всегда меня награждать, 4) что не взирая на то, что почитает требование

* Так написано в рукописи.

мое излишним, ибо считает меня по камергерской линии, однако ежели я хочу, то даст мне чин тайного советника и определит в президенты в камер-коллегию, 5) что в герольдии мне быть с чином тайного советника нельзя.

Велико конечно для меня, что государь толико нисходит и с под[д]анным договаривается. Я на сие ответственал ему моим письмом, изъяснявшим все трудности и уподление герольдского места, мое право и накоманду иопрежнему неволю государеву. Но здесь еще думаю нечто сказать: 1) Государь обо мне хорошо думает, а обходит. 2) Если я нужен для герольдии, то самое место мое требует, дабы и к персоне моей было уважение. 3) Я не сумлеваюсь в ее благоволении, но если оно прямо есть, то не лучше ли теперь его оказать. И сие благоволение, десять лет продолжающееся, ничего мне отличного не зделало; ко мне благоволение, другим — ленты, ко мне благоволение, другим — чины. Не говорю я о дальних обещаниях, но и ныне сделанные хотят у меня отнять; то как на дальние надеяться? 4) Что многие камергеры есть меня старее, то правда, но ради излишних моих трудов должен ли я какое-нибудь преимущество иметь? А потом произвождение сделано не по камергерству, а по сенату. Я есть в сенате, следственно старее Неплюева и Самойлова; за что меня обойти? Я достойный и годный человек, годен к важнейшим делам, нежели сидеть в сенате; за что ж не посадить меня в сенате, а до исполнения будущего, по вящему благоволению зделать моими судьями младших моих. Когда хотят делать благоволение, тогда так строго не считают. Потемкины камер-юнкеры, а чины генерал-майорские имеют, а один имеет и ленту, то разве не обидно старшим их камер-юнкерам? Они Потемкину родня. Я не виноват, что у меня такого счастливица не родилось и что в числе разорителей государства никого из своей родни не считаю, но не должен быть наказан, что одному служу государю. Я достойный человек, а сама государыня не одинажды мне о худом своем мнении о придворных объяснялась. Зачем же мне итти с недостойными? Я достойный человек, и мне дают чин тайного советника и президента камер-коллегии, который представляет своего государя и управляет ее коллегию, зачем же мне не дать чин тайного советника и оставить, коли то надобно, в герольдии? 5) Того, говорят, сделать нельзя, ибо то

излишнее будет по месту; зачем же меня, достойного человека, оставлять в таком месте, где и чин генерал-поручика непристоин? Зачем сказать, что в герольдмейстера не может быть тайной советник, когда в генерал-регетмейстерах⁷⁶ Дивов и Козлов были тайными советниками, а генерал-регетмейстерское место есть место бригадирское. И по сему я сам не знаю, что я есть; а кажется достойной на словах, недостойной на деле, удобен, чтобы уважать и ездить как на осле, а кормить репейником; да и осла иногда в колокольчики рядят, а мне и той надежды нет.

Изъяснив тако мое состояние и неисчетное число противоречий, происходящих из уст законодательных, из уст глаголющих, что последую б...*, что судья должен сделать один силожисм, однако сего силожисма нет, в рассуждении меня не сделано, а вот он есть:

1. N идет к произвождению по двум линиям, старший по одной, где он работает с успехом, но младший по другой, где старшие его работают мало или ничего.

2. По линии, где он упражняется, младшие ему произведены, и даны им выгоды.

3. Следственно и ему должно тоже учинить.

А вот другой:

1. N я люблю и уважаю.

2. N имеет неудовольствие, что он обойден.

3. Следственно N должно сделать удовлетворение.

Третий:

1. N мне нужен в таком месте.

2. Во уважении других многие не по местам чины получили, или с вышними чинами в нижних местах сидели.

3. Следственно для N должно то же сделать.

Четвертой:

1. N предался на волю мою.

2. Воля моя должна быть исполнена великодушия и милости.

3. То должно мне сделать, чтобы N не спокаился.

* В рукописи не дописано.

Пятой:

1. Не достоин, и я ему многое обещаю.

2. Но в самом тогдашнем деле старался избежать от данного ему слова.

3. То как Не вперед мне верить?

Топеря не могу я удержаться, чтобы не сделать некоторые размышления: 1) на несчастную судьбу людей, подвергнутых самовластному правительству, 2) и на несчастие самых самовластителей.

Несть государства и государя, который бы не желал, чтобы поданные ему единому служили; но желание сие их тщетно, когда происки двора, временщики, вельможи должны упражнять большую часть жизни служащего человека... Между столькими идолами, которые стояли в пантеоне не узнавали Юпитера, а между столькими вельможами у двора не узнают государя. Но если кто и узнает, может ли достигнуть до него? Если достигнет, то может ли преклонить его, окруженного толпою врагов того, кто им не приносит фимиаму? Бедные народы! Однако вы подвергнуты под правительство таких, которые, начавши жизнь свою подлостью и истребя все чувства добродетельные из сердца своего, множество лет упражняясь в двух только искусствах — трусости и лести, истребив сперва из сердца своего все благородные мысли и человечество, достигают до правительства народов, и несть уже люди, но яко такие естества, которые почитают себя единими предметами судьбины народы управлять. Печально, о цари! и ваше состояние. Самолюбие ваше влечет вас любить льстецов, а они уподляют ваши сердца, они лестью и трусостию своею надевают на вас приятную узду, и что более вы самовластны являетесь, то более вы невольники ваших любимцов. Тщетно желаете вы делать какое добро, окружающие вас до того вас не допускают, священнейшие ваши слова, проходя сквозь уста тех, повреждаются, законы от вас сокрыты, плач народный отдален, неправосудии ваши выхвалены, и вы, думая, что век свой к благодетанию народному и славе определили, не суть в самом деле как есть гонители самому тому народу, которой вы хотите миловать и имена ваша лишь черные страницы...* в истории света

* Пропуск в рукописи.

будут, между такими людьми, которые, яко бичи, от бога посланы были на землю. И тако бегите льсти, размышляйте сами с собою и твердо исполняйте, что на правилах истинны основано. Петр великий вам тому пример. Он был груб, но правосуден; за смелость бивал людей, коих же и награждал; он умер, удары и побои его забыли, а помнят его правосудие и как наш век, так и будущие его имя будут обожать.

НАЧАЛО ВОЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Г[раф] З[ахар] Г[ригорьевич] Ч[ернышов] *

Выше уже сказано, koliko военные люди мало годны в гражданское правление, и вот тому примеры. Гр[аф] З[ахар] Г[ригорович] Ч[ернышов] определен главнокомандующим в Москве 1782 года в феврале месяце. Я не буду говорить о ласковом его приеме, однако все на таком порядке и дисциплине основанно, что кажется и за столом у него по темпам и по команде едят, отчего и происходит, что начальничей двор чисто...** Но вот яснейшие примеры военной власти и незнания законов: 1) Нигде в учреждении не помянуто, чтобы акламацией или головами кого выбирать, однако он, составя партию, Гр. П. б. щ. прежде в московские, а потом в губернские предводители его выбрал. Писавши[й] сие, зная, что такое неустройство должно воспоследовать, тот день в собрании не был. 2) В росписании церемониала, что должно каждой день при открытии наместничества исполнять, написано было, чтоб выбрать секретаря от дворянства, хотя сего чина нигде не предписано; и выбрали бы и по одобрению... ** выбранного губернского предводителя господина Колычева, человека действительно под следствием находящегося, но сей выбор показанием письменно его поступок писавшим был остановлен. 3) При выборе совестного главного судьи ходил по всем присудственным местам прокурор, приказывал кого выбрать. Сказывали мне сие председатель князь Амилахоров, советник Сушков и Корманолеев. 4) Учинил великую накладку на купцов ради играня музыки мнимых школ и прочего, которую они

* См. примечание 48.

** В копии, с которой печатается эта заметка Щербатова, пропуски в одно-два слова.

вряд снести могут. 5) Отдал противность устава о вине не...*, но...* род откупа будто для поставки целовальников с платежом 20 копеек за продажное ведро вина и по три копейки с пива и с меду, оставшиеся кобаки от откупов, и сие без третичнаго торгу, тогда как многие хотели дешевле взять, как между прочим Мещанинов. 6) По причине неплатежа за декабрь месяц 1782 года откупщиками денег вдрук без согласия камер-коллегии приставил караул к кобакам, помещал зборы, разогнал целовальников, дал другим похищению сделать, сделал военную ексекуцию, где казна была безопасна великостию залога, и препоручил сие смотрение офицерам полицейским, которые необходимо должны были оное поручить десяцким и бутошникам. Вот мудрое военное правление; вот что до сведения моего дошло в 11 месяцев, что то будет в год?

* Пропуски в рукописи.

НЕ ПОКРУЧИНЬСЯ, ГОСПОДИНЕ «СОБЕСЕДНИК» 78.

Не покручинься, господин «Собеседник»⁷⁹, что голомя* упоздал к тебе писати. Я, права, деревенской пентюх и не слыхал до сего, что есть чин, или название, или должность «собеседник»; а приехав из Пензы справить деревнишки и приискать дачи⁸⁰ в вотчинной коллегии в архиве; вить весь**, что вотчинная коллегия мать наша: там все, там на все документы и доводы, веть ищешь в столице по Пензе, а сыщешь дачу по Коломне или по Туле, как справка з другими дачами была, так весь пока не разделили архиву, хорошо робятишком дачи выписать, а после уже не сосочишь***, и так разделением, перевоскою много распропало. Я говорю: пензенской дворянин, побывав в архиве вотчинной коллегии, пошел по Спасскому мосту помолиться угодникам Божиим в собор. Нынче сказывают его не в моде, а мы, слава богу, не очень знаем в Пензе, что такое и мода, сказывают, говорят, то на дворе у наместника, а я у него и не бывал, так и вычитца негде, а от отцов слыхал, что, побывав в Москве, должно помолиться вначале в соборной церкви и мощам Петра, Алексея, Ионы и Филип[п]а, митрополитов московских**** чудесному образу пресвятыя богородицы владимирскому, Василию блаженному и прочим. Идучи по Спасскому мосту и по прадедовскому обычаю сняв заранее шапку, на левой стороне увидел я много, много, много книг да все в золотом переплете*****. Не знал я, что такое книги уж на улице стоят, а слышал я, что бутто заводятся норманские иль как один, знающей поганые языки, мне сказывал норманские школы, то подумал: «никак то вывеска

* «Голомя» — давно, давненько.

** Слово «весь» Щербатов употребляет в значении «понят-»

*** «Ссочить» — выследить.

**** «Московских» надписано вместо зачеркнутого «российских».

***** После слова «переплете» зачеркнуто «стоящих».

сих непонятных мне школ?». Однако спросил я тут молотца. Он мне отвечал: «Ето, сударь, книжная лавка, продаются самые добрые книги, печати Николая Ивановича Новикова⁸¹, который университетскую типографию для лутчаго побуждения наук, чтоб вдвое дороже продавать, взял на откуп. Для просвещения российского народа вот уже напечатал «Бову королевича»⁸², «Петра златых ключей»⁸³, «Арапские скаски»⁸⁴, и прочее и прочее». «Ох, нет, братец, — ответствовал я ему, — мне мамка скаски ети сказывала; нет ли чего полутче?» — «Так разве вашей милости угодно типографии Санкт-Петербур[г]ской Академии наук преузорочное сочиение «Собеседник»? Академии наук, предприятою Петром великим именем и делом, открытой по кончине его точно по его намерениям*». — «Дай, братец, дай, бери деньги, что хочешь». По полтора рубли, собачий сын, за книшку с меня содрал. Ну чтож делать! Скирдов десяток — другой хлеб есть; живу нероскошно, убыток сей награжу.

Прочел сего «Собеседника». Ну, правда, много в нем хорошева, много и очков приставлено, кому то не знаю, да знаю только то, что уже печатью объявлено, что дураки и невежды рулем правят во исполнении законов, потому что ежели бы сего не было, то бы не смели и напечатать. Узнал же я и то, что иные голубей гоняют, иные в карты играют, иные только такают, а все они поставлены правителями, то какая нам бедным надежда. Царь всего не видит, до царя все не дойдет, а царь и обманут, и мы деревенские все страждаем. И для того, господин «Собеседник», весь ты печатаешь, а печать, сказывают, дело не тайное, то ты наруже показываешь и добрые советы даешь, пожалуй мне скажи чрез печать же, а я весь таво очень ожидаю, сколько сих** невежд, сколько голубягонов, сколько шелунов выгнаны по свету твоему от дел. Ибо ошибиться есть дело человеческое, а исправиться дело великое.

Ты видишь, господин «Собеседник», что я тотчас пролетел ваши сочинения и нашол*** я часть III, страница 162 «Вопросы и ответы». Ну, правда, писал вопросы молодец,

* После этого в оригинале повторяется «Академии наук».

** В оригинале после слова «сих» зачеркнуто «дура...», т. е. «дураков».

*** После слова «нашол» зачеркнуто: «я вопросы».

спасибо ему; о ответах скажу только, что они еще много сомнения оставляют. А как эти вопросы мне кажутся важны, то не покручинься, господине «Собеседник», прикажи мне, деревенскому мужику, еще на ответы вопросы спросить.

Первые вопросы тебе знакомы, зачем же их и писагь. Так ну вот ,запишу ответы и вопросы на ответы *; так у нас в Пензе водится.

* Ниже мы приводим вопросы Фонвизина Екатерине II, а также вопросы и ответы, опущенные Щербатовым. Нумерацию мы исправили по печатному тексту журнала «Собеседник любителей рос. слова», ч. III, стр. 160—166.

Вопросы Фонвизина:

1. Отчего у нас спорят сильно о таких истиннах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сумнения?
2. Отчего многих добрых людей видим в отставке?
3. Отчего все в долгах?
4. Естли дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверзто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?
5. Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжб своих и решений правительства?
6. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?
7. Отчего главное старание большой части дворян состоит не в том, чтобы поскорей сделать детей своих людьми а в том, чтоб поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?
8. Отчего в наших беседах слушать нечего?
9. Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми?
10. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?
11. Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего душевного почтения?
12. Чем можно возвысить упавшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтобы почтенное титул дворянина было несумненным доказательством душевного благородства?
13. Имея монархиню честного человека, чтобы мешало взять всеобщим правилом удостоиваться ее милостей одними честными делами, а не отваживаться проискивать их обманом и каварством.
14. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?
15. Отчего многие приезжие из чужих краев, почитавшиеся тамо умными людьми, у нас почитаются дураками и наоборот, отчего здешние умницы в чужих краях часто дураки?
16. Гордость большой части бояр где обитает — в душе или в голове? (См. продолж. на стр. 124).

ОТВЕТЫ НА ПЕРВЫЕ
ВОПРОСЫ

1. «У нас, как и везде, всякой спорит о том, что ему не нравится или непонятно».

2. «Многие добрые люди вышли из службы вероятно для того, что нашли выгоду быть в отставке».

3. «Оттого в долгах, что проживают более, нежели дохода имеют».

4. «Одни, быв богаче других, имеют случай оказать какую не на есть такую заслугу, по которой получают отличие».

5. «Для того, что вольных типографий до 1782 года не было».

ВОПРОСЫ НА ОТВЕТЫ

1. «У нас и везде». Вить дело идет не о безумных, да и в первом вопросе сказано: „спорят в таких истиннах, кои нигде уже не встречаются ни малейшего сумнения“ и потому «везде» к сему нейдет, а остается решить, для чего у нас о том спорят? Для чего у нас то не нравится, что в других местах по крайней мере по благопристойности нравится? Для чего у нас о непонятных им вещах спорят?

2. Для чего они нашли выгоду быть в отставке? Потому, что естли кто доброй человек, тот желает служить отечеству; а естли доброй человек идет в отставку, то сим доказует, что добрые его намерения будут тшетны в службе и не выгодны, но успокоение совестенного славолюбия и протчих польз, которые бы мог службою своею приобрести.

3. Истоковано действие, а не притчина. Да скажи, что побуждает лишнее проживать?

4. Следственно, кто богатея, как бы не получил богатство, хотя бы разорением части государства, будет полезнее подданной, нежели усердной и умной, но бедной гражданин. Веть после сего, веть разве всем воровать и богатиться а потом наворованного часть дать и сказать: «я сделал услугу».

5. Не тяжущимся надлежит печатать определении вышняго правительства, но правительству самому, ибо сим оно дает отчет народу в справедливости своих суждений и налагает на себя обязанность противуречительно не ре-

19. Как истребить два спротивные и оба вреднейшие пред-рассудка: первый — будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй — будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

20. В чем состоит наш национальный характер?

6. «От размножившихся кловов (перевелиса общества)*»

7. «Одно лехче другого».

8. «Оттого, что говорят небылицу».

9. «Оттого, что на суде не изобличены».

10. «Оттого, что сие не есть дело всякаго».

11. «Оттого, что всякой любит и почитает лишь себе подобнаго, а не общественные и особенные добродетели».

пить, а не вольным типографиям печатать определении судебных мест. Я имел дело, апелляция была подана 1743 года, слушано 1783 года, по сороку лет волокиты. Когда я разорен, хотя, чтобы еще убыток претерпел в печатанье определения, а естли оправлен, что мне нужды печатать, слава богу, что не обвинен.

6. Правда.

7. Удивительно, что в благоучрежденном правительстве награждение недостойным лехче дается нежели делается разбор достоинству и что люди превыкли считать, что лехче в чины детей своих произвести, нежели достойными зделать. Сожалею, что такое внушение происходит (от правительства)**.

Слава богу, что такие весточки к нам в Пензу не дошли.

8. Действие, а не причина. Но отчего говорят небылицу? От невежества ли иль от правления?

9. Так только тот бездельник, кто под виселицу преведен? Однако и такие чины получают и в обществе принимаются. По суду ли честные люди признаются? Где есть добронравие, тут гонится злонравие.

10***. Всякой помышляет о пользе своей и ближняго, а следственно общества. А отчего никто в сие не вникает, в том та запятая.

11. Знаки почестей должно раздавать отличившимся своими заслугами к отечеству? В чем состоят наиболее заслуги к отечеству (ибо я государя с отечеством не разделяю)? В том, чтоб зделать подданных щастливыми. То как же не почитать своих благодетелей? Вопрошаю паки, народ ли весь злонаравен или вельможи не достойны?

* Слова, взятые в скобках, внесены Щербатовым от себя.

** Слово «от правительства» зачеркнуто.

*** У Щербатова после 9 написано 11, вероятно, ошибочно.

12. «Отчего у нас не стыдно не делать ничего?».

13. «Сравнение прежних времен с нынешними покажет несумненно, колико души ободрены либо упали, самая наружность, походка и проч., то уже оказывает».

14. «Для того, что везде во всякой земле и во всякое время род человеческой совершенным не родится».

14. «Предки наши» и прочее***.

15. «Оттого, что вкусы разные и что всякой народ имеет свой смысл».

12. Годиться, жить, есть, спать и умереть не есть жить, не есть исполнить дела гражданина, но быть бесполезною тварью. Сие не требует законнаго наказания, ибо таковое узаконение могло бы множество злоупотребленей принести, а не можно сказать однако, чтобы сие недурно было и чтобы празнодец в обществе что делал; следственно ответ сей не решен.

13. Шуйской с крестом и с мечом низинул похитителя⁸⁵. Бояре слабуо Иоанну в сотовариши остроумнаго Петра дали. Долгорукой царя Алексея, яко законодателя, Петру в очи его предпочтил. До горукой** не единожды в сенате опроверг Петровы решения. Походка нынче лутче, ибо у проклятых немцев научились танцовать и как то у рабят ноги выгибают. Но пахотка не обычай и не нрав. Одно в сердце и в мозгу, а другое в ногах.

14. Любление истинны всех к истинне приучает, ибо спокойнея ходить с открытым лицом, нежелъ в маске. Немного ума быть справедливу, а много должно пронырства и беспокойства быть фальшиву. Отчего же фальшивость ныне есть?

14.**** На сей вопрос в разсуждении нынешней вольности мыслей не ответствовано, и я не вопрошаю. Но грамота не шутлива.

15. Удивляюся, чтобы ум по народам и по обычаям был: следственно, что мы ныне премудрым

* Вместо ответа Екатерины, как это Щербатов обычно делает, здесь он вероятно ошибочно привел вопрос Фонвизина. Мы приводим ответ Екатерины на 12-й вопрос: «Сие не ясно: стыдно делать дурно, а в обществе жить не есть не делать ничего».

** См. примечание 18.

*** Ответ Екатерины на этот вопрос Щербатов привел неполностью. «Предки наши, — пишет Екатерина, — не все грамоте умели. NB, сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели, буде же бы имели, то начали бы на нынешнего одного десять прежде бывших».

**** В журнальном тексте № 14 повторен два раза.

16. «Тамо где нерешимость».

17. 18*.

19. «Временем и знанием».

20. «В остром и скором понятии (состоит национальный россиянин характер)** всего, в образцовом послушании и в коренении всех добродетелей, от творца человеку данных».

Вота, господин «Собеседник», очень я усумнился, прошу приказать мне дать решения на мои вопросы деревенские. Не знаю, господин «Собеседник», так ли мои вопросы написаны, как мне хотелось; вить я весь человек безграмотной, учился по псалтырю и букварю, а уже молотчиком букварь читал. А сказывают мне, что есть что то граматика, по которой нада писать, я весь пошел в новые расписанные судебные места, сыскал там добраго человека подъячего и просил его, чтобы он мое маранье по надлежащему на слог какой надобедь переложил. Он взял с меня три рубли, бо жась, что меньше взять не может: «я ди и за копии с дел, за переписку протоколов меньше не беру. Вить ди извольте разсудить, жалованье сто рублей, ходи в однорядке, корми жену и детей, нанимай квартиру, дел делают мало, то право, господин мой, богат быть не хочю, а и з голоду умереть трудно. Доброй человек только что на нужду себе берет». Я ему дал да дал три ж рубли переписать уставом доброму дьячку, чтобы тебе, «Собеседнику», не трудно было читать. Прости, я жду твоей весточки.

* Вопросы 17 и 18 и ответы на них Щербатовым пропущены. Приводим их содержание. Вопрос 17. «Отчего в Европе весьма ограниченный человек в состоянии написать письмо вразумительное, и отчего у нас часто преострые люди пишут так bestолково?» Ответ 17. «Оттого, что тамо учась слогу однако пишут; у нас же всяк мысли свои, не учась, на бумагу кладет». Вопрос 18. «Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?» Ответ 18. «По той же причине, по которой человек стареется».

** Слова, взятые в скобки, вставлены в текст Щербатовым.

считаем может чрез несколько лет быть почтено очень глупым и сего изъяснения я требую.

16. Да где же нерешимость? И какое сходство между гордостью и нерешимости?

17. 18.

19. Не требует сия истина объяснения.

20. Лестно и для нас, деревенских пентюхов, так о объяснении, желательно чтобы оно было правильно; а боюсь чтобы кто не написал: «Я видел, а мне нет дватцети лет».

ОПРАВДАНИЕ УМЕРЕНИЯ ЗАКОНАМИ РОСТУ ⁸⁶.

Возможно ли, любезный друг, чтобы ты мог почитать несправедливым узаконении, стесняющие корыстолюбие ростовщиков, и почитая, что заимодание и заимовзяние быв дела вольные, каждый волен единый цену устанавливать своим деньгам по своему изволению, а другой брать их можно сказать в наем и торговаться с оном.

Простите мне, естли я скажу, что в сем вы ошибаетесь и что воз[з]рение на гражданскую свободу учинило вам взирать на сей род торгу под другим видом, нежели в самом деле он есть. А как я уверен, что вы в сем никакого собственного виду не имеете, то честная ваша душа, согласится с предлагаемыми противными вашим мнениям моим[и] причинам[и].

Естество одно не может составить, как токмо малые общества, ибо онаго побуждения не далее, как токмо на ближних родственников простираются; а потому для составленей не токмо сильных, а многонародных государств, ни ниже и знатнаго какого селения, не одно естественное побуждение послужило, но и взаимственные пользы, кои и несут части естественнаго закону, и потому сия связь между людей и называется политическою.

Все государства, малы ли они или велики, должны управляться сими основательными законами, то-есть естественным, повсюду и всегда непрременным, и политическим, могущим неизщетные иметь перемены, по разным обстоятельством, как физическим, так и моральным государства, а из сего и гражданские законы истекают.

Я, положиа сие неоспоримое всеми правило, из онаго и вывожу, что как по самому естественному закону, неразличающимуса з божиим, так по политическому, а наконец и по гражданскому закону, излишней противу уста-

новления рост есть не токмо дело охулительное, но и достойное наказания*.

Весьма я кратко упомяну о том, что касается до сопротивления сего естественному закону, ибо чувствовании сердца вашего и всех, имеющих благородные мысли, сие более, нежели я или бы кто наикрасноречивый, могут доказать.

И тако сокращусь я спросить: что не се ли есть всеобщее и непремненное правило, на котором основываются все общества света, чтобы никто не желал своему ближнему того, чего себе не хочет? А потому, хочет ли кто, чтобы его отяготили в крайней нужде большими процентами, которые бы мало-по-малу все стяжание его на заплату токмо оных истребили; когда же сего кто себе не хочет, зачем же делает другим? Может быть мне зделают на сие два возражения: первое, мот, беззаконно издерживающей свое имение, достоин ли, чтобы семьянистой и попечительной о благе своих детей отец уменьшил свой доход даванием за малые проценты для удовольствия того мотовства.

Ответствую. Кто поставил ростовщиков судьями ближним себе, чтобы их тяжким ростом наказывать, и не более ли сходственно с человеколюбием малыми процентами продлить его состояние, дабы дать время ему одуматься, нежели своим корыстолюбием поспешить пагубу заблудшагося человека, дабы и время ему не дать к раскаянию? Второе. Купец или какой промышленник занимает деньги для получения великих прибылей, то должно ли отдающему оные, с претерпением убытка себе, токмо спомоществовать прибылям того? Я не говорю, чтобы убыток претерпеть, но чтоб более законные не хотеть прибыли. А при том кто и для торгов себе заимывает, и хотя разными обращениями получит себе и знатную прибыль, но за что с него излишки брать? Он лишнюю прибыль получает, яко возмездие за труды его, гораздо превосходящие труды ростовщиков; щитают прибыль купцов, но щитают ли тогда и труды и попечения, и самые опасности, к которым необходимо подвергаются, гораздо менее предвидимые и более неизбежные, нежели тех, которые дают в рост деньги? А к тому возможно ли себе

* В рукописи — «наказание».

не вообразить, что, давая таковым деньги з большим ростом, принуждают их дороже все вещи продавать и тягость сия не токмо на сих торговцов простирают, но и на весь народ, которой чрез сие часто и нужного лишен бывает.

Я сим и прекрачу. Что касается до естественнаго права, но воз[з]рим на политическое, а паче в разсуждении России. Великое пространство сеи империи, недовольное ее многонародие, недостаток ремесел, малое число водяных сообщений и трудность путей чрез три почти месяца, то-есть во время распутиц осенней и весенней, чинят, что деньги скоро обращаться не могут, а потому и при множестве денег в государстве всегда в них нужда настоит.

А з другой стороны служба дворян, часто весьма отдаленных от их именей, пребывание в столичных городах, въведенной нужной роскошь для торговли, но несовместной еще с нашими внутренними доходами, учиняют, что почти все дворяне служащие не токмо [не?] могут нажить себе законным образом деньги, но паче в нужду приходят. А сие иных к разврату, а иных к оставлению службы побуждают, чтобы хотя малые свои крохи собрать и в нищете детей своих не оставить.

В древние времена служили с поместей, да и то по-срочно, не выходя почти никогда из границ государства; живали просто и не токмо роскоши, но ниже и самых некоторых спокойствиеи жизни не знали; в деньгах нужды не было, а потому и росту не брали, почитая притом его вещью богопротивною.

Переменилось состояние России и переменялось, хотя с некоторою тягостию подданным, но к общей пользы империи, нужда стала занимать, многие законным образом, не удалясь от службы, а другие беззаконным образом деньги накопили, составили себе новой рост (?), прежде неведомой доход, и зачели жить в покое, с служащих процентами брать пеню за их службу и за благо государства.

Немалое время сие продолжалось, даже как изнуряющееся состояние российского дворянства, достигло до ушес императрицы Елисаветы Петровны, которая, взирая милосердным оком на вернейших своих подданных, уставила заемные банки⁸⁷ в Петербурхе и в Москзе и тогда же

под опасением лишения самых капиталов указом своим году* до того неучрежденный рост ограничила.

Я помня сие время и помня со удивлением, что года два или три самые ростовщики без ропоту последовали сему узаконению и по шести процентов брали, но вскоре корыстолюбие презрило и долг человеколюбия, и долг признания за милость монаршу, давшей знатную сумму из своих сокровищ для займу дворянем, и должное повиновение законам, паки проценты возвысили. Ныне царствующая над нами императрица Екатерина вторая, продолжая милосердые расположения милосердой дщери Петра великого, не токмо многими своими увещательными манифестами предшественницы своей узаконению утвердила, но и прибавлением знатных сумм приумножила банковые капиталы. Сиропитательный дом учредился и новой источник для заимовзимания; розданы по наместничествам деньги для раздачи в заем из приказу общественного призрения⁸⁸. Но все сии милости не соответствовали нужде народной, и ростовщики час от часу проценты возвышали. А наконец ее императорское величество учредила заемный банк в Санкт-Петербурге, для дворянства и купечества⁸⁹, давая первым по пяти процентов, а другим по четыре с половиною, с предписанием, чтобы и приватные люди более пяти процентов не брали. Не знаю, последуют ли сему спасительному повелению алчные ростовщики и не найдут ли способов, как держаса слова избегнуть от самого разума содержания сего закона.

Се есть, можно сказать, история у нас росту и разных учиненных узаконеней, дабы оной умерить, а тапера остается, любезный друг, зделать разсмотрение: первое, сходно ли сие с политическими правами государства; и второе, имело ль право правительство на собственность учредить предписание, и третье, справедливы ли будут ослушникам наказание и какие?

Каждое государство в политическом своем положении не должно взирать на того или другаго особо, но вся связь и сословие граждан составляет предмет его деяней. А из сего и следуют вопросы: 1) более ли ростовщиков, нежели бедных? 2) должно ли стараться о некоторой

* Даты опущены.

равности в разделении имений? 3) должно ли помочь тем, которые, служа отечеству, живут отдаленны от своих имений? 4) малолетные, растущая надежда государственная, заслуживают ли внимания правительства? 5) обращение денег и ком[м]ерция требует ли умеренных процентов? 6) не было ли друга способу стеснить жадность ростовщиков и не вреден ли бы он был России? и наконец 7) коль должно простираться попечение правительства о благонравии?

1) Сумнения в сем нет, что число бедных весьма превосходит число богатых, а потому правительство имеет обязанность взирать более на состояние большей части своих граждан.

2) Собранные малым числом граждан великие капиталы с ущербом бедных всегда могут возрастать и разрушить сию разность сочиняющую связь в обществах. Изнуренный бедный не может быть толико полезен отечеству, а ростовщик токмо о деньгах своих думает. Люди бедные огорчатся, не будет граждан*, но заимодавцы и должники или лутче сказать господа и рабы. А излишнее обнищание и недостаток может и такие смущения приключить, к каковым римская республика от жестокости заимодавцов подвергнута была.

3) Уважа службу усердных и служивших в отдаленных местах своих чад, государство, не могши без крайнего отягощения народа учинить им довольно достаточное состояние, то, охраняя их, разорится от излишнего росту, ничего кроме должной справедливости не делает, умеря прибыли одних и отвращая разорении других. Первые, быв теми защищены и управляемы, за безопасность свою лишаются малаго чего, а те кровию, трудами и бдением покупают хотя упоздания своего разорения. И тако равно разливаемые благости все в порядке и благосостоянии содержат государство.

4) Не взирает ростовщик ни на леты, ни на заслуги, со всех равно рост свой берет и по мере нужды требующаго оный увеличивает. Но малолетные сироты хотя благостию монаршею и снабжены законным опекунством, но и при сем, от одолжавших родителей их получа малое наследие, не подвергнуты ли совсем жадными ростовщи-

* В оригинале «граждан и граждан...».

ками быть разорены; и быв надежда государства, не удручится ли недостатком разум их в самой их младости, и государство не много ли таким удручением потеряет.

5) Во всех торговых государствах проценты есть весьма малы, а сии малые проценты подают каждому способ с прибытком торговлю производить вместо, что кто занял з большими процентами, естли мало в чем по его расположениям не исполняется, в краткое время совсем разоряется, часто государство искуснаго и трудолюбиваго купца теряет и ком[м]ерция исчезает; а к тому же многие ленивые купцы, видя возможность получать большие проценты, оставляют свой торг, ис купцов делаются ростовщиками и сами не торгуют, хотя бы капиталами своими могли великое обращение зделать, и других торгующих разоряют.

6) Но как то ни есть, однако тяжело многим кажется, чтобы управления и распоряжения по своему соизволению своею собственностью гражданина лишить, то нет ли какого способу, не ограничивая проценты, зло сие предупредить? Он есть и состоит, чтобы корона позволила голанским кампаниям уставить в России банки, ручаяса за верность заложенных именей, то смело скажу, что по четыре процента с радостию будут отдавать. Но сей способ есть вреден государству, ибо подвергнит по частям государство под власть чуждаго народа. А потому весьма справедливые имело причины правление для всех вышеписанных польз ограничить жадность ростовщиков.

7) Ростовщик не может быть благоденствен, ибо тут нет благоденствия, где нет соболезнования о ближнем, котораго тцатся большими процентами разорять; а разоренных побуждает кидаться искать без разбору всех способ, дабы от совершенные нищеты себя свободить, то первые хотя поневоле будут несколько человеколюбивее, а у вторых пресекутся причины, а потому пресечется и действие, ниже желать каким беззаконием деньги наживать.

А по всему вышеписанному, понеже корона не так тягость на подданных своих налагала, чтобы самой оной ни малой части не поднять, но употребила великие суммы, на тех же основаниях, какие подданным предписала и еще более, дабы противуречия во узаконениях не было, сложила все пошлины с крепостей, приведши их сход-

ственно с предписанным с процентом к немалому убытку своих нужных доходов; то и имела все право, какое дает божественны[й] и политически[й] и гражданский закон, учинив такое повеление, клонящееся к общей пользе государственной без дальнаго отягощения малаго число ростовщиков.

Я думаю, что естли разсмотрят самые они притчины такого узаконения, то закон божий, любовь к ближнему, верность и признание к ее императорскому величеству, уважение к гражданскому закону, воз[з]рение, что сие учреждение может полезно быть самим их детям, принудит их признаться в справедливости деяния правительства и возблагодарить бога и монархиню, что хотя с некоторою * неволю на стези священной добродетели их поставляются.

Напротив того, кто все сии должности толь естественные презрит, и рубль закону божью, признанию к государю, повиновению гражданскому закону и пользе общественной предпочтет, является мне такая тварь, которую не щадя должно наказать. Но чем? Тем, что душу его, совесть и все бытие его составляет, то-есть деньгами. И сие лишением его тако их, чтобы он яко безумный, имеющий меч, не употребил их никогда во зло.

* В оригинале «некоторую».

О НАЧАЛЕ ШВЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1788 ГОДА ⁹⁰.

В начале июля 1788 г. А их, братцы, застала нас зима в летнем платье, ни шубенки, ни шапченки, одна лишь фуфайка да рукавиченки, и то изветшалые.

Швецкой королишка давно уже как бес перед заутренней вертелся, да вдрук на нас как черт пошел; да как нам можно было поверить, чтоб сей королишка не забыл через шездесят ⁹¹ или через сорок лет ⁹² то, что мы у него столько землишек отняли, или чтоб он был недоволен, что мы отпускае[м] хлеб ему за деньги из самых тех земель, откуда он его даром брал, не слаще его ел. А то та и горя, что собака проклятая ничего та не забыл, а мы так все позабываем, не токмо прошедшее, но и настоящее. Королишка сей проклятой, узнав, что мы на турецкого проклятава ж салтана пошли и хошь всю одежишку нашу и всех людей наших туда отпустили, да они ничего не делают, как разве лотками, и то сколько бог поможет, смекнул: а! ха-ха! когда война ета и лутчие и против турков нынче черепаховым ходом ходят, а противу шведов знать оставшейся дряни раковой поход взять. Еще слава богу, что он и тово не смекнул, что мы и последних людей и корабли все, не веря памяти швецкава королишка, обманывать греков в Турцию не услали, а он уже и ранне пошел, кабы подождал враг слбака, згубил бы он нас.

Так вот вить во всяком мудреце много простоты. Так мудрено ли, что и мы ошиблись, и эн вить ета не забыл, а нам уже и не диковина и трактаты, и данное слово, и служба забывать. Что делатч? Такая дурная память и привычка.

Да нет, хошь враспloch на нас напал, да мы не поддадимся. Полки у нас здесь есть, числом и с нулем: хошь в них людей и нет, да имена есть, а того довольно: ты-

сечи за две или за три верст и хлеб и все привезут вмиг; верные подданные отнимут у малолетних детей отца, у мужа жену, у старого отца сына, друг пере[д] другом рвавши будут людей давать, хош сим рекруцким набором, в июле набираемым, которой однако так называть не должно, не мало хлеба, что и бог родил, пропадает, да ета ништо. И они может быть надеются, что им зачтут; да, зачтут через двадцать лет, а дворяне бедные будут, а государевы крестьяне не давая ничего богатея будут; вишь подлинно всякой помещик своего бережет, да к тому же без разбору взяв кто на кобак взошел или кто подрался, хотя его и нарочно полицейской солдат толкнул, чтобы он огрызнулся, у ково прасрочился паспорт, хотя и весьма отдален от жилища своего, хотя может быть на почте пропал, хотя может быть и судья без взятку не дает, но вся ета безделица. Вишь надо, чтобы и полицейские офицеры, и судьи жили, неужели ли им сухой хлеб есть? Они вишь все благородные, а хто и не благо родился, так мы их ублагородили. А по званию их, как многие из них есть такие дворяни, что черт имя переменял; так и должно, чтобы они мирскою кровию жили. Еще есть у нас немалая помочь: церквей много, детей поповских еще больше, из тех мы многие церкви разрим, а от протчих лишних обираем. Правда, что много из них малых и старых, да что же делать; малой выростет, а старой хошь и умрет, так унавозит финлянскую землю, вишь должно печися, чтобы и она была плодоносна.

Так нет, швецкой королишка, сверх меры ты своей заиграл! Вот тотчас готово сто тысяч войска; они не пройдут, но перебегут многие тысячи верст, где нет для них ни провианта, ни запаса, но рус[с]кие и голодные ходят, и ето последнее дело, чтобы о хлебе думать; да и как думать о том большиим людям, о чем токмо надобно крестьянину размышлять. Правда, что приведут их в серых кавтанах, неумеющих еще обутца, ружья не выдавших, а пороху не знающих; но все ета безделица, в сером кавтане дратца человек может, а стрелять поневоле научится; каво бьют, тот обороняется, а в случае хотя и царев закричат; ибо нет нужды в других фигурах, что строем называют, лишь бы дрались. Правда, что нет для них ружей, да безделица, здесь лесу много, мы им дубины раздадим, а ружей велим наделать.

А поетому не видно ли, что даром, что нас враспloch застали, мы на все готовы, и вить славней нам, враспloch застанным; неприятеля побить, нежели годы приготавливавшись.

Однако и у нас не без дураков. Такие та говорят: чтоб лутче взять по половине солдат из приказных наместничеств, взрослых и неприлежных к мастерствам из сиропитательного дому, отпущенных на волю, которые проискама не служа чины получили, старинных защитников, которых сказывают много по городам, детей Петром первым поселенных солдат в Казанской губернии, которых там недоросками называют; употребить по 500 рублей взимаемых денег с купцов за рекруты, которые мы берем, а крестьяне рекрут станоят, для умножения главного ремесла, то есть, земледелие в государстве для нанятья чюжестранных.

Дураки, разсудите сами: можно ли хотя в черте рушить учреждение, пус[ть] государство пропадет, да лишь бы наместничества нам до падения его были: вить мы знаем, что они и без шведов шведами делаются и народ разоряют. Да эта нет ничего! Слава учредителю в том не терпит. А ежели что нарушить, слава претерпит. Взять выблетков еще глупей, как возможно, сыновеи таких честных матерей в трудную солдацкую должность употребить желательно, чтобы их еще гораздо более в государстве было и чтобы род сих добродетельных матерей до бесконечности размножился. Из отпущенных на волю и воровством и шильничеством получивших чины; не ясно ли сие показывает, что лишь дураки ета могут говорить; вишь дураки умных не любят. Сии воры, а потому они умны, то как государству покучиться лишиться стольких умных людей; а при том они в службе по большей части у больших бояр, то как их отнять у них; пус[ть] бы в том и прибыль была; да вить большие бояре давно освобождены служить и пользу делать отечеству, а служат лишь себе, чтоб за ета и деньги получить. Взять старинных защитников, да где они и кто их сыщет? Сенат не знает, потому что и ревизских книг из наместничеств последней ревизии к нему не прислано; да сената же и не послушают, ежели генерал-прокурор от себя не отпишет. Наместникам ли приказать? да когда им етих мудрено именных людей сыскивать: вить они упражнены

собирать якобы самовольно деньги со дворян, играть комедии, давать балы, маскарады и столы; вить на то и деньги получают, то как их от важного отнять да к безделице приставить? Черт их знает, какие недороски, и кажется бредят: таких людей и в государстве нет, а ежели и есть, так ведал их Миллер⁹³, он умер, записки пропали, так и сыскать не по чем. О бранных по 500 рублей с купцов черт ли уж и говорить! Они взяты, за купцов крестьяне рекрут поставили, деньги издержаны, рекруты померли, нам прибыль денежная, в людях убыток, но нам вить деньги нужней, нежели крестьяне. Посмотрите, скольких молотцов мы обогатили, а к чему бы крестьяне были годны?

Так по всему расположению и лутчие возможные взяты, и все, что вы ни говорите, есть бред, и велеть вас в безумной дом посадить, а у нас все учреждено как...

(На этом рукопись обрывается.)

«РАЗСМОТРЕНИЕ О ВОПРОСЕ — МОГУТ ЛИ ДВОРЯНЕ ЗАПИСЫВАТЬСЯ В КУПЦЫ»⁹⁴.

Сей есть предложенный вопрос, на который требовалось заключение от московского губер[н]скаго прокурора г. Колычева сего 1790 г. в июле месяце.

Я не читал учиненнаго им заключения, но заподлинно осмелюся сказать, что оно дурно. Ибо, не касаясь до его благоразсуждения, которое охотно хочю все возможное ему приписать, должность его не позволяла ему сие заключение соделать так, как надлежит. Он должен был оные соделать на основании законов, а оно должно: 1) восходить к политическому составу государства, 2) ко внутренней и внешней торговле, 3) к прежде бывшим и настоящим законам и 4) ко злоупотреблениям, вкрадшимся в государство. Ибо не дикий народ здесь должно образовывать, но тот, который имеет государя, дворянство, купечество, торговлю и правление.

Пользуясь моею праздностию, или лутче сказать, побужден любовью к отечеству, предприял я мысли мои предать бумаги, дабы хотя бы по смерти моей при благополучнейших временах видимо было, что верный сын отечества, добрый гражданин и утесненнаго первого правительства государства член⁹⁵ о сей причине размышлял.

Понеже сей вопрос есть наиболее политический, то первое соображение о нем и должно быть относительно к роду правления государства. Россия есть монаршическая держава, а сие самое и ведет рассмотреть, что есть единовластитель или царь.

Нераздельны есть страсти, а следственно и безумии с естеством человеческим; когда первые общества сочинялись разные страсти, разные своемыслия, разные пользы увлекали, естли не каждую особу, то по крайней мере каждую семью в разные стороны. От сего прои-

зошли несогласия, обиды, наглости и ослабление общества, подвергающее его быть корыстию какого наглаго неприятеля. Общие беспокойствия и нещастиею, угрожающие всем, сплотили людей избрать единого из себя; коему общую власть препоручили, которой бы был согласитель мыслей полезных общества, содетель всеобщие воли клонящейся к благу всех и защитник его противу врагов. Уступил каждый ему несколько своих прав, возложив зато на него труд и попечение им остальные сохранить. Се есть начало царей и их должности, ибо естественно есть думать, чтобы человеческие естества, одаренные естественной свободою, хотели без нужды и непредвидимой себе пользы свободу свою уступить.

Простота время и добродетель первых избранных царей были первые охранители их от впадения в пороки и от злоупотребления власти, хотя где и никаких с ними условий о сем учинено не было. Но вскоре сие счастливое состояние миновалось; манархи учинились завоеватели, по наследству дети их, воспитанные в величестве, доходя до престола, стали почитать себя не гласителями воли всеобщей, не слугами общества и не для блага его избранными; но что напротиву того народ есть для них. Услуги оного должны ли для исполнения их желаней, кровь онаго для удовольствия их любочестия и имения их для удовлетворения их пышности и роскошу.

И из избранных монархов отцов отечества соделались самовластители, подвергшие своей власти все законы и благо народное. И таковы есть самодержцы российские.

Колико они воинами ни суть окружены, колико укреплены пред другими, колико обращая якобы веру к подкреплению своего сана и мнение народное, почитающее их яко превыше человеческого естества, не могли они не представить себе, что оруженосцы, окружающие их, суть или так же граждане, или не суть довольно многочисленны, дабы зависти или и озлоблению народному сопротивляться. Почли разделение чинов в государстве, яко вернейшей способ отвратить какое соединение, противу власти их соделанное, ибо кем строптивым рассеяние зломыслия и козней, ибо несоединенные сословия труднея соединить в одни мысли, нежелъ то сословие, которое все одно без всякой отличности единое все составляет.

Итакo прежде избранные воины учинилиса отличны от других граждан, даны им были почетные и прибыльные награждения, яко во всех готического сословия народах земли в поместья с предписанием некоторых отличных прав и преимуществ. Оные продолжены были народы их по наследию, дабы показать, что не единый престол наследствен есть и наследствием тех наследство престолу утвердить. Обольщены они были чинами щедродаровитостью царскою и разделены от протчих граждан, а тем самым непосредственно стали привязаны к короне, яко к источнику их блаженства.

По всему сему ясно есть, что такой отменный от других чин в государстве, которых мы дворяне и благородные называем, есть необходимо нужен для силы и безопасности государя; ибо сие все сословие, отделенное * от других состояней народа, учиняет подкрепление его престола и власти. Однако, весьма отдален я мнить, чтобы единое самохотение или, лутче сказать, злоупотребление власти монаршей было его началом и причиною сохранения. Но к вышеписаному примешались и другие необходимые потребности: размножившаяся семья государева, давание сперва знатных уделов, потом в простые поместья их владения, а особы их в подданных, токмо отличных своим происхождением, переменились; оказанные разные услуги отечеству храбростию ли или добрым управлением дел понудили государя не токмо самих их, но и потомство их некоторыми титулами и преимуществами пред другими отличить, не токмо сим побуждая самих их, но и все их потомство стараться быть достойными называться потомками изяшных тех мужей, которые первые таковые награждения получили. Таковые, яко воспитанные, можно сказать, на лоне искусных людей в правительстве или в войне, с млеком матери их съсавшие познания нужд государственных, стали употреблять предпочтительно пред другими в разные важные должности. Имена их, почтенные народом, были сильною преградою коснуться к ним великим пороком и привлекают им уважение и власть над другими, которая ни к чему другому ими не употребляется, как к поддержанию престола, единой главней подпоры и их благосостояния, ибо по всем

* В оригинале «отделенное» написано дважды.

сим причинам сословие дворянское есть необходимо нужно монарху.

Но каково и каких расположеней мыслей должно быть сие сословие? Хотя выше я упомянул, что дворянство должно быть снабжено некими преимуществами и правами, но не разумел я такими, которые бы обращались в тягость народную, или такими, которые бы всю власть и могущество по единому рождению оному препоручали; ибо рождение есть случай, открывающей путь воспользоваться выгодами, а не право без достоинства или военачальниками, или правителями государства быть. Потребны к тому знанию, просвещение и добродетели, яко единый достойный почтения писатель сказал: «Единый из древних сказал, что тот, который повелевает всем, должен быть мудрея всех*. Преобретаемые испытанием просвещения дают необходимую власть над простыми людьми; сие превышение, основанное на полезности, преподает, почти, так сказать, искуснейшим и добродетельнейшим гражданам право направлять других, которые меньше познаней имеют». А таковые конечно и должны быть дворяне, с юности устремившие все свои мысли к пользе государственной.

Не должны они смешаны быть з другими чинами: ибо, быв посредники между нискаго народа и государя, не должны быть и соучастники с niskим народом, не должны они с ними единую шайку составлять, дабы тем единственно к престолу быть привязанным; должны они быть любочестны и не обогащены до крайности, дабы любочестие их, соединенное с желанием соделать и свое благосостояние, погоняло их презирать смерть, раны и труды для службы государства и государя.

Таково должно быть дворянство в монаршическом самодержавном правлении.

II**. Торговля обогащает государство, ана способствует избыть излишние свои произведения и получить нужные чужестранные. Она чинит обращение монеты, оживляет трудолюбие, побуждает искусства, ремеслы и торговлю. Древние военные народы, которые привели в разорение Римскую империю, сперва торговлю призерали, но как

* Подчеркнуто в оригинале.

** Пункт I у Щербатова не отмечен.

скоро их состояние стало установлено, так скоро и они по естественной нужде к оной стали прилежать и стараться о распространении ее. И подлинно не токмо, чтобы сие упражнение было безчестно; единый разумный писатель⁹⁶ дает ему преимущество и пред самыми дворянскими упражнениями. Ибо воин, хотя с опасностью живота своего сражается, но не всегда есть в войне, а купец всегда действует. Министр или судья хотя многие пользы государству и народу учиняют, но и купец, покупая товары, задавая задатки, ободряет земледелие, трудолюбие и обращение денег; и сидя в своей канторе, посылая приказания в наинотдаленнейшие страны, сообщает разные племена народов и обогащает отечество свое и часто более соделывает пользы, нежели каковая приобретается кроволитною войною или долгими и трудными министерскими деяниями. Примеры нам сему подают Гол[л]андия и Англия. Без пространнаго их торгу могла ли бы первая избавиться от жестокаго ига гишпанцов⁹⁷ и могла ли бы вторая толико усилиться в Европе, содержать толь долговременные и кроволитные войны и почти всегда с выгодою себе?

Сии та действия торговли надлежит внушить и впечатлеть в сердца наших купцов, учинить им почюствовать, что торговля есть не ниское упражнение, лише бы они прямым путем в оную стремились, не считая подряды казенные и откупы, всегда с обманом производимые, яко единый способ к обогащению себе; и что из богатых купцов пожалованной в штап-офицеры, не учиня никаких заслуг и не видав не только неприятеля, но и полку, есть презрительнея самага простаго разнощика, ибо сей хотя разношением товаров спомоществует пользе народной, а купившей чин купец, оставя полезное упражнение своих предков и вступя в дворянское звание без заслуг и не стараясь его заслужить, становится бесполезнейшая тварь обществу. Множество ныне таких, но первый мне на ум впадает Птицын. Отец его был хотя несовестной купец, однако производил великий торг, а самым тем был полезен государству, оставя по смерти своей более полумил[л]иона капиталу сыну своему. Сей испросил, или как уповательнея, купя себе штапской чин, оставил свое купечество, но не стал ни дворянин, ни офицер, как токмо к безчестию имен сих, и есть по-

тому гнуснейшая и подлейшая тварь, каковая может быть в обществе.

Положение о пользе купечества и краткое начертание о наших купцах ведет меня ко изъяснению состояния купечества в России.

У нас, можно сказать, внешней торговли нет чрез собственных наших купцов, ибо не один * канторы в чюжих краях не имеет, кораблей туда своих не отправляют и следственно не посылают туда и российских произведеней товаров от себя; но довольствуются тем, что чрез чюжестранные канторы выписывается оных туда или продается на биржи; а много чюжестранные делают и подрядов, задавая знатные суммы вперед. Конечно, естли бы нашли мы способы учредить канторы в чюжих странах, товары бы наши продавалися гораздо дороже, но и чюжестранные бы у нас так же бы вздорожали, ибо, не быв привезены на мену, уже бы чюжестранные не считали прибыли, которые могут на меновные товары получить; а к тому в государстве, где дубовые леса выводятся и на самое строение военных кораблей, где не люди землю, но земля людей пространством своим преодолевает, ибо народу мы довольно не имеем, где нет ни искусных матросов, ни лоцманов вольных, где нет и училищ, дабы с молодости желающих упражняться в мореходстве людей учить,—едва ли и полезна была таковая торговля, могущая потерять множество людей и потоплением и побегам в чюжих краях, влекущая с собою многие убытки, яко провоз товаров, содержание кантор, наем амбаров, пролежку товаров и прочее. Равным образом мало есть таких, которые выписывают товары чюжестранные прямо на свое имя, но обыкновенно чрез чюжестранные учрежденные канторы, платя двойную комиссию; а которые выписывают и на свое имя, то сие не с тем, чтобы в замену послать свои товары, но на чистые деньги, а самым сим одинакой токмо барыш получают; другие же, и таковых большая часть, берут товары в долг у чюжестранных купцов и по мере продажи их выплачивают за них деньги, платя проценты давшему товары.

Понеже выше предложенные обстоятельства нам пре-

* Разумеется купец.

пятствуют посылать на собственных своих судах товары наших произведеней в чюжие края, то пока земледелие и наблюдение за лесами учинит нас в состоянии строить купеческие корабли дубовые, пока довольно мы будем иметь народа, чтобы могли для лутчей выгоды торговли употреблять своих матросов; пока заведутся у нас училищи, чтобы шкиперы наши хотя первые основании науки мореплавания имели; пока сыщутся удобные случаи, чтобы торгующие народы засклонены были обстоятельствами в мореходном торгу нам участие дать; пока кредит и добрая вера купцов наших учинит, что чюжестранные купцы будут веру к нашим купцам иметь и не будут ежедневно страшиться иметь с ними торг, дабы они, набрав товары и обанкротися нарочно, и их в разорение не превели, — будем мы довольствоваться сим нашим береговым при бирже торгом, которой называют (passive), а престаним побуждать и давать тшетные привилегии для торгу (actif) деятельнаго и отложим желание и даваемые выгоды для мореплавателей купцов, не приготова ни лесу на стробня кораблей, ни кораблей, ни матрозов, ни кормшиков и не науча купцов торговать, и все сие еще при сопротивлении других искусных в торговле торогующих народов. Сократимся мы желать, чтобы наши купцы не брали больших задатков на подряжаемые ими российскийские произращения и прочее привозимое к портам, дабы чрез сие считаемые проценты и проценты на проценты в пользу российской торговли обратились, чтобы за выписываемые товары платили другими своими товарами и тако бы могли сугубую прибыль получать, чтобы привозимые товары не брали в долги и не учинялись бы сидельцами чюжестранных купцов, отдавая большую часть борыша оным за проценты; чтобы обращающей торг в народе предпочитали подрядам для короны и откупам, чтобы не токмо законами были наказаны за банкротство плутовское, но и самым бы омерзением народа и безвозвратным потеряннем кредита; и наконец, чтобы любили свое состояние, не тшаса, не чтяса почитать его мимо ходящим для переменения в другое, к которому ни воспитанием, ни искус[с]твом не приготовлены, да никогда должностей его и познати не хотят; а токмо выходом своим из купцов великое число денех из суммы торговли вы-

нимают, что чувствительным образом приключает ущерб оной.

Говоря довольно о внешнем торге, если можно его так назвать, должно воз[з]реть на внутренней гуртовой и мелочной торг, без котораго и внешнего быть не может. Я начну сие рассмотрение с самого мелочного торгу. Все почти, которые в оном упражняются, есть люди небогатие, покупают все свои товары не из первых рук, но от богатых купцов, которые окроме, что берут великие борыши, и самими процентами их отягощают. Тшетно они имеют некоторые права для побуждения своей торговли, яко лавки, но и сие им не пользует, ибо множество торгующих крестьян под именем купцов в оных торгуют и, не неся купеческих тягостей, также жив[ут] хуже купцов, дешевле могут товары продавать, а самым сим и подрывают других купцов. Во время бытности моей в комиссии о ком[м]ерции не одинажды было предложено, дабы каким не есть узаконением зло сие прекратить, но по довольном рассмотрении положенных великих капиталов крестьянами в торг, нашлоса сие не удобно, яко могущее оные капиталы из обращения вынуть и погresti в землю; рассуждаемо тогда же было, что и самое сие зло имеет некоторую пользу, ибо и купцы, дающие им свои имена для торгу, получают с них довольно плату, убо сие подкрепляет самое благосостояние купцов. А потому и оставалось ожидать от времени, от хороших узаконеней и от просвещения, чтобы купечество пришло в довольный достаток, чтобы не иметь нужды давать свои имена для торгу крестьянем, и могли бы иметь довольно число людей из купцов, дабы не имели нужды нанимать приказчиков из крестьян, без чего и не можно пресечь сие злоупотребление.

Приступаю таперя говорить о богатых или первостепенных купцах. Сии окроме внешнего торгу, о котором я выше помянул, имеют многие внутренней, который в самом деле почти один гуртовой для нутри государства состоит, то-есть торг хлебной, и имеют фабрики, с которых выработанные вещи продают; но главней их промысел состоит в подрядах для казны и в винных откупах.

Оставля хлебный торг яко полезный и фабрики поелику они людей не отнимают от земледелия, иже

есть полезнейшей труд для государства, скажу я нечто о подрядах казенных и откупах. О первых я смело могу сказать, что в казенных подрядах купцы или половину излишнего берут или толь дурные вещи станоят, что половинной цены не стоят. В первом можно себя уверить по справочным ценам и по книгам дворянским и купеческим, почему какие когда товары по вольною продажею продавались, а во втором шлюсь на всех полковников, получали ли когда они на полки их из здоровых и плотных ревендуков соделанные полатки, хорошую холстину на рубахи, крепкие сапоги, башмаки и прочее; а сие и доказывает, что все сии подряды идут токмо для тягости короны, обременения подданных и прибытку купцам и приемщикам. И между прочим сие доказуется и тем, что как скоро получил милость и кредит какой подрядчик, так скоро видим его в малое число лет разбогатевшего, до чего бы он приватными подрядами дойти не мог, убо есть тут злоупотребление.

Что же касается до откупщиков, то самые правила сего промысла несть иное, как притеснение и воровство. Продажу пива никогда они полную не показывают, вино портят водою, берут припенные деньги и делают обмеры; и зло сие толь вкоренилось, что едва ли и можно его истребить.

А по сему и ясно видно, что таковые промыслы не составляют полезных государству купцов, но мошенников, которые часто в воздаяние за наилучшее свое мошенничество и воровство получают чины офицерские и дворянство, именованіе к чести, чрез бесчестность приобретенное.

Но пус[т]ь бы и имели мы таких купцов, каковые зрятся в Англии и Гол[л]андии; пус[т]ь бы внешним торгом обратили источники богатства течи в государства; заслуги их отечеству были бы велики, но сии заслуги и расположении мыслей при учинении их суть весьма отличные, каковые требуются от дворянина; и оо купец, и честно и полезно торговавший, должен всегда себе иметь в предмет богатство яко орудие, соделовающее его удобным к учинению пользы, дворянин же должен иметь себе в предмет честь и службу. Купец, естли будет иметь дворянские мысли, устремится в такие предприятия, от коих не прибыль, но славу и честь себе будет ожидать; получит ли оное или нет, неизвестно, но упустит свои торги и,

разоряса сам, приключит разорение и другим, и учинится неудобен впредь пользу государству соделать, а дворянин с купеческими мыслями везде будет разшитать прибыток. В роте или в полку будет выгадывать, как бы что из определенного на роту или полк в свою пользу обратить. В войне он будет грабитель, предпочитая часто грабительство продолжению успеху, а в судьях здоимец.

Я инако как вредною заразою сие назвать не могу, что почти все купцы захотели нынче преобретать себе чины и дворянство. Они все, хотя немного достаток их подает им к сему надежду не старанием научить, не старанием вкоренить в сердце свое приличное дворянину славолубие, не старанием изучиться — стремятся похужи быть на дворян. Да сего им и не надобно, ибо сии все вещи без денег их не доведут до их предмету, да притом никогда они и не хотят должности дворянские исполнять, а токмо иметь право и носить имя, и соделаться, елико можно, бесполезными тварьми. Почему же они хотят на дворян похужими учиниться? Роскошью. Строят великолепные дома, богато их украшают, жены их украшены бриллиантами и другими богатыми вещми, способствуют умножать сластолюбие и делать упадок курса. Дорогие вина, богатые столы, бегуны, кореты и прочее их часто изнуряет прежде, нежели они достигнут до дворянского чину и великолепные их дома по разорении их токмо яко памятники их безумия останутся для свидетельства потомству.

III. Что касается до законов наших прежних о сей причине, то можно сказать, что они весьма противуречительны не для того, чтобы правительство не имело надлежащей мудрости в сочинении их; но часто воз[з]рение на часть вещей чинило по представляющимся видам разные узаконения чинить. И сие не одна Россия представляет, ежели мы воз[з]рим и на другие страны, повсюду иногда торговля бесчестною для дворян почиталась, иногда государи к ней дворянство побуждали, как многажды о сем примечает аббат Куае в сочинениях своих «торгующего дворянства». Но мало нам настает нужды знать, как по разным временам противуречили законы о сей причине, а дело состоит, что гласят наши узаконения. Я нарочно употреблю токмо те, которые москов-

ским губер[н]ским прокурором в его заключении были упомянуты, с приложением малаго числа известных мне законов и правил. И сие я разделю на три части: первая будет вмещать те законы, которые не дают права дворянам записываться в купцы, вторая, которые законы сие позволяют, а третья, которые дозволяют дворянству иметь некоторые промыслы, плоды тшания и трудолюбия, не вмещая его в число купцов.

(а) Я начинаю первое показанием правил законодательства, означенных в Наказе комиссии уложения, почерпнутых изо всего того, что есть премудрея для постановления лутчего законодательства, о чем однако ко удивлению моему господин московский прокурор умолчал. И тако разсуждая о разных правлениях, сказана, что в монаршическом правлении честолюбие должно составлять карактер народной, что не должно смешивать состоянии людей, что дворянство есть наименование к чести, что полезно есть иногда давать чины дворянские и купцам, отличившим себя великою торговлею. А по сем: древние наши обычаи верстать всех дворян для военные службы поместными окладами и в десятинных книгах, их писать, с означением, кто ⁹⁸ с коликим числом людей и с каким оружием должен быть готов ко брани. Уложение, глава XVII, § 37*; когда некоторые и неприродные дворяне, пользуяса разными возмущениями или послаблениями законов, купили себе поместии, тех велено верстать з городом; глава XX, § 3, которые дворяне от бывших неустройств в государстве или по каким другим причинам пришедши в бедность пошли [к] кому в холопство и восхотят от оного свободиться, тех велено верстать в городовую службу; но нигде не упомянуто, чтобы они могли и состояние купеческое избирать. *«Регламент главного магистрата»*, глава четвертая**, сказано ⁹⁹: «И понеже его царское величество вышеупомянутым собственноручным своим указом повелел, дабы все российское купечество, яко разсыпанную храмину паки собрать, того ради в главном магистрате прилагать свое старание, дабы всех тех купеческих и ремесленных людей, которые, не похотя с посадскими

* В оригинале цитация не дана.

** Подчеркнуто у Щербатова.

служить и податей платить, вышли из слобод какими-нибудь образы и подлоги в разные чины и во крестьянство и в закладчики якобы за долги отданы, из тех мест собрать и написать в те ж слободы и в тягло, из которых они отбыли, по прежнему, кроме тех, которые ооретаются действительно в его царского величества в военной и гражданской службах, безподложно». Убо и вышедшим ис купцов и находящихся в военной и гражданской службе возвращать в купцы не велено. Указом ее императорского величества, февраля от 13-го числа 1790 года, прописанным в указе правительствующаго сената февраля 25-го числа, сказано¹⁰⁰: «разсматривая* доклад, поданный нам от сената о купцах, получивших штап и обер-офицерские чины, мы находим нужным предписать, что те из купечества, кои получили чины на основании указа нашего, в 18 день ноября 1766¹⁰¹ года последовавшего, и состоя поныне в гильдиях, платят с капиталов своих узаконенные проценты, должны пользоваться всеми преимуществами, гражданскому обществу изданным от нас «Городовым Положением» предоставленными, и следственно могут быть безпрепятственно допускаемы в казенные подряды и откупы; что же принадлежит до достигших из купечества по порядку службы воинской или гражданской до чинов обер-офицерских, оные должны остаться при тех правах и преимуществах, которые таковым дослужившимся присвоены по указам деда нашего государя императора Петра великаго, и от нас грамотою, дворянству пожалованною в 21-й день апреля 1725 года, подтверждены»¹⁰².

(в) Законы, дозволяющие купечество дворянем, суть следующие: грамота о дворянстве¹⁰³ § 31: «буде кто благородный желает пользоваться городовым правом, да повинуется оному». Сию статью я внес не для того, чтобы разумел яко бы позволено было через сие дворянем писаться в купцы, но как некоторые думают ее к сему разуму привести, дабы доказать, что она не более разумет как токмо, что таковые, которые желают иметь в городе дома, лавки, фабрики и прочие выгоды, а не

* Цитаты Щербатова нами исправлены по полному собранию законов.

купеческой торг должны, разделяя выгоды городские, и повиноваться установленным правам для городов, кто бы какого звания не был. Городового положения¹⁰⁴ § 78 — в сей статье мне кажется, что токмо два разделения могут касаться до дворянства. 12. В доказательствах о гражданстве: «имел или имеет дом, или иное строение, или место, или землю, им построено, или и вследствие, или куплено, или в приданые получено» и § 25: «купчие, закладные и тому подобные доказательства городового имения». Но и сие токмо идет к показанию права гражданства, а не к праву вступать в купечество. § 92: «Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше тысячи рублей [до пятидесяти тысяч рублей] записаться в гильдии».

(г) Точные права дворянства для торгу, но торгу такого, который клонится к распространению земледелия и ремесл. Ибо не можно быть земледелию без продажи произведенной, и как в России дворяне по владению их деревнями более имеют удобства заводить разные рукоделия, то и оные без продажи соделанных вещей производиться не могут. И тако положения сии на сем основании учинены и для пользы токмо общей позволены, с надлежащими ограничениями, следующими положениями в грамоте о дворянстве; § 27. «Благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится»; § 28. «Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням»; § 30. «Благородным подтверждается право иметь, или строить, или покупать дома в городах и в оных иметь рукоделия»; § 32. «Благородным дозволяется оптом продавать или из указных гаваней за моря отпускать товар, какой у кого родится или на основании законов выделан будет; ибо им не запрещается иметь или заводить фабрики, рукоделия и всякие заводы»; § 33¹⁰⁵. «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782¹⁰⁶ года, не только на поверхности земли, каждому из них принадлежащей, но и в недрах земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные

минералы и произрастания, и на все из того делаемые металлы, в полной силе и разуме, как в том указе изъяснено».

Заключение.

По учинении предшествующих размышлений и по привидении существующих законов требуется таперя, чтобы я осмелился мои заключения предложить. Я, оное учиняя, за нужное почитаю на следующие статьи разделить: 1) Совместно ли есть с самодержавным правлением, чтобы могло дворянство, сохраняя свои права, купно и купцами быть? 2) Совместно ли сие с военною и гражданскою службою и есть ли у нас довольно дворянства, чтобы все сии места занимать? 3) Какой может быть предмет такого сугубаго права, польза ли торговли и ее разпространение? Умножение ли удобных людей для морской службы? и наконец благоденствие ли бедному дворянству? 4) Не учинили ли сие подрыву и разорения купечеству и ущерб казенным доходам? 5) Не повредит ли сие нравы дворянские? 6) До какой степени удобно позволить дворянству торг и промыслы производить?

1) Усердный к отечеству своему французский писатель, в сочинении своем «военное дворянство»¹⁰⁷ говорит: «В монархии сия неравность не токмо вредна, но есть нужна ее сохранению. А напротиву того, государство так скоро начинает колебаться, как скоро чины и степени престанут единых от других различать, смешаются и естественно единые других пожрут. Степени в монархии различаются в три главные: духовенство, дворянство и мещанство; каждая их сих степеней еще разделяется на многие другие части, яко первый и второй чин священства, первая и вторая степень дворянства, мещанство и народ». И далее: «Опасно есть для него, чтоб нижние граждане возвысились в высокие степени чин[?] как и вредно, чтобы вышние степени уподлились и снизошли в нижние; состояния не менее смещены будут, и государство приблизится к падению своему. А по сем еще общая равность между граждан необходимо разрушает монархию». В самом деле, если мы внимним в самое естество вещей, каждый человек есть любитель не подданства. Воспитание, законы, привычка, получаемая им польза от покорения властям чинят ему без

ропота сносить подданство. Когда же воспитание будет ему влагать мысли, что и первый вельможа не унижается, прирав именованье купца, когда законы ему будут позволять принимать такое звание и промысел, когда привякнет он не разделять состояней и когда будет надеяться более физической пользы получить в купечестве, нежели подзвергая себя к смерти или к посылки в нездоровые климаты, где без призрения в болезни смерть должен претерпеть, то может ли вышний иметь дух повеления к нижним и нижний дух повиновения к вышнему, видя его всегда готова быть равным ему. Убо нужное подчинение и почтение к степеням и чинам разрушится и те же самые мысли неподданства дерско достигнут и до монаршии особы. Каждому наиблаготельнейшему монарху потребно есть быть окружену такими людьми, которые малые токмо милости получают и во ожидании больших суть и должны быть привязаны к нему, а побужденны сею надеждою с великим излишеством по размеру его милостей ему служат. Но естли дворянство, приобша к себе купечество и находя в нем более пользы для своего благосостояния, то будет ли оно питать себя надеждою отдаленных милостей, когда богатство и благосостояние ево собственно от его трудолюбия зависеть может, убо государь лишится верных слуг, воспитанных в тех правилах, чтобы жизнь свою за монарха полагать. История всех времен нам представляет, что всегда наипространнейшую торговлю производили те народы, которые имели республиканское правление. Тир и Сидон были республики, равно как и Карфагена, так же и в новых народах: Венеция, Генуи, Голандия суть республики, Англия хотя и монархия, но толь ограниченная законами, что более можно ее причесть в число республик, нежели монархей¹⁰⁸. Да и в самом деле: торговля есть такой промысел, который никакого утеснения не требует, малое стеснение противну торговцу кажется; он, быв известен или по собственным своим путешествиям, или по делам своим торговым о вольности республик, всегда желает подобную вольность иметь и тако внутренне стоновится неприятель самодержавству. А может иметь силу, ибо дела его, быв со многими другими неразрывно связаны, общие прибыточные пользы заставляють их быть одних мыслей; от сего

в прозбах и происходит более соединения от купцов, нежели от дворян, и за недостатком другой силы нередко они силу денежную в подкрепление их пользы употребляют. Что же будет, если к сему и дворянство присоединится и силою оружия прозбы купеческие подкрепит? Таковых расположеней мыслей купецких, хотя по несмысленности своей, если их спросить, они и сами причины их не знали, мы видели примеры в бывшей комиссии уложения¹⁰⁹. Тогда как дворяне единое просили сохранить свое имя, единое, чтобы недостойные и по проискам произведенные в знаменитое их общество, не мешались без особенной воли монаршей; купцы приносили великие жалобы, недовольными себя являли всеми преимуществами и явное оказывали желание все захватить, не взирая ни на пользу государства, ни на власть монаршу. При таких их прозбах мне случилось слышать размышление ее имп[ераторского] вел[ичества], которая сказала: *«купцы привыкли за все товары, продаваемые ими, излишнее просить, то по сей привычке и в сочинении уложения излишних прав просят»* *.

2) Взирая на пространство Российские империи, на дальние границы от среды государства, на частые войны, возможно ли себе представить, чтобы дворянин, имеющей торги, долженствующий беспрестанно бдеть о своих делах, содержать кор[р]еспонденцию, посылать или платить вексели, и получая от сего знатный прибыль, восхотел лишиться всех выгод торговли, оставя свои коммерческие дела по надежде неподлинного блага, подвергнут себя к действительному разорению. Не меньше торговля воспрепятствует и гражданской службе, ибо те же причины отдаления настоят в рассуждении пространства Российские империи. Да и хотя бы и сего не было, может ли два дела, долженствующие занимать всего человека, вдруг единым быть исполняемы? Довольно известно всем, что торговля, если ее с пользою себе и государству производить, требует ежечаснаго попечения; но и самое правосудие, утверждающее благосостояние подданных, меньше ли требует заботы? Если кто любитель своей должности, не занимает ли его каждое дело, не должно ли оно чинить ему и в самое ночное

* В оригинале подчеркнуто Щербатовым

время размышление о всем том, что судья соделал и приказал в день, не оскорбил ли кого напрасно, точно ли понял и приложил законы, не обманут ли докладом секретарей. Собственное мое испытание доказало мне, коль много должен иметь судья попеченей, который любит законы и наблюдает свою совесть, ни останется ли время помышлять, где какие товары удобней купить, куды их прибыльней отпустить, какую можно выгоду иметь на курсе и прочее. Или, помышляя о сем, останется ли время помышлять, исполнил ли во всех своих приказаниях должность справедливаго судьи, и не лишил ли чести или имения кого из подданных, или одним словом во всей ли точности соблюл священный врученный ему залог правосудия? Но может быть некоторые мне скажут, что сие способствует благосостоянию дворян, а к тому просвещением своим они послужат к распространению толь нужной для России торговли; и что для сего лише бы сие не безчестило их знание, они могут, оставя все прочие должности, прилепиться к сей и полезность государству составлять. Но по самым сим предложениям надлежит рассмотреть, толь ли многочисленно дворянство в России, чтобы, представя ему другое состояние лестное, яко соделавающее его благосостояние, возможно было без вреда государства отвлечи его от главной должности, то-есть военной и штатской службы. Взгляним мы на наше военное состояние: почти все полки наполнены произшедшими из датошных рекрут, из вольно записавшихся и других разночинцов офицерами*, которые не токмо чтоб имели знание о тактики, но ниже понятие и о имени ее не имеют, а однако и в довольно знатные чины достигают. Учинился от сего в неисполнении за невозможностью** указ Петра великого...*** года, чтобы офицера не производить, естли он по крайней мере первых основаней геометрии не знает, но сии едва ли знают и имя сие. Таковое состояние кор-

* В оригинале «офицеров».

** В оригинале второй раз «в неисполнении».

*** Здесь в тексте пропуск для вписания года издания петровского указа. В полном собрании законов не удалось найти специального указа такого содержания, но рассылка учителей в провинцию для обучения дворянских детей цыфири и геометрии (П. С. З., т. IV, № 2762, 2778) достаточно свидетельствует о намерениях Петра.

пуса нашего нижних офицеров конечно отчасти было причиною малых успехов последней швенкие войны, ибо в такой земле, где везде леса, горы, болота и озера, где всякой шаг требует глубокого размышления о тактических правилах, где почти каждому офицеру удавалось особливый пост содержать, могли ли они, не учась и не зная имя наук, что знатное зделать. Они храбры, умеют кричать: «на караул» и «к ноге», «направо» и «налево», но сего не довольно, и самый острый ум не заменяет нужных познаней. Обратим мы очи на наших судей. Они, не зная ни грамматики, ни логики, ни законов, определяют о жизни и имени сограждан. Во многих губерниях не достает на две смены дворян худых и добрых, а и в самой юбилнейшей дворянами смоленской губернии не достает на три смены; то можно ли нам подавать повод ко уменьшению дворянства, когда и так его в должности не достает? Я сам видел в одной губернии лекаря советником, танцмейстера и кучера судьями, то каково есть состояние народа, когда он такими судьями судится? Я паки повторяю, что не довольно иметь разум, надлежит наука, прилежность и воспитание соделать офицера или судью. Яко писатель «Естественной политики»¹¹⁰ (беседа VII, § 15) говорит: «Сие есть заблуждение мнить, чтобы довольно было разуму, дабы соделать министра и государственного человека. Разум без благумудрия, без испытания и без справедливости есть часто опасное оружие».

3) Но какой может быть предмет такого сугубаго права, польза ли торговли и ее разпространения? или умножение людей для морской службы? и наконец благосостояние ли беднаго дворянства? Вот три пре[д]мета вдруг предстоят. Я весьма отдален мнить с писателем «Военное дворянство», чтобы можно было торговле положить пределы, ибо сластолюбие и роскошь оных не имеет. Но естли обще торговли положить пределов не можно, они конечно есть вывозу товарам, ибо государство не может более товаров выпускать, как толико, колико сверх его нужд в нем родится и соделается. Российская же торговля тем более ограничена, что большая часть ее товаров суть первые нужды, а потому послужат ко излишней издержки, но конечно и сей выпуск можно весьма умножить или по крайней мере соделанием по-

добных у себя заменить. Но к сему, чтобы дворяне были и купцы, никакой помощи подать не может; ибо естли они будут купечествовать, кто же будет первые вещества преуготовлять? Не дворяне ли стараются о земледелии, не они ли стараются о скотоводстве и о размножении многих ремесел? Когда же, польстясь какою прибылью в купечестве, кинутся в откупы, в подряды и в чужестранной торг, то кто будет первый изготовитель товаров? И тако, кажится, лутше побудит дворянство ко исполнению сих важных должностей, нежели тщетными надеждами привести и их и купцов в разорение. Состояние России конечно требует знатных морских сил. Пять морей к пределам российским прилегают: Балтийское, сообщающее ее со всею Европою и отверзающее ей путь в Средиземное море и далее; но тогда же в разсуждении усиления Швеции и по причине недоброхотства морских держав требующее сильного флоту, не токмо, чтобы защитить нашу торговлю, но дабы и берега наши и самые столичные город Петербург охранить от вражеских нападений; Белое, открывающее нам не токмо путь, проходя мимо севернаго мыса в дальнейшие страны, но и отверзая нам лехкой способ к производству китовой ловли в Ледяном море, и так же требует немалою вооружения противу вражеских народов, как шведы во время производимые войны во время Петра великаго учинили; Черное, которые ныне вновь учиненными завоеваниями чинит нас в состоянии производить наше мореплавание с помощью трактатов в Средиземное море¹¹¹, а всегда чинит нас в состоянии угрожать Константинополю, Синопу и другим азиацким берегам; Каспи[й]ское, которое нас сообщает с Персиею и с Хивою и дает нам способ не токмо торговлю производить, но также и устрашать на берегах живущих ханов; Тихое, прилегающее к Камчатке, открывает нам путь в Америку и в восточную Индию, море доньше неведомое, о котором мы первые известии чужестранным учинили и которое, не взирая на трудности и отдаление, требует уже ныне, чтобы мы взяли свои осторожности от предприятий Англии. Все сии моря требуют великаго числа морских офицеров и дают способ распространить нашу торговлю, но сие не чрез дворян должно учинить, воспитанных в властолюбии и любящих пышность, но чрез купцов,

которые бы бережливость с знанием торговли соединили. Хотим ли мы умножить морских офицеров, сие чрез торгующих дворян не можем учинить, ибо для сего надлежит иметь особливые науки. Так лутше умножим мы училищи мореплавания, знающие науку мореплавания, которой основание есть математика, может ко всему годиться государству. Лутче из большаго числа на флот выбирать офицеров. А естли произведем государственные умножатся, естли заведутся в чюжих странах российские канторы, а естли превозможем чинимые нам препятствия от торговых народов и купцы будут отпускать на своих кораблях товары, тогда адмира[л]тейство может давать для управления оных своих офицеров, которые однако в службе коронной будут почитаться, получая еще право некоторой части товаров возить на сих судах своих собственных так, как сие исполняется у всех торговых народов. Сим российское дворянство получит сугубое побуждение к мореплаванию, купеческие российские корабли лутче будут управляемы, нежели голанские и аглинские несмышленными шкиперами; государство в случае нужды найдет множество готовых морских офицеров и не унижится дворянство, приобшая к дворянству купечество или меняя государеву службу на торговлю.

Для благосостояния ли беднаго дворянства? Не думаю я, чтобы позволение писаться дворянем в купцы могло и благосостояние дворян бедных соделать, ибо первое есть и без купечества довольно для сего способов в России. Пус[т]ь много есть бедных дворян, которые справедливо достойны жалости, но от недостатков способу, а от несмысленности их. Хотят они поправить благопристойным образом свое состояние — да служат с усердием, да отстанут от роскоши, да отличатся своими подвигами, кроме жалованья могут получить ордены с пенсионом не могущие служить...

(На этом рукопись обрывается.)

УМНОЙ РАЗГОВОР ¹¹² *.

Самоум.

Ну, друг мой, ты ко мне возвратился. Отец твой был средственной человек, он много тебя учил, да учил с чением, по большим книгам, и ты много поту пролил под мрачными писателями, чему бы легко можно, перелывая листы словарей, научиться; заставил тебя путешествовать по разным странам чужестранным и отечества своего, и ты, возвратясь, не застал его живаго. Я же яко племянника и наследника своего послал осмотреть мои волости. Ты, чаю, увидав благосостояние их и брое управление, больше научился, нежель во все твои гешествии. Не умен ли я? Э ** , братец, говори.

Размысл.

Мне как вам противоречить, государь, когда вы столь ли собою довольны, но желательно для всякаго, чтоб и другие такое же бы хорошее мнение о нем имели.

Самоум.:

Врешь, братец, не всякому дано и понимать ум прешающего разумом его человека, а которые и понимают, те завидуют. А я сам чувствую, что я умен, да имею то и доказательства, ибо все дела мои успевают. Итак могу сказать, что я умен.

Размысл.

Я бы весьма хотел слышать ваши дела, дабы чрез них их научиться, как должно и мне поступать.

* Заглавие автора. В оригинале «у» от ветхости бумаги выпало.

** В оригинале «е».

Самоум.

Так, любезный мой! Желание твое показывает, что ты чю[в]ствуешь, колико я умен, и для того не закрыв все тебе расскажу.

Получа после отца моего я наследство деревень моих, нашел его во вражде с Захватею* за искреннего своего друга Оптима, и обои они великое дело противу Захватеи производили. Брат мой, а твой дядя же, дурак, которой по праву старшинства имел малое время правление деревень родительских и которого я яко безумнаго от-решил от наследства, посадил его в заключение, где он вскоре бох знает как умер, для того что ему долго жить нельзя было, помирился было, но мир их был не кончен, а я окончал и Оптима оставил одного, отчего и он был принужден помириться.

Размысл.

Дивлюса, что вы глупаго брата своего намерению последовали, а чрез то лишились вернаго друга своего дому.

Самоум.

Тем-то я и умен, что и из глупова намерения хорошее выбираю; правда, что в Захватеи сколько я на него ни надеялся, но премова друга себе не нашел. Но нет нужды, мы с ним и на политики живем. А таперича уже с сыном Оптима мы задружилися, да проворен малой. Однако меня не обманешь.

Размысл.

Сие должно время показать. Но нет ли каких других из сего следствий?

Самоум.

Есть да посторонние. Ты знаешь волость Самоволку?

Размысл.

Знаю, сударь.

Самоум.

Ета волость всегда была так зависима от предков наших, что ее господа нам прислуживали, часто мы одни в

* Вместо зачеркнутого «Любомудром».

лесах тут зверей выбивали, скотиной луга вытравили, а нам все молчали. Мне захотелось друга своего Пустомыслова сделать наследником сей волости. Ни законы, ни желание крестьян на то не позволяли. Я первое крестьян велел бить, по судебному месту и деньгами и силою то выходил и друга своего Пустомыслова сделал волости помещиком. Болванов, которой также сосед этой волости, боясь, чтоб я у него не стал полей травить, завел со мною дело; я и тут и прибил его, и силою и деньгами дело выиграл.

Размысл.

Да, я чаю вам все ето дорого стоит.

Самоум.

Ну что об евтом говорить, да по моему стало. Не умен ли я?

Размысл.

Что же далее?

*Самоумов.**

Как я был в тяжбе с Болвановым, тогда сын Оптима вздумал было со мною тягаться.

Размысл.

Как же вы от сей тяжбы избежали?

*Самоумов.**

С двумя бы мне тягаться было трудно. Я волость Самоволку разделил, дал Оптимову сыну лучшие поля, чтобы и Захватей в тяжбу не вошел и тому дал пустоши и селения кстате, а себе взял хотя болота, да кстате-же, а середку Пустомыслу оставил, да те же оба стали так, как и я, въезжать в сию волость. Не умен ли я?

Размысл.

Конечно, сударь. И вы выиграли только то: великой убыток, много болот с лягушками, злодея в друге вашем Пустомыслове и участников двух в волости Самоволки,

* Так в оригинале.

над которой вы прежде один некоторую власть имели, а долго ли, коротко [ли] за то-то вы и с Оптимовым сыном и з Захватеем и с Болвановым еще подеретесь.

*Самоумов.**

Не так ты, братец, рассуждаешь. Что нужды думать вперед, да лишь бы таперь по моему было, а и болото к стати не безделица. Так знай, мой друг, что я умен.

Размысл.

Но как тяжбы вы з Болвановым кончили?

Самоум.

Я кончил ее щастливо, однако не так, как хотелось. Проклятой враг Чудовин, мой крестьянин, взбунтовавшись против меня, взбунтовал мои волости, зделал, что я не мог до мату Болванова довести.

Размысл.

Однако.

Самоум.

Я не взял почти ничего, а довольно, что в драках все ево бил, а он принужден был малинькое число денег, около сотой доли во что мне тяжба стоит, заплатит, обещал некоторые выгоды волостям своим, что однако волен он держать или нет. Вот мне, ну к черту, в его волостях ему не указывать, и почтенным именем меня назвал, дозволил мне по пруду своему прогуливаться на лодках, которых у меня нет. Ну, брат, не умен ли я? толь не слава?

Размысл.

Что вы умен, в евом сумнения нет, но что касается до славы, то я худо ли иль хорошо учился, но мне сказывали, что слава зависит, чтобы помещику стараться сыскивать выгоды и благоденствия своим крестьянем; чтобы издершки умерять по прибыли, каковую можно от оных получить; что не имя, но вещь почтенна и что не для чего того предпринимать, чего не надеесса испол-

* Так в оригинале.

нить. А во всем сем деле, простите мне, а кажется, что крестьяне ваши от сей тяжбы неблагополучны стали, а претерпели что более вы убытка от нее, нежели прибыли получили; что приобрели тшетное название и что плавание по пруду без лодок вам пользы не принесет.

Самоум.

Я не думал, чтоб ты так глупо рассуждал, но всему причиною дурное твое воспитание, оно тебя испортило. Какая-та проклятая логика, да математика, щитать, да по посылкам заключать тебя научили, а я по одним словарям всему научаса не так рассуждаю. Польза крестьян то, что мне славно, ани славой моей должны питаться и потому не вдаль на них, на себя смотря и о * их пользе рассуждаю, что мне славно, то им конечно полезно, а что нужды на другие безделицы глядеть. Я умен, учись, братец, у меня; а чтобы тебе больше доказать, что я умен, то послушай, что еще я после тяжбы сей зделал.

Размысл.

Со вниманием всегда буду слушать речи ваши.

Самоум.

Слушай же, братец. Ты знаешь по плану наших волостей, что у Болванова на черном поганом пруде была пустошка Быковка, тут несколько деревень сидели. Крестьяне были воры **, нападчики и беспорядочные и часто грабили моих мужиков. Я сперва испросил, чтобы Болванов определил тут старостою, каво я хочу, то есть Ветрехова, а потом, хоть в мире с Болвановым был, Ветрехова уговорил мне пустошь ету отдать и еще взял пустошь Конникову со всеми людьми и принудил Болванова и то мне после прежнева миру уступить и помог мне Оптимов сын.

Размысл.

Конечно сия уступка Болванова показывает к вам его снисхождение, но правости вашей не показывает, ибо что на мире сказано, то, казалось, должно быть свято.

* В оригинале «о у их».

** В оригинале «волы».

Самоум.

Все вздор. Эта в старину бывало, а нынче уже сие не в обычае; что взял, то взял.

Размысл.

Но есть ли вам какая знатная прибыль от сего приобретения?

Самоум.

Ты все о прибыли говоришь, а я о славе. Однако скажу тебе состояние сей пустоши*.

* Текст заканчивается этими словами на обороте листа, в самом начале его; остальная часть страницы — чистая.

О Д А ¹¹³

На день восшествия на всероссийский престол ее
императорского величества государыни императрицы
Елисаветы Петровны.

1

Оставляя бездны вод глубоки,
Уж Феб ¹¹⁴ из недр морских грядет,
И ясность льет на свет широки[й]
Блаженны[й] нам сей день дает.
Луч ясны снеги проникает,
Природа путь свой пременяет,
Сквозь тучной снег трава растет,
Дубровы листья распускают,
Птички как весной воспевают
И зимня хладу знаков нет.

2

Так вся природа обновленна
Являет радость в сей нам день,
А с ней Россия освященна
Прошла печальной ночи тень.
Природа радость разделяет,
Что твой народ днесь ощущает
В сей день внушила как наш стон,
Себя в опасность подвергая,
И всех врагов злых побеждая,
Вступила на Российской трон.

3

Я тщетно во уме считаю
Героев всех, что свет носил,

И дела их воспоминаю,
За что их в боги свет вместил.
С тобой не можно тем сравняться,
Ни делом равным величаться,
Творец тобой что сотворил.
Воз[з]ри, как слезы проливали,
Тебя владычицей желали,
Тобой Россию он спасал.

4

Хоть прежде греки разславляли,
Что сын Алкмены в свете жил,
Между богов его считали
За то, что гидру он убил;
Тезея чтит тот град спасенны[й],
Что стал той дани свободенны[й],
На них Минос что наложил,
Чрез храбрость те лишь заслужили,
Хотя их смертные родили,
Но свет уж тех в Олимп вместил.

5

Но сколько тех не прославляли,
С тобой не можно их сравнить:
Щедроты те во век не знали
И тщались только всех казнить,
Но ты народ целой спасаешь,
Правосудия обновляешь,
Что твой отец здесь утверждал.
Тобой ныне грады утверждены
Тобой законы обновлены,
Народ от злых судьбин возстал.

6

И тех нельзя сравнить с тобою,
Гомер что славныи хвалил,
Царей, что осаждали Трою,
И кой по свету толь ходил.
Дела те басней украшают
И тем их славу возвышают,

Что в век Алцид свой доставал.
Ты в час вся то превозвышаешь,
Народ щедротой побеждаешь;
Отраду взор унывшим дал.

7

Но как к престолу приступала,
Где прежде твой отец сидел,
Где зависть правду уж попрала,
Что Петр велики[й] к нам привел,
Враги тут стражей окруженны,
Огнем и сталью ополченны.
О! Как дерзнула ты иттить,
Народ чтоб в гибели спасати,
Щедрость с геройством показати,
Суды правейши обновить.

8

Но уж предшел там пред тобою,
Творец пространной земли всей
Покрывл тебя он той рукою,
Что щит есть правых всех царей.
Все стражи стали устрашенны
Или тобою привлеченны
Желали в след тебе иттить.
Кого что прежде те хранили,
На тех бы меч свой обратили,
На горду б выю их ступить.

9

Хоть мысли прежде их скрывали,
Не смели с страху то открыть,
Елисавету что желали,
Чтоб ей царицей нашей быть.
Узря ту, робость покидают,
По той стопам на смерть дерзают,
Хотят с ней жить и умереть,
Себя винят, что толь молчали
И кровь Петрову забывали,
Что власть врагов идешь стереть.

10

Лишь кто хотел сопротивляться
Тому, что наш творец велел,
От страху стал тот колебаться
Мутился дух и весь немел.
Тебя ж облака покрывали,
Вокруг же молнии блистали,
С ужасным треском гром гремел,
Кой, власть творца нам изъявляя,
Петровой дочери помогая,
На всех врагов он страх навел,

11

Но ново чудо представлялось
Смущенным нашим там очам:
С реками море все спиралось,
Вода всходила к небесам.
Как ты к престолу приступала,
Нева веселье ощущала,
Что ей та будет озладать,
Отец которой столько тщался,
Чтоб град тот славный воз[соз]дался,
Чем брег той тщился украшать.

12

Развившись облак над тобою
Явил Петра нам в славе всей:
Он меч держал одной рукою,
Другой преславной венец сей,
Герой которым сам венчался,
Когда победой прославлялся,
Спокойство россам утвердил,
Как под полтавскими стенами
Врагов, окованных цепями,
Он щедро жизнью дарил.

13

Из облак руку простирая,
Венец на тя он наложил:

«Ты царствуй, царствуй, дочь драгая»,—
Герой тебе тут говорит.
«От мест, восходит где зарница,
До мест, где кроется денница,
И тут ты власть свою прострешь
Тобой златой век обновится,
И мир в России утвердится,
Ты род врагов своих сотрешь».

14

Со ужасом слова внимали,
Чем божья власть открылась нам;
Небесны лики умолчали,
И ветер вторил то по горам;
Планеты путь свой протекали,
Слова те страшны повторяли,
Что царствует Елисавет.
В себе Петра ты обновляешь,
С престола хищных низвергаешь,
Открылся россам новый свет.

15

Враги твои тут возстенали,
Зря, коль им злая смерть грозит,
От страху все вострепетали.
Владычица рук не багрит.
Коль мужествам их победила,
Своей щедротою простила,
Лишь тщилась власть у них отнять
Чтоб ков они не соплетали,
И народы б не возмущали
Против владычицы вос[s]тать.

16

Не то тебя ей побуждало,
Чтобы и тем их наказать,
И щедро сердце всех прощало.
Суд прав тех злых велел карать.
Елисавет так поступает,
Творцу щедротой подражает,

Коль правость нудит чтоб казнить,
Да сила прав всегда хранится,
Преступник коль в винах винится,
То казнь им тщится облегчить.

17

На троне лишь себя явила,
Тогда мир россам возвращен,
И всех врагов злы устрашила —
Готф от меча пал поражен:
Как гидра силу обновляет,
Наш меч всегда его терзает,
Пал пред тобою побежден.
Твою коль щедрость призываешь,
Его тогда же ты спасаешь
И стал он миром награжден.

18

Уж слава, всем тут, извещая,
С гремящею трубой летит,
Петрову кровь всем величая,
Что та на троне уж сидит,
Что правой суд возстановила
И дух Петра в себя вместила,
Явила свету прежний страх,
Что ровно та во всем сияет,
Храбрость щедротою вмещает,
Своих врагов повергла в прах.

19

Нептун пещеры оставляет,
Где трон его есть утвержен,
И с радостью вопрошает,
Не Петр ли в дщери оживлен?
Узнавши то, он веселится,
Чрез бурны волны к Неве мчится,
И скипетр свой тебе вручил,
Кому волны покоренны,
И им Петру он был врученны,
Четыре флота как водил.

20

Напрасно речь я продолжаю,
Чтобы хвалы мои вслевать,
Лишь длинностью я той скучаю —
Ту недостойн похвалять.
Добротой смертных превышаешь,
На всех нас счастье разливаешь
И милость под[д]анным даешь.
Куда очи не обращаю,
Везде той милости встречаю,
Рукой своей на нас что льешь.

УЕДИНЕННУ ЖИЗНЬ ХОТЬ МНОГИЕ ХВАЛИЛИ ¹¹⁵.

Уединенну жизнь хоть многие хвалили,
Но я веселья в ней не мог себе найти;
И хвалители той знать век одни не жили,
Речью своими лишь хотели обольстить.

Они в стихах своих согласно воспевают,
Что всяк один собой доволен может быть,
Что пышность света всю совсем те презирают,
В себя вошедши всяк щастливым ** может жить.

Против ково озлясь, бранить все устремленны,
Что все в свете обман велегласно гласят,
Что часто честные плутами суть прельщенны,
Что верна друга нет, то часто лишь твердят.

Ни я спорить сему таперь не предпринимаю,
Хоть все сии слова не можно утвердить;
Но коль скушно одному опробовав то знаю
И в истине лишь сей хочю их убедить.

На то ли человек на свете сем родился,
Чтоб сам, страшаса всех, противен был он всем?
На то ль умом своим, с каким он предпочтился,
Чтоб не полезен был он обществу ни в чем?

Нет, вышняго предел рассмотрим лишь прилежно
Противное сему увидит ясно всяк:
Затем творец ему даровал сер[д]це нежно,
Чтоб зжалиться он мог, нещастной видя зрак.

* 1761 Июня 11 дня.

** В оригинале «шашливым».

Затем имеет он над протчими скотами
Дар, что может он свою мысль изъяснять,
И видом он своим и ясными словами
Подобнаго себе на помочь к себе звать.

К сообществу его и страсти побуждают,
Самолюбие з другими быть влечет;
Что бдением своим премудры обретают,
Тем узнавши от них находит пользу свет.

Чрез способы сии мы много умудрились,
И много человек спокойств себе обрел,
●От сообщения науки пространились,
И ныне виден уж конец их и предел.

Нешастьем кто гоним, тот помочь обретае,
Иль в горестях своих хотя то получить,
Что найдет он, что с ним печаль кто разделяет,
Печаль его словами кто тшится исцелить.

Но кто один живет в хвалимой сей пустыне,
Он всем сим никого отнюдь не тяготит,
И сам не может быть участник благостыне,
Что человечество нам обще всем велит.

Не может в скуке он утешиться словами
И мысль горесну веселою прогнать,
Ни помощь получить, когда гоним судьбами,
Болезнь его будет ко гробу уже гнать.

Одним все заключу, не простирая боле;
Когда живя один, закрыл к сему кто дверь,
Глагола б я лишил, естлиб то в моей воле,
Не столь то человек, сколь есть он дикой зверь.

КАКАЯ СИЛЬНА БУРЯ ВЕЕТ ¹¹⁵.

Какая сильна буря веет
И ясны[й] воздух весь мутит,
От туч свет солнечны[й] темнеет,
И гром от зенита разит;
И ад в свирепости зияет,
Он мрачны недра отверзает
И вержит к небу огонь и прах.
Земны народы там мятутся,
Сердца в отчаянии рвутся,
И всех объемлет зельный страх.

* * *

Чюдо на воздух вылетает.
Там страшный образ око зрит:
Змея главу ее венчает,
В шуйце факл пламенный горит,
В деснице меч окровавленный
И змеями окруженный
Народам гибелью грозит.
Рев страшный воздух наполняет,
Живущих смертных устрашает,
Оставя пахарь плуг бежит*.

* * *

Что значит страшное виденье?
Ах! зрю, се есть кровава брань.
Ее такое изхожденье
Простерла так на смертных длань.

* Далее в оригинале вычеркнуто три стиха:

Достойна дочь проклятья ада.
Чинит коль небо смертным глас.
И разрушается преграда..:

Ее общество составляют
И перед нею протекают
Смерть с пагубной своей косою,
Суровство, страх и грабежи,
Тиранство и тяшки мятежи.
Приятны[й] гонят уж покой.

* * *

В дали пред нею предтекает
Презлейше чудо толпы сей;
В руке труба ту отличает,
И лестна слава имя ей.
И под маской сокровенна
Одежда кровью обагрена,
В трубу свою царям гласит,
Их к вечной славе призывая,
Победой лехкой обольщая,
Вослед войны иттить велит.

* * *

Цари, сим гласом изумленны,
Тотчас пусть тшатся забывать
Народом что постановленны
Тому, чтоб щастье содевать.
Притчины тшетны вымышляют,
Толпы народа собирают.
Там мать в слезах горьких стенит,
Жена супруга обнимает,
На брань что спешно отъезжает;
В безчувство горесть ту разит.

* * *

Трубы ко брани призывают
И ратарей туда влекут,
Селении опустевают,
И глад грозит стране той тут.
Но се бедам лише начало.
Хотя тем слабей царство стало,
Народ от даней тягощен,
Земля лишенна земледелья
И младенец без прокормленья
Куска последняго лишен.

* * *

Ужасно зреть сие стенанье,
Внушать печальны людей глас.
Цари! се зла есть начинанье
И как не тронет оно вас!
Но коль уже по вашей воле
Вступает войско в ратно поле,
Когда уж огонь пылает сей,
Злой ацкой силой составленной,
Селитры с серою смешенной —
Огонь, что похитил Прометей.

* * *

Когда те тяшкие громады
На гибель сделаны людей,
Что потрясают крепки грады,
Вмещая вредны состав сей,
Огонь и железо вдруг рыгают,
Полки вмих ратных побивают,
Ужасны[й] гром произведут,
Когда огонь с сталью сообщенны,
На жизнь людскую обращенны,
И тем тьмы ратников подут.

* * *

Коль вы безумны, человеки!
Того ль вам ради разум дан *
И так есть кратки ваши веки.
Зачем кто ищет гибель сам?
Колико скорби вас терзают
И печали отягошают!
Зачем их тшится умножать,
Чтоб новое изобретение
Вам самим бы в погубление
Сыскав хотеть употреблять.

* Далее в оригинале вычеркнуты две строки:

Зачем на жизнь стремился сам?
И так есть кратки ваши веки!

* * *

И се уже воинствы вступают *
В страны обильны их врагов,
Им страх и дрепет предтекают...

(Окончания нет.)

* Перед этим в оригинале вычеркнуты три стиха:

Вам тигры в злобе уступают
Хоть жажда крови тех томит,
Кохтями лишь корысть терзают...

СЛЫХАЛ Я ¹¹⁶.

Слышал: я в старину лев з бабром побранился,
И бык к бабру в войну охотно съединился.
Не мало время те дралися меж собой.
Ослабли как они, наскучил как им бой!
И вздумали они войну их прекратить.
Да чем им меж себя друг другу заплатити?
Подумавши на час, зверь бобр * тогда сказал:
«Нарочно будто бог быка к нам ниспослал.
Мы глупую сию упрямую скотину,
На части разделив, затушим всю притчину
Толь долгие вражды!» То молвив меж собой,
Повергнувши быка, дерут кожу долой,
На мелки части вдруг скотину раздробляют.
На сем сии звери вражду их прекращают.
Поляки! Сей пример вас должен научить:
От дерзости своей чтоб долго не тужить,
Что прежде от нее себе вы получили,
Владеней ваших часть соседи разделили.
И нынь поступок ваш лишь то произведет,
Что часть каждой сосед еще у вас возьмет.

* В подлиннике то «бабр», то «бобр».

ОСТАВЬ ТЫ СУЕТУ ¹¹⁷.

Оставь ты суету, в себя днешь возвратися
И тщетным щастием уж более не лстися.
Надежды все твои прошли, как легкой сон,
Не радость зрю в тебе, но слышу тяжкий стон.
Умей ты, Филотет, владеть таперь собою,
Всевышняя рука влечет тебя к покою,
Ты можешь щастия и сам в себе сыскать,
Коль тщетности двора ты станешь презирать.
Ты нрав не знаешь мой и сердце преклоненья:
Не сетую, поверь, я щастия лишенья,
Не сетую о том, что я обманут был;
Когда вступал к двору, двора я не любил
И первое мой дух туда лишь устремлялся,
Пороков чтоб двора всегда остерегался.
В пучине мрачной сей три лета пребывал,
Три лета сей яд злой * меня уж окружал.
Хвалю всевышняго я милость над собою.
Пороки попираю я сильною ногою,
Я ближнему вреда нимало не искал,
Язык мой никогда слов лестных не вещал,
Смеялся суете, был тверд среди волненья,
Недвижим я стоял против злобы стремленья.
Вздыхаю я таперь и должен воздыхать,
Пороки свецкие слезами обмывать.
Нет дружбы, ни любви! святая добродетель
Бежит от сих злых мест, порок коих владетель.
Приятнейши[й] там зрак скрывает злостной яд,
И в виде святоши внутри вмещен есть ад.
За слово лишь одно, за тщетно уваженье
Нет святости такой, к чему чтобы почтенье
Дух подлой сих рабов могло преодолеть
Или бы склонити свою честь сожалеть,
Чтоб всем таким тотчас не жертвовать безстыдно,

* Вероятно надо читать: «яд сей злой».

Забыв благо свое, забывши то безумно,
Неправой что закон всем язву причинит,
Творца что своего тот сам же погубит.
Держают и на то...
Постой, бедной, осмотрися,
На страсти всех людей ты больше не сердися,
Что сам ся обманул, о том лишь сожалея.
Вошедши ко двору, каких думал людей
Сыскать в опасном том и бурном сем жилище:
Не непричастных ли человеческой пище?
И не таковых ли, превыше чтоб страстей
Были духи на земли во образе людей?
Нет, знать по вести тебя пообласкали,
Коль Марков, Троянов толь пышно представляли.
Великих сих мужей достойно обожать,
Но, робкой, двор от них ты должен отличать:
Те мудростью своей писателей пленили,
И их токмо дела они нам преложили.
Но естлиб происки двора им описать,
Лехко б нам было в том, лехко было узнать
Подобных же людей, сея на что толь чтили,
Кои антиков безспорно обожили.
Итак уверен быть навек ты в деле сем,
Подобен что век сей древнейшему во всем,
Что хитрость, злоба, лесь в придворных обитает,
Что подлые души всегда царей ласкают
И что когда народ и первого избрал,
И тот забывши все народ тот презирал,
Что власть свою над всем хотел распростирати,
Любил изменников и тшавшихся ласкати.
Отечество, закон — лишь тщетны имена,
Не смотрят ни на что, кому лишь власть дана.
Их собственна любовь едина побуждает,
Не истинна, но страсть дела все управляет.
Таков издавна свет, таков судьбы предел.
Когда ж пороки злы, ты в месте сем презрел,
Любитель ты наук и ими утешайся.
Беги коварности и с злыми не мешайся,
Приятные поля тебя к себе зовут,
Добродетели где* и истинна живут.

* Следует читать: «где добродетели».

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЖАР ¹¹⁸.

Божественный жар, стихов моих властитель,
Чувств сердца моего всегдашний направитель!
Приди, новым огнем ты грудь мою согрей,
Величества прибавь ты слабой песне сей.
Любовь к отечеству я пети предприемлю
И ей единою все доблести объемлю.

Еще Адамов род в злом неустройстве был,
Властитель всяк себе без властелина жил,
Не знали, что судьи, не знали, что законы;
К порокам, грабежам там не было препоны.
Жестокость, грабежи, насильствы меж родов,
Убивствы смертные, отнятие плодов
Труда и бдения всегда им угрожала,
Землями сильные благими обладала.
Слабейших поразил толь справедливый страх,
Бежавши сильных рук, сокрылися в лесах.
Вертепы им сперва убежищем служили
Иль странствуя между свирепых зверей жили.
Но вскоре хищники владеней бедных сих
Заплату понесли всех наглостей своих:
Другие уж пришед самих их с мест согнали,
Убежища они в лесах же искать стали.

Но как ни трудна жизнь в пустынных сих местах,
Забыли наконец о прежних их странах;
Злосчастьем своим уж стали наученны
И в общества между собой соединенны
Приятна стала им пустынна страна их,
Забыли уже в ней всю тягу зол своих,
Суровы овощи приятны им казались,
Тщетно непогоды на них вооружались.
Привычка к лищи сей, привычка к той стране,
Привязанность к трудам, привязанность к родне

Произвело в них то, что раем уж считали
Те самые леса, от гнавших как бежали,
Убежище себе где от врагов нашли.

Когда ж гонимы те в места сии пришли,
Нашли уже народ весьма соединенны,
Любовию к стране все духи воспламененны.
Порок того хвалить всегда его предмет,
Не ради он себя, того ради живет,
Хоть в самой вещи несть, монарха он любитель,
Но пользы для своей превредный ему льститель.
Он любит лишь себя, о прочем мысли нет,
Отечество, царя в злу пагубу влечет;
Иль властвовать другой, над всеми лишь желая,
В пагубной мысли сей всю должность забывая,
О благе общества совсем уж не радит.
Любовью злата кто дух подлой заразит,
Тот, бедность зря в другом, отнюдь не возмутится
И правой продавать он суд не устыдится,
Корысти для своей невинность утеснит
И в пользу винного законы превратит.

Но прямо ль счастья те люди достигают?
И страсти самые те коим угождают,
Не суть ли мстители неправости таких?
Коль тщетно ищут те часов себе благих,
Их совесть навсегда внутрь яду раздражает,
Раскаянье и страх всечасно их терзает.
Скрывают тщетно те поступок гнусной своей,
В богатстве и в чинах не знают что покой.

Но кто пороков чужд, отечества любитель,
Законов отческих прилежный блюститель,
Спокоен духом тот весь век свой проживет,
В нещастиях презлых в себе счастье найдет.
Хоть злобой поражен, на жизнь свою взирая
И правостью своей он дух свой подкрепляя,
Всегда будет велик, себе будет почтен,
Терзаньем совести не будет огорчен.
Гонители его пред ним малы явятся
И мысли подлостью его не устыдятся.
Отечество любя, все с твердостью снесет
Иль не роптавши он з бестрашием умрет.

ЭПИСТОЛА К [Г]АРПАГОНУ ¹¹⁹.

В течении многих лет порок я твой скрываю,
Терпенье потеряв, я днесь к тебе вещаю.
Доколе в страсти злой пребудешь Арпагон? ¹²⁰

Доколь будет прельшать тя денежные звон?
Уж денег накопил престрашные ты кучи,
Закладных векселей в комодке твоём тучи.

В тоске однак по ним ты ночь часто не спишь
И прежде денницы реестр долгам глядишь:

«Тому, ты говоришь, уж срок таперь доходит,
Такой отсрочки днесь в долгах своих уж просит».
Хоть худо грамоте и счисленья ты знаешь,

На щетах хоть с трудом, однако исчисляешь,
Что росту надлежит на час иль на день взять
И как бы нужнаго собрата притеснять.

В всеобщей радости, монаршие щедроты
Зрил слезы я твои, зрил хищные заботы.

«Возможно-ль по пяти проценту только брать?
Нельзя мне по сему закону поступать!»

Ты часто говорил и восклицал с слезами:

«На что уж деньги нам, что нажили трудами!
Нет, в воду я пойду, я с камнем утоплюся,
А пять процентов брать отнюдь не соглашуся!»
Но зрю веселой вид в тебе вдруг оказался,

Закон как обмануть, Арпахон догадался,
Притворный вид приняв, заимшикам сказал:
«Законной рост чтоб брать, я клятву на се дал»,
Но токмо лишь одно к тому он прибавляет —

За ас[с]игнации платить он заставляет,
При редкости монет лишь чистым серебром.

«Я сим сказал в себе: скоплю себе свой дом,
Я брал по десяти — закон то запрещает,
Процентов он моих число устанавливает;
Но я умнее есть, неж самой сей закон,

Презрю народной плач, презрю я бедных стон,
 Процентом пять возьму и двенадцать промену,
 Не здеавши никак закону я измену,
 Семнадцать получю и прав буду пред ним,
 Исполню я закон и пользуюсь я им».

О хищныи злодей! Душа о развращенна,
 В развратность скупости глубоко погруженна!
 Рушитель общества, законов злой презритель!
 Неблагодарный раб, монарху укоритель!
 Ты мнишь ли, чтоб монарх, закон сей содеяв,
 Для помощи граждан казну он отверзая,

Возмог предвидеть то, в числе чтобы граждан
 При щедрости царя чтоб зделался тиран?
 Нужда, честность бедных проступок твой скрывает
 Но совесть уж тебя довольно, мню, терзает.

Воз[з]ри на свой ты дом, кому злато копишь?
 И сидя над мешком, кого ты ради бдишь?

Развратность, глупость в род твоем соединенны,
 Ты зришь вокруг себя лишь мысли развращенны.
 Стыд роду твоему, ты стыд гражданству сам.
 Ты копишь серебро, лишь прелесть тех очам,

Которые желают наследниками стати,
 С весельем чтоб тебя скупей погребати,
 Тобой нажитое чтоб вскоре расточить.

Судьба велела так, чтоб удовлетворить

Обиженных тобой, тобою разоренных.

Ты найдеш ли в других, тобою огорченных,
 Кто бы о судьбе твоей хоть мало сожалел?
 Нет, всякой скажет мне: «господь то повелел,
 Чтоб родом сим скупца то было расточенно,
 Что им безжалостно неправо присвоенно».

Се необходимой предел тебе грозит,
 Но что ж последует, коль правость не рачит?
 Еще монарша власть, щедротой преклоненна,
 Раскаяние ждав, есть ныне непременно.

Но коль возникнет суд и грянит правды гром,
 Куда денисса * ты, о бедный Арпагон? **

Презря святых закон, чем можешь защититься,
 Ограбив общество, какой надеждой льститься.

* Т. е. «денешься».

** В подлиннике то «Арпахон», то «Арпагон».

БАСНЬ ¹²¹.

Сильна рука владыка.
Волк не взлюби овечку.
Хоть неприятели не равной силы,
Да волку то было не по сердечку,
Что благосклонны к овце были
Сам лев и ближние его;
А без того,
Как пить бы дали,
Овечку растерзали.
«Ну, коли так нельзя», — сказал наш волк, —
«Так делу я сему иной дам толк».
Коварны волчьи души.
Волк, у овцы отъевши хвост и уши,
Пред суд медведей сам предстал
И так медведей ублажал:
«Хранители закона,
Блюстители священной львиной воли!
Приемлющие власть от высочайша трона
Решить, вязать зверины доли,
Под ваш покров я прибегаю
И ухо приклонить к прошенью умоляю.
Обижен я! Но приведу вас в удивленьё
Когда скажу, обиду кто нанес:
Овечка скромная! И весь наш лес
Тому свидетель,
Что за мою к ней добродетель
Когда-то раз
Меня, взбесясь,
Боднула рогом в глаз.
Сам в брань я с нею не вступил,
А рассудил
Прошеньё к вам подать,

Благоволили чтоб овечку наказать».
И как кто суд держал весь в лапе,
Тот был ему и сват

И брат,

Вмиг дело стало в шляпе
И, не спрося, за что и как,

Тотчас

К овце указ

Наслали судьи знамениты,
Бесчестье, проести, волокиты
Овца чтоб волку заплатила.

Овечку эта весть сразила.

Она ответствует им так:

«Несчастнем себе великим поставляю,
Безвинно, что судом [я] ныне суждена.
Теряюсь в мыслях и не постигаю,
Как я рогатой сочтена!

Хоть изойди весь свет, —

Овцы с рогами нет!

Иль просьба сильного так ныне дорога,
Что и овцам кует она рога;

Или законы суть такие тонка сеть,

В которой лишь овца бессильна увязает,

А волк, ее прорвя, свободно пролезает?

Так нам же где прибежище иметь?

Известно всем, сколь волк лукав,

Известен также всем и мой овечкин нрав.

Все знают, сколь тиха овечка и проста,

А волк, лишив меня ушей, хвоста,

Да на меня ж и с прозьбой залетел

И вышний суд склонить умел,

Чтоб он мне повелел

Пред волком виноватой быть.

Я смею суд просить

Мне предписать

Пред суд предстать

И дать

Очную с волком ставку».

Плутяга волк, смекая делом,

Что ежели оправится овца,

Невиноватая душой, ни телом,

Тогда доедут молодца,

Дадут уж волку давку,
Вмиг всех зверей собрал
И убеждал
Свидетелями быть его с овцою ссоры
И насулил всем золотые горы.
Итак свинья, баран, осел,
Лисица, бык, козел
Клялись всеми богами,
Что видели то сами,
Бодала как овца рогами,
И что им всем с овцою жить уж скучит,
Овца и их рогами бьет и мучит.
А волк к дружку любовну грамоту послал
И упрощал,
Как можно от беды избавить
И тяжбишку сию по ихнему бы справиться.
Овца, хотя и хлебосолка,
Искусства ж в свете жить не знала
И с заднего крыльца к медведям не бежала,
Была невинна и смела
И ухом не вела.
А волк — и так, и сяк,
И всяк
К судьям уж забегал.
Сутяга — волчий сват так судьям представлял:
Понеже де в обиде
Овцой реченной вышесказанного волка
Свидетелей в приказном виде
Уж более числа указного скопилось,
По моему так так то дело бы решилось.
И истинным признал решение то совет,
Овце чтоб выговор престрогий предписать
И приказать
О всем сем требовать подробнейший ответ.
И хоть овечка
Была чиста, как свечка,
Однако в лапы зжали
И по приказному тазали*.
Ответы брали
И под сукно [их] клали.

* Тазать — журить, бранить.

Тогда-то уж овца смекнула,
Что истинны весы неправда пошатнула,
Прибегнула к престолу
И с сродной кротостью овечью полу
Царя зверей просила:

«Великий лев!

Уж много лет ты льешь на нас щедроты,
Тобою жизни сей вкушаем мы доброты;
Ни разу праведный твой гнев

Нить дней

Зверей

Не пресекал.

Монарх один сказал:

Коль подданных слеза едина хоть прольется

Без ведома царя,

В неосторожность то ему причтется.

Блаженство всех творя,

Он мог и должен был ее предупредить

И очи плачущей щедротой усушить.

Во времена твои текут слез реки,

Не от бед

Их каждый зверь лиет,

Но что живет

В счастливый для нас веки,

В который истина престолом правит.

Тем дивится свет и славит

Божественны твои дела.

Невинность смелость мне влила

Коснуться до священна трона,

Причину жалобы и стона

Тебе, лев мудрый, объявить.

Довольно горестей от волка я сносила

И не просила.

Волк, недоволен тем, пред суд предстал,

Свидетелей набрал

И суд сим убедил.

Меня суд обвинил».

Великий лев дознал,

Что овцу суд рогатую признал

И за рога

Невинну осудил,

Благоволил:

Овечку перевести на паству в тихие луга.
И там, избавившись от бед,
 Овца дает совет
Овцам своим сестрам
И прочим всем зверям —
От сильных убежать.
И может всякой знать,
Что с сильным ссориться ведь польза невелика,
А сильная рука владыка.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ *Вольное экономическое общество* было организовано в июне 1765 г. по инициативе дворян-крепостников, среди которых были представители крупных землевладельцев: гр. Р. И. Воронцов, гр. Г. Г. Орлов, А. В. Олсуфьев, гр. И. Г. Чернышев, бар. А. И. Черкасов и др. Общество имело целью содействовать хозяйственному укреплению дворянского землевладения. Оно привлекало к своей работе экономистов, как Г. Н. Теплов или А. Т. Болотов, академик Эйлера — отца и сына, Г. Ф. Миллера и Я. Я. Штелина. Затем в обществе были приняты иностранцы; среди них первым 28 мая 1768 г. господин Беарде, 2 октября того же года были избраны еще двое. Избрания эти устанавливают дату, после которой писал свою записку Щербатов.

В 1766 г. общество по инициативе Екатерины II поставило на публичное обсуждение вопрос: «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то и другое имение простираться должны».

К началу 1768 г. в общество поступило 162 сочинения на данную тему. Большинство авторов стояло на крепостнических позициях. Публикуемое произведение Щербатова написано было по видимому как ответ на опубликованное к тому времени премированное обществом сочинение Беарде де Лабая, в котором автор предлагал постепенное освобождение крестьян.

Вопросу о крепостном праве Щербатов посвятил еще специально «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений» (написано в 1785 г., напечатано в «Чтениях общества ист. и древн. росс.», 1861 г., кн. 3, отд. 5, без подписи автора).

Печатаемое сочинение написано Щербатовым около 1768 г., когда появилась в печати работа Беарда де Лабая и когда в Вольное экономическое общество были приняты первые члены-иностранцы, на которых указывает Щербатов в первом абзаце своей записки. По видимому и псевдоним, которым подписана она — L'a. d. R. надо расшифровать по связи с автором критикуемой работы — L'abeille de Russie, т. е. русская пчела. Оригинал, написанный на французском языке, хранится в рукописном отд. Ленинград. публ. библ., № 572.

² По третьей ревизии (1762—1766 гг.) в Великороссии и Сибири было 3 774 919 душ мужского пола помещичьих крестьян и дворовых. Кроме того за владельцами разного звания, не имеющими деревень (духовенство и купцы), числилось 11 852, итого крепостных — 3 786 771. Всего же податного населения было в это время и в той же местности за вычетом купцов и цеховых — 7 153 890. Кре-

постные составляли 52,9% всех крестьян. Если для времени третьей ревизии принять население Великороссии и Сибири в 17 млн., то крепостные составят 44,5% всего населения. К сожалению цифровых сопоставлений к расчетам Щербатова о числе крестьян-неземледельцев привести невозможно (В. И. Семевский).

³ Десятина — мера площади земли, равная 1,09 га. Четверик — мера объемная для хлеба; по весу четверик в зависимости от вида и качества хлеба равен приблизительно от 12 (овес) до 20 (пшеница) кг. Восемь четвериков составляли четверть.

⁴ Можно указать следующие правительственные распоряжения о беглых, ближайšie ко времени этого сочинения: обширный указ Елизаветы от 13 мая 1754 г., послуживший основанием для решения дел о беглых, и ее же манифест 1759 г., объявлявший прощение беглым, если они возвратятся на прежние места, манифест Екатерины II от 13 мая 1763 г., по которому возвратившиеся беглые зачислялись в дворцовые волости с освобождением их на шесть лет от всяких податей, и др.

⁵ Из Центральной, или Великой, России, где гнет крепостничества был особенно велик, крестьяне бежали в середине XVIII в. не только в «царство Казанское», но и в Остзейский край, на Дон, Кавказ, в Нижнее Поволжье, Приуралье, Сибирь. Но особенно много бежало за границу, главным образом в Польшу. По словам дворянских депутатов в Екатерининской комиссии, из одной только Смоленской губернии было беглых в Польшу 50 тыс. душ обоого пола. Это обстоятельство явилось одной из причин для вмешательства русского правительства в дела Польши.

⁶ С аналогичными возражениями против наделения крестьян землей Щербатов выступал и в Екатерининской комиссии. В своей ответной речи на выступление Коробьина, высказавшегося за частичное наделение крестьян землей, он спрашивал:

«...Из каких земель им сию собственность дать и не разорительна ли она будет государству?» Ответствуя на эти вопросы, Щербатов говорит: «Большая часть земель еще из древних времен дана государями в оклады, а потом в вотчины дворянам за их верную службу отечеству...» «Не справедливо ли будет лишить сей корпус самих сих земель...», «дабы отдать их поданным, которые никогда к сему права не имели» (Соч., т. I, стр. 185—186, под ред. И. П. Хрущева, СПб 1896 г.). В своей работе «Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или зделать собственность имений» Щербатов привел целый ряд выписок из правительственных указов о закреплении крестьян и наделении вотчинами дворян и задавал вопрос, насколько «справедливо будет у владельцев, составляющих полезнейшую часть граждан государства, отнять и нарушить тем, не говорю основательные права Российского государства (ибо их нет), но основательные права естественного правосудия, те самые права, на коих все общества основны суть» («Чт. общ. ист. и др.», 1861 г., кн. 9, отд. 5, стр. 133).

⁷ Вилланами во Франции назывались крестьяне, лично свободные, но зависимые от помещика по земле, которую они держали в аренде, за которую они платили помещику оброк и отправляли барщину и другие натуральные повинности.

⁸ *Сеньер* (или сеньор) — земельный собственник в феодальном обществе, являвшийся вместе с тем государем зависевших от него людей, живших на подвластной ему земле.

⁹ Насколько русские крестьяне были «довольны» своими помещиками, видно из многочисленных побегов, отдельных выступлений и массовых восстаний крестьян. А в 1785 г. и сам Щербатов писал, что «...1767 год учинился примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных» («Размышления о неудобствах в России дать свободу земледельцам» — см. прим. 1, стр. 98—99).

¹⁰ Щербатов имеет в виду «Уложение» царя Алексея Михайловича. В X главе — о суде, § 94 — говорится о денежных взысканиях «за бой и безобразие», нанесенное представителям разных социальных групп. По расценке «Уложения», за бесчестие, нанесенное Строгановым, взыскивалось «по сту рублей человеку», «гостю» — по 50 руб и т. д.; «казенные слободы крестьянам» — по пяти рублей, «монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьянам за бесчестие и за увечья» взыскивалось по рублю за человека.

¹¹ Публикуется с рукописи, хранящейся в рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки (Эрмитажный, № 40). Написана в 1772/73 г. Рукопись представляет копию XVIII в. с немногочисленными поправками рукою Щербатова. Текст «Наказа» Екатерины II переписан полностью, но только на некоторые пункты «Наказа» Щербатов делает свои замечания. Причем сначала идет текст «Наказа», а затем замечания Щербатова. Статьи «Наказа», на которые Щербатов делает замечания, а также ссылки на Монтескье даются в сносках подстрочно. Пункты «Наказа», по которым Щербатов делает лишь ссылки на Монтескье без своих примечаний, даются здесь без комментария.

Примечания на «Наказ» были написаны Щербатовым в 1773 г., т. е. 6 лет спустя после его опубликования. («Наказ» был опубликован в 1767 г.) В них он уличает императрицу в литературном плагиате, восстанавливает цитаты из Монтескье, сознательно искажаемые и обрываемые Екатериной при составлении «Наказа»; упрекает ее в невыполнении обещаний «Наказа», касающихся расширения прав сената и необходимости «основательных законов», зло высмеивает положения «Наказа», пишет тирады против «самовластья» и «деспотизма», философствует и морализирует. Но во всех случаях при этом он остается убежденным крепостником и последовательным защитником прав и привилегий благородных. В своих примечаниях Щербатов указывает только на заимствования Екатерины из Монтескье; при этом он отмечает далеко не все заимствования, а о заимствованиях из Беккариа и других он и совсем не упоминает.

Сама Екатерина не скрывала компилятивности «Наказа», хотя преуменьшала размер своих заимствований из книги Монтескье «Дух законов» и книги Беккариа «О преступлении и наказании». По точным подсчетам Чечулина, из Монтескье Екатерина заимствовала 294 ст. и из Беккариа — 108 ст. Были заимствования и из других сочинений. Всего из числа 507 ст., содержащихся в первых двадцати главах, не считая 19 ст., составляющих только названия статей, заимствовано 408 ст., а из всех 631 ст. заимствовано 469 (см. «Наказ» Екатерины, изд. Академии наук, под ред. Чечулина, СПб 1907 г.).

Придирчивая критика «Наказа» Щербатовым отражает общую оппозиционность Щербатова в отношении екатерининской политики, причем в центре стоит вопрос о политической роли дворянства.

¹² *Монтескье Шарль-Луи* (1689—1755)— французский политический писатель либерального направления. Щербатов имеет здесь в виду труд Монтескье «L'esprit des lois» («Дух законов», Щербатов переводит «Разум законов»), вышедший в свет в 1748 г.

¹³ Щербатов совершенно неверно освещает суть опричнины. Она не была «начальным учреждением» стрелецкого войска, появившегося ранее опричнины, и вообще не имела никакого отношения к стрельцам. Опричнина — кульминационный пункт развернувшейся в XVI в. борьбы за утверждение крепостнической монархии, сопровождавшейся борьбой дворянства с боярством как двух прослоек господствующего класса феодалов за землю, крестьян и власть. Вопреки утверждению Щербатова, «что никто из благородных» в ней «не служил», именно дворяне и составляли основную массу опричников; были в опричнине даже и представители родовитых княжеских фамилий — кн. Аф. Вяземский, кн. Шуйские и др.

¹⁴ Реорганизация русских войск на иностранный манер началась при царе Михаиле, после польской и шведской войны, показавшей несостоятельность русских войск, организованных на старинный манер, и закончилась при Петре I организацией регулярных полков, введением обязательных рекрутских наборов и пр.

¹⁵ *Ровоам* — сын еврейского царя Соломона и наследник его царства. В ответ на требования народа облегчить его повинности Ровоам по совету своих приближенных увеличил требования и стал применять жестокие меры против ослушников. Результатом этого было восстание против Ровоама населения северной части Иудеи и отделение этой части в самостоятельное Израильское царство с царем Иеровоамом (около 980 г. до нашей эры).

¹⁶ *Руссо Жан-Жак* (Rousseau J. J.; 1712—1778) — известный французский писатель.

¹⁷ «Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют» был издан Петром I 28 февраля 1720 г. В регламенте всего 56 глав. Щербатов имеет в виду последнюю главу — «О исполнении вновь по объявленным указам и о доношении от коллегий, что усмотрят к пользе его величества и сенату». «Напоследи его величество объявляет: понеже содержание дел без возобновления в одной мере всегда быти не может, того ради, ежели что по изобретению дел вновь к сему прибавлено, и о том особыми указами объявлено будет, то по оным исполнять равным образом, как и сей регламент повелевает; и для того каждому коллегию, ежели что усмотрит к произведению какой государственной пользы, позволяется о том доносить его величеству, також и сенату с подлинными обстоятельствами на письме с приложением своей коллегии мнения» (П. С. З., т. VI, № 3534, стр. 159—160).

¹⁸ *Долгорукий Яков Федорович* (1633—1720), князь — политический деятель, один из ближайших помощников Петра I. В «Повреждении

нравов» Щербатов говорит: «В едином пириестве окружающие его (Петра I) вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что он более отца своего. Между таковых похвальных воплей единый князь Яков Федорович Долгоруков в молчании пребывал». Заметив это, Петр спросил его мнение. «Исчислил он (Долгорукий) все подробно, что Петр великий сделал для пользы отечества, изчислил его труды и подвиги» и сказал: «Коль велик он (Петр) есть во владыках земных; но... все сии труды, все сии установления не утверждают еще внутреннего спокойствия государства и безопасность гражданскую в жизни и в имениях; отец же твой.. при тихости нравов начиная многое, но паче всего что он сделал — Уложение, которое ныне по перемене обычаев перемены требует; когда окончишь ты все свои подвиги благими узаконениями, тогда справедливо можно будет сказать, что весьма превзошел твоего отца...» (Соч., т. II, стр. 161—162). Здесь же Щербатов сообщает об отмене Долгоруким двух решений Петра: «о привозе на переменных лошадях провианту в Петербург на армию и о набрании посохи на содержании народном для делания Ладожского канала» (там же, стр. 161). Щербатов часто останавливается на деятельности Долгорукого и всегда приводит его как образец «честного», «мужественного», «правдивого», «бескорыстного» вельможи. Между тем Долгорукий был уличен во взяточничестве. Долгорукий привлекает симпатии Щербатова своим независимым поведением при дворе и противопоставляется им екатерининским фаворитам.

¹⁹ В своей оппозиции екатерининскому правлению Щербатов выдвигает сенат, высшее правительство и «хранилище законов» в качестве своего рода дворянского парламента — «вельмож совета». Сенат должен состоять исключительно из родовитого дворянства и охранять его политические привилегии. Щербатов неоднократно старается обосновать эту свою политическую программу историческими ссылками на петровскую традицию, в разрыве с которой он обвиняет Екатерину II. В этих выпадах нередко сказывается и уязвленное личное самолюбие обойденного милостями Щербатова, который сам был членом сената (см. примечание 67).

Почти во всех своих значительных произведениях Щербатов упрекает Екатерину за ограничение прав сената, за предоставление неограниченной власти генерал-прокурору, за наполнение сената людьми «подлого состояния», «выскачками и льстецами», как Самойлов, Потемкин и др. В своем предсмертном сочинении «Оправдание моих мыслей...» Щербатов писал по поводу сената и сенаторов: «Охуляю я правительство, стесненный сенат властью генерал-прокурора... Охуляю я и вельмож и правителей: охуляю их ленность... безпечность... нечувствительность о благе государства... их роскоши и сластолюбие, которые, не взирая на великие им чинимые даини от короны, не взирая на их взятки и на продажу правосудия, удовлетворяться не могут» (Соч., т. II, стр. 263—265).

²⁰ Пушкины братья — Сергей (капитан) и Михаил (член мануфактур-коллегии, коллежский советник) — указом от 25 октября 1772 г. за подделку фальшивых ассигнаций приговорены сенатом к смертной казни, замененной Екатериной II для Михаила — вечной ссылкой на жительство в дальних сибирских местах, а для Сергея — вечным заключением (П. С. З., т. XIX, № 13890).

²¹ Гольбах Поль-Анри (1723 — 1789) — французский философ-материалист. Здесь Щербатов цитирует его «*Système de la nature*» (1770).

²² Ликург — легендарный спартанский законодатель, о личности и деятельности которого нет никаких точных сведений. Ему приписывалось составление всех предписаний, определявших общественный строй и частную жизнь спартанцев.

²³ Карл I (1600—1649) — английский король, казненный во время первой английской революции.

²⁴ Генрих IV (1553—1610) — король Франции, первый из династии Бурбонов. Буржуазная традиция создала Генриху IV славу «добродетельного» монарха, заботившегося о народном благополучии.

²⁵ Тагищев Алексей Данилович (1697—1760) — денщик Петра I. В царствовании Анны жил при дворе и поставлял для развлечения императрицы шутов и шутих. Ему принадлежит идея ледяного дома и женитьбы придворного шута князя Голицына на калмычке Бужениновой. Во время службы генерал-полковником (1742—1760) изобрел и применял на деле особую машинку для клеймения преступников словом «вор»; если же клейменный преступник впоследствии оказывался оправданным, то он добавлял «не» и тогда выходило: «не вор».

²⁶ Петр открыл доступ в дворянство через личную выслугу представителям низших сословий: дослужившись до офицерского чина, они получали дворянское звание. В собственноручном указе от 16 января 1721 г. (известная «Табель о рангах») Петр писал: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство». Прослужившие не менее семи лет в армии имели право покупать деревни, дворы и лавки. Ко времени Екатерины II это новое, или петровское, дворянство представляло силу, конкурирующую со старым потомственным дворянством, к которому принадлежал Щербатов. Столкновения между этими двумя группами особенно резко проявились в Екатерининской комиссии 1767 г. в выступлении Якова Козельского, депутата днепровского пикинерного полка, и кн. Щербатова (Соч., т. I, стр. 86—88). Козельского единодушно поддерживали депутаты от малороссийского и сибирского дворянства, казачьих войск и однодворцев. Энергичные попытки Щербатова добиться от комиссии отмены указа Петра I о получении дворянства за выслугу не увенчались успехом. К этому вопросу Щербатов часто возвращается и в других своих произведениях, в частности в своих записках «О повреждении нравов в России», где он порицает Петра I за то, что тот открыл свободный доступ в ряды русской аристократии представителям низших сословий: «...введенная регулярная служба, в которую, вместе с холопами их, писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые, по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бывали их палками» (Соч., П. 1898 г., т. II, стр. 164). «...Стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги; итакo каждый стал добиваться чинов...» (там же). Хотя при Петре и были случаи производства дворян из холопов, но конечно не это определяло существо вопроса, особенно в середине

XVIII в., и этими выпадами Щербатов стремится лишь заострить свою аргументацию.

²⁷ Указом от 1721 г. Петр I разрешал приобретать деревни к фабрикам и заводам лицам недворянского происхождения: «...для размножения... заводов, как шляхетству, так и купецким людям, к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения берг и мануфактур-коллегии токмо под такую кондицією, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно» (П. С. З., т. VI, № 3711). В 1740 г. велено было выключить из фабрикантов тех, у кого фабрики окажутся «не в надлежащем содержании», а купленные к фабрикам деревни описать на государыню. Указ от 1752 г. точно определял, в каком количестве можно покупать крестьян к заводам. Петр III указом от 29 марта 1762 г. запретил покупку деревень и людей к фабрикам и заводам: «...отныне к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми». Этот указ подтвердила и Екатерина по вступлении на престол. В Екатерининской комиссии 1767 г. вопрос о покупке крестьян к заводам вызвал оживленные споры между депутатами от дворянства и торгово-промышленной буржуазии. В своих ответных речах на выступления депутатов от купечества Щербатов предлагал: «...обретающихся уже на фабриках приписных людей переписать и более фабрикантам покупать запретить...» (Соч., т. I, стр. 99). При этом князь мрачными красками рисовал положение рабочих на купецких фабриках. Делегаты от купечества всячески домогались разрешения покупать крестьян к фабрикам и заводам для личного пользования и отдачи в рекруты. Екатерина не удовлетворила просьбу купцов, и право покупать крепостных, за немногим исключением, осталось только за потомственным дворянством.

²⁸ Беккариа Чезаре (1738—1794) — политический писатель-рационалист, автор трактата «О преступлениях и наказаниях», который оказал большое влияние на европейское законодательство. X гл. «Наказа» (об обряде криминального суда) списана Екатериной с трактата Беккариа (см. примечание 11). В своей статье «Размышление о смертной казни» (1788 г.) Щербатов, разобрав доводы Беккариа о ненужности смертной казни, нашел, что «...онные не сообразны (для России) со многими обстоятельствами и слабость показывают...». В заключении статьи он приходит к выводам о необходимости смертной казни (см. примечания 29 и 30).

²⁹ Указами от 18 июня 1753 г. и от 30 сентября 1754 г. императрица Елизавета «натуральную смертную казнь» заменила следующими наказаниями: всем преступникам, осужденным на смертную казнь, «чинилось жестоко кнутом наказание»; после этого, «вырезав ноздри, им ставили три кляйма на лице: «на лбу В, а на щеках—на одной О, а на другой Р»; «...а которые, — говорилось в указе, — осуждены будут на политическую смерть, таким чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей и по учинении им того наказания, заклепав в кандалы, сылать до указа в тяжкую работу в Рогервик и в прочие места» (П. С. З., т. XIV, №№ 10305 и 10306). Но после такого наказания «сылать в работы» приходилось уже немногих, так как большинство не выдерживало

наказания кнутом и умирало или на месте, или по пути в ссылку. В упомянутой выше статье «Размышления о смертной казни» Щербатов считал, что «битье кнутом... иногда без счету, а иногда со счетом ударов от трех сот и более... есть наказание мучительней самой смертной казни».

Уликая правительство в отмене смертной казни лишь на бумаге, Щербатов высказывался за введение смертной казни, которая «в единый миг» производится. Хотя для наказания «злодея Пугачева» отсечение головы он считал недостаточным и был недоволен тем, что его живого не пятерили, Щербатов считал, что императрица Елизавета отменила смертную казнь «не на основании системы человеколюбия, но по единой набожности...». Она выполнила свое клятвенное обещание, данное ею при восшествии на русский престол.

³⁰ В статье «Размышления о смертной казни» (Соч., т. I, стр. 427—455) Щербатов считал, что преступники, достойные смертной казни, следующие:

«Бунтовщик, злодей государственной и исполнивший измену...»

«Убийца родителей своих, мужоубийца и женоубиец...».

«Разбойник, силою разбивающий на пути, или входящий в дом и с мучением умерщвляющий людей...».

Убийца с умыслом («Всякое убийство, в доме ли, или где инде учиненное с умыслом...»).

По отношению же к учинившим убийство в драке, «где не было намерения», и к «девам, погубившим свое дитя», Щербатов предлагает ограничиться ссылкой их на несколько лет, хотя они и «достойны смертного наказания».

³¹ Государственные крестьяне платили в казну подушный сбор (одинаково с крепостными) в размере 70 коп. с души и оброк, установленный при Петре в 40 коп., повышенный в 1760 г. до рубля и доведенный указом 13 ноября 1768 г. до 2 руб. с души.

³² «Кормчая книга» — сборник церковного права, содержащий церковные установления (каноны) и законы византийских императоров по церковным вопросам. Появились такие сборники в Византии в VI—IX вв. На Руси они известны с самого принятия христианства русскими верхами. В XVIII в. — до 1787 г. — пользовались «Кормчей» в издании патриарха Никона 1653 г. Один из разделов «Кормчей» посвящен установлениям о браке.

³³ Воспитательные дома были организованы в 1763—1764 гг. — в Москве, в 1770 г. — в Петербурге. В них принимали подкидышей и детей, «засорно рожденных». Питомцы воспитательных домов были вольными. С целью оградить их от закрепощения им выдавались при выпуске из воспитательного дома паспорта на известный срок, по истечении которого державшие их у себя должны были ежегодно платить 200 руб. сиротам. Также было предоставлено право питомцам воспитательных домов поступать по достижении совершеннолетия на «службу ее величества» или зачислиться в купцы или мещане. При женитьбе их на крепостной жена и дети их делались вольными; если же воспитанница дома выходила замуж за крепостного, она оставалась лично свободною, а муж ее не освобождался от неволи.

В соч. «О повреждении нравов в России» Щербатов отрица-

тельно относится к учрежденному Екатериной II «Сиропитательному дому», где «...множество малолетних померло, а и поныне через двадцать с лишком лет мало или почти никого ремесленников не вышло...» (Соч., т. II, стр. 239).

³⁴ К вопросу о падении курса русского рубля Щербатов возвращается и в своей статье «Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 года». В числе причин исчезновения серебряной монеты и падения курса рубля он считает следующее: 1) уменьшение веса рублевиков, выпущенных при Екатерине I и Елизавете; 2) убавление на $\frac{1}{4}$ веса монеты Петром III; 3) великие награждения, выданные Екатериной участникам, «учинившим возмущение» против Петра III; 4) «умножение двора», роскоши при нем и «сластолюбия вельмож»; 5) содержание русских войск, находившихся в Пруссии и Польше; 6) скупка серебра евреями; 7) расторжение договора с Англией на поставку 40 тыс. войск по ее первому требованию (за что она ежегодно уплачивала России два миллиона рублей); 8) прекращение китайского торга; 9) бегство калмыков из России в Китай и наконец 10) денежные плутни «корыстолюбивых менял» и заводчиков медных и серебряных рудников. «И тако потеря на выписные товары, — писал Щербатов, — стоит 38 копеек» (на каждый рубль). «В таком государстве, где все, что мы носим, чем дома украшаем, и многое, что надлежит до наших столов, должны чужестранное покупать...» (Соч., т. I, стр. 696 — 697).

³⁵ Юм Давид (1711—1776) — английский философ и ученый. Сочинение, на которое ссылается Щербатов, вышло в 1741—1742 гг.

³⁶ Публикуется с подлинной рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а за № 934. Здесь же хранится копия. Написано в 1773/74 г., более точно установить дату не удалось.

В своем утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую господина С... шведского дворянина», написанном в 1783/84 г. (Соч., т. I), Щербатов усиленно пропагандирует идею военных поселений. Военные силы «Офирии» состояются: из «неподвижных городских гарнизонов» (комплектующихся из «раненых, выслуживших срок службы солдат и детей солдатских») и полевых команд (организованных из поселенных крестьян). Действительная служба начинается с 17 лет и продолжается до 60-летнего возраста. Военизация же начинается с 12-летнего возраста, и уже в сельской школе детей приучают постепенно к «военному искусству» (караульная служба, казарменная обстановка и пр.).

Полевые войска организованы на границах. Полки состоят из 12 рот, а каждая рота составляет селение; $\frac{2}{3}$ военного населения занимаются хлебопашеством, а $\frac{1}{3}$ отбывает военную службу по охране границ; в случае же войны все военнообязанное население становится под ружье. Общие военные сборы производятся 2 раза в месяц и 3-недельный сбор — один раз в год. Кроме хлебопашества в военных поселениях развито всевозможное «грубое» ремесло. В каждом полку четыре начальника. На содержание полковника работает весь полк 2 дня в году, на его заместника 2 дня в году работает половина полка, на начальника роты 2 дня в году работает рота. За всем необычайно строгий надзор: военные начальники и духовенство регламентируют все поступки и поведение во-

енных поселян и вмешиваются в их личную жизнь. «Главное правило нашего правления,—говорит Щербатов устами офираца Агиба,—есть из самых страстей и слабостей человеческих извлекать пользы государству...» (Соч., т. I, стр. 912—913). Пользы же от поселенных войск суть следующие:

- 1) освобождение помещиков от рекрутских наборов;
- 2) благосостояние военных людей, которые, по мнению Щербатова, «живут в великом достатке», а тем самым уменьшается государственный расход на последних;
- 3) хорошо обученные войска, с детства приученные к оружию;
- 4) храбрость солдат во время войны, так как последние сражаются «яко искусные воины, имеющие собственность и защищающие свое имение»;
- 5) польза государству от умножения ремесел и земледелия;
- 6) наличие укрепленных мест в случае «внутреннего беспокойства» (намек на пугачевщину), и
- 7) возможность дополнительного самоснабжения солдат за счет своих средств (деньги, питание и обмундирование) во время войны в случае недостатка государственных.

³⁷ Первая турецкая война (1768—1774) явилась началом грандиозных захватнических операций, проводившихся Екатериной II в интересах помещиков, которым она должна была отдать в эксплуатацию богатые черноморские степи. Но войны потребовали чрезвычайного напряжения сил. Большие денежные затраты покрывались путем увеличения податного гнета на крестьян. Войска пополнялись путем частых рекрутских наборов, лишавших дворянские вотчины рабочих рук. Эти последние обстоятельства определили критическое отношение к екатерининской военной политике идеолога крепостников Щербатова. «Счастливая в действиях, но более стоящая, нежели какая прежде бывшая война»,—говорит он в записках «О повреждении нравов» (Соч., т. II, стр. 240). За три года было взято 327 тыс. рекрут («О турецкой войне», Соч., т. II, стр. 69), а вся война «окроме денег более 500 тысяч народу истребила» (там

С турецкими войнами связаны три специальных публицистических выступления Щербатова: «О турецкой войне», «Примечания для предбудущие турецкие войны» и «Ответ на вопрос: что думать следует о поступке нашего двора в рассуждении нынешней турецкой войны, какое действие она соделала к произведению шведские войны, и прочем, тому подобном» (Соч., т. II).

³⁸ Под угрозой «третьей войны» Щербатов имеет в виду намерение шведского короля Густава III объявить войну России в разгар первой турецкой войны и крестьянской войны («пугачевщины»). Этой войны боялась Екатерина II, так как вся армия находилась на юге, а все внутренние резервные войска были посланы на подавление крестьянского движения.

³⁹ Под «земскими войсками» Щербатов, очевидно, имеет в виду старинных стрельцов и городских казаков. Последние имели свои дворы и пахотные земли. Стрельцы жили в городах отдельными слободами, каждый своим домом, имели свое хозяйство, промышляли и торговали. Правительство предоставляло стрельцам некоторые торговые льготы.

⁴⁰ «Штабные дворы», или, вернее, полковые дворы, были организованы Петром I в 1724 г. для войск, поселенных по указу от 5 февраля 1722 г. (в Ингерманландии, Карелии, Лифляндии и Эстляндии). Для размещения постоянного войска сначала было положено построить слободы, в которых сделать «сержанту каждому по избе, прочим унтер-офицерам двоим одна, рядовым — троим одна ж, и ставить в тех слободах не меньше капральства и не больше роты; в каждой роте сделать обер-офицерам двор, в котором бы было две избы: офицерам с семьями и одна изба людям; также в середине полка сделать штабу двор восемь изб; при том дворе шпиталь...» (Соловьев С. М., История России, книга IV, стр. 776). Но указом от 4 декабря 1724 г. Петр повелевал: «...в тех местах, на которых они расписаны, слобод не строить, а сделать для житья офицеров и земскому комиссару полковые дворы...» (П. С. З., т. VII, № 4611).

⁴¹ Императрица Анна Иоанновна была родной дочерью царевича Иоанна Алексеевича. Как старший брат царевич Иоанн по праву старшинства должен был наследовать русский престол по смерти Федора Алексеевича (1682 г.), но по слабоумию и физической хилости был отстранен партией Нарышкиных, проводивших в цари Петра. В результате организованного Софьей восстания стрельцов (6 мая 1682 г.) объявлены были царями оба брата. Иоанн Алексеевич в делах правления никакого участия не принимал; умер в 1696 г.

⁴² Бирон Эрнст Иоган (1690—1772) — фаворит императрицы Анны, занимавший во время ее царствования положение всемогущего временщика; герцог Курляндский. После смерти Анны (17 октября 1740 г.) был назначен регентом при малолетнем Иване Антоновиче. Не имея поддержки ни в одной из дворянских группировок, был арестован (в ночь на 9 ноября 1740 г.) и сослан в Пелым. При Анне наделенный неограниченными правами, Бирон круто расправлялся с представителями русской знати (Голицыны, бр. Долгорукие). Для Щербатова Бирон являлся ярким типом «временщика» и «высочки», «пронырством и шильничеством» добившегося высокого положения при дворе. В «Повреждении нравов» Щербатов посвятил немало ядовитых строк Бирону.

⁴³ Под «немецким окружением» Щербатов имеет в виду Бирона (см. примечание 42), Остермана А. И., руководившего при Анне внешней и внутренней политикой России, фельдмаршала Миниха и обергофмаршала Левенвольда и видит в их политическом влиянии ущемление сословных прав российского родовитого дворянства. Таким образом Щербатов выступает здесь родоначальником националистических настроений дворянско-буржуазной историографии, писавшей о немецком засилии при Анне и идеализировавшей национальное «русское» направление в политике Елизаветы, «дщери Петровой». Надо сказать, что оба утверждения — иностранного засилия при Анне и его упразднения при Елизавете — равно условны и тенденциозны.

⁴⁴ «Штабные дворы» уничтожила не Анна, как ошибочно сообщает Щербатов, а Екатерина I указом от 4 февраля 1727 г. Уничтожение это мотивировалось тем, что дальность расстояния (50—100 верст) поселенных солдат от их офицеров не дает возможности осу-

шествить повседневный присмотр за солдатами, которые «своевольствуют», обижая помещиков и крестьян, убегают из армии, и что на «содержание полковых дворов и солдатских квартир потребны большие денежные расходы». «Оные полки, — говорилось в указе, — селить при городах, а лучше при тех, которые прилегли к границам... по примеру тому как... Бутырский и Лефортовский были поселены...» (П. С. З., т. VII, № 5017). А указом от 10 июля того же года Екатерина I издала расписание, какие полки селить при каких городах, исключая Малороссию (П. С. З., т. VII, № 5117).

⁴⁵ «Ланцмилиция», или пограничные войска, была организована в 1731 г., сначала на Украине 20 полков (16 конных и 4 пехотных), комплектовалась из «прежних служб городовых дворян и прочих служивых людей...» (П. С. З., т. VIII, № 5673), затем в 1732 г. 10 полков по линии от Донца к Днепру, на протяжении 120 верст, и на Закамской линии (П. С. З., т. VIII, №№ 5673, 5997 и 6147).

⁴⁶ В 1752 г. была дана привилегия на земли на Украине (на правом берегу Днепра) сербу Хорвату, который поселил здесь 16 тыс. австрийских сербов и венгерцев и образовал из них два полка — гусарский, прозванный по его имени Хорватским, и пехотный под названием Пандурский. Кроме Хорвата в Бахмутской провинции получили земли для поселения войск сербские выходцы — Шевич и Деперадович. Район, занятый новыми поселенцами, получил название Славяно-Сербии.

⁴⁷ «Пикинерные» пехотные полки, вооруженные пиками, были сформированы в 1764 г. и поселены в Новороссийской губ. Для их поселения было повелено отводить «...самые лучшие и выгоднейшие при реках места...». Пикинерные полки (четыре) составлены из бывших гусарских, поселенных в Славяно-Сербии; в 1766 г. прибавилось еще два полка, сформированных из казаков и поселенцев Запорожской Сечи. В 1783 г. пикинерные полки были переформированы в три легкоконных полка.

⁴⁸ Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — генерал-фельдмаршал, активный участник прусской войны (1757—1762); в 1761 г. командовал отдельным корпусом и взял Берлин, обложив его огромной контрибуцией. Вдохновитель и активный участник насильственного присоединения Белоруссии. Вице-президент военной коллегии; во время усмирения восстания яицких казаков (1772) издал ряд жестоких распоряжений. Наместник Белоруссии. В 1782 г. — главнокомандующий города Москвы и губернии. До 1782 г. Щербатов с похвалой относится к деятельности Чернышева, считая его «разумным» и «усердным к своему отечеству» человеком. В период деятельности Чернышева в качестве главнокомандующего Москвы отношение Щербатова становится резко отрицательным, что объясняется видимо прежде всего включением Чернышева в число екатерининских фаворитов.

⁴⁹ Эта цитата взята Щербатовым из его перевода «Естественной политики» Гольбаха из IV беседы — о подданных, § 21 — о войсках. К основной мысли автора Щербатов прибавляет от себя целые фразы и отдельные выражения. Буквальный перевод таков: «Если бы сословия народные сокращались на выгодах, которые природа им дает, если бы они взаимственно друг друга оставляли пользоваться данными им в удел благами, то бы не было ничего бесполезнее, как

содержать с ущербом и размножения народа многочисленные воинства граждан, которых воины истребляют или коих руки пребывают праздны во время большей части их жизни» (лл. 145 об. — 146). Подлинник щербатовского перевода «Естественная политика» хранится в рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки, копия — в архиве ГИМ'а (архив, № 934).

⁵⁰ Печатается с поздней (XIX в.) копии, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934). Подлинник этой рукописи не обнаружен.

⁵¹ Шафиров Петр Петрович (1669—1739) — известный дипломат и государственный деятель петровского времени.

⁵² Печатается с подлинной рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а (№ 934). Оригинал в плохом состоянии, местами истлел и в истлевших местах порван. Копия этой статьи хранится там же.

⁵³ В 1775 г. 17 марта по случаю заключения мира с Турцией Екатерина II в особом манифесте «высочайше даровала разным сословиям» «сорок семь милостей», которые, по выражению мемуариста этого времени Винского *, «не стоили ни одной дельной».

В § 46 манифеста говорилось: «Всем отпущенным от помещиков с отпускными на волю дозволяем как ныне, так и впредь ни за кого не записываться, а при ревизии должны они объявить, в какой род нашей службы... войти желают...» (П. С. З., т. XX, № 14275, стр. 86). Этот пункт манифеста и имеет в виду Щербатов. Манифест был издан правительством в то время, когда волнения крестьян еще не совсем улеглись после пугачевского восстания. Незначительными льготами Екатерина II хотела смягчить невыгодное впечатление террора и доказать свое «мягкосердие» в отношении земледельцев.

⁵⁴ Щербатов отрицательно относится к вольным ремесленникам и учреждению цехов. Это объясняется тем, что учреждение цехов должно было ограничить ремесленную деятельность крепостных, продукция которых становилась крупной статьей крестьянского торгова и важной статьей оброчного обложения в помещичьем хозяйстве. «Множество дворян, — говорит он в статье «Размышления о законодательстве вообще», — с немалым себе убытком изучили ремесленников, которые можно сказать и лучшие есть; они и благонаравием своим и искусством большую часть ремесленников-мещан превосходят», а к тому же «семь месяцев продолжающаяся зима» не должна для крестьян проходить в праздности (Соч., т. I, стр. 411).

⁵⁵ Печатается с подлинной рукописи Щербатова, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке за № 66а (Эрмитажной библиотеки); этот номер представляет собою том в 4°, в картонном переплете следующего содержания: 1) печатный текст «Учреждения для управления губерний всероссийской империи» (стр. 1—215), изданный в Москве 7/XI 1775 г., которому предшествует печатный манифест Екатерины II от 12/XI 1775 г. об упорядочении провинциального управления (на 3 листах), и 2) печатная ведомость «Примерный штат Тверской губернии» (с 11 уездами) с таблицами денежных окладов чиновников управления, изд. в Москве 1/XII 1775 г.; в 1°, на 10 стр., сложенных по формату тома.

* Автор «Записок», напечатанных в «Русском архиве» за 1877 г., кн. 1—2, и изданных затем отдельно.

К печатному тексту у *Щербатов* вплетены чистые листы бумаги (с водяным знаком «Pro patria»). Рукопись *Щербатова*, являющаяся замечаниями на «Учреждения для управления...», писана на 1-м переплетном листе тома (л. 1), на обороте титульного листа к «Учреждениям» (л. 2 об.) и на первых 4 листах чистой бумаги, вплетенной в том. Остальные листы чистой бумаги, вплетенной в том, остались *Щербатовым* неиспользованными. Описанный том является повидимому рабочим экземпляром *Щербатова*.

⁵⁶ 84-я статья «Учрежд. о губ.» помещается в главе IV — о должности главнокомандующего в отсутствии императорского величества *государева наместника*. В ней сказано: «Как (главнокомандующему) *государеву наместнику* благочиние или полиция гражданская и сельская подчинены, то он имеет пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, безпутства, мотовство, тиранство и жестокости» (П. С. З., т. XX, № 14392, стр. 236).

⁵⁷ *Сен-Пьер* (Saint-Pierre Charles-Iréné; 1658—1743)—аббат, видный французский писатель, публицист первой половины XVIII в. Он выступил в 1713 г. с пацифистским проектом организации общеевропейского третейского суда в целях ликвидации военных столкновений и поддержания вечного мира. В сочинении «Discours sur la polysynodie» (1718) он дал резкую критику насильнической политики *Льдовика XIV* (за что был уволен из Академии) и предлагал вместо министров создать советы (сам термин «полисинодия» буквально может быть передан как «многосоветие»). В сочинении «Observation politiques sur le gouvernement des rois de France» *Сен-Пьер* снова возвращался к критике королевского режима. Этой стороной своей публицистики аббат видимо и привлек к себе внимание *Щербатова*.

⁵⁸ Посылая *Фридриху II* экземпляр «Наказа» на немецком яз., *Екатерина II* в письме от 17 октября 1767 г. писала, что при составлении «Наказа» она поступила как «ворона басни, сделавшая себе платье из павлиньих перьев». Затем она просила короля сообщить ей свое мнение о «недостатках этого уложения». В ответном письме от 26 ноября 1767 г. *Фридрих*, сравнивая *Екатерину* с *Ликургом* и *Солоном*, в качестве недостатка отмечал отсутствие в России достаточного количества грамотных судей. «Прекрасные законы, — писал он, — составленные по правилам, начертанным вами, нуждаются в законооведах, чтобы быть приведенными в исполнение в вашем обширном государстве» (Сб. Рус. ист. о-ва, т. XX, стр. 239). Дальше *Фридрих* советует *Екатерине* «...основать Академию прав, чтобы образовать там людей, предназначенных на судебные места...». Это место из письма *Фридриха* и имеет в виду *Щербатов* в своих замечаниях.

⁵⁹ *Пенелопя* — жена *Одиссея*, героя *гомеровской поэмы*. Желая отделаться от женихов, добивавшихся ее руки в отсутствии пропавшего без вести мужа, она обещала решить вопрос о замужестве по окончании работы над хитомом для отца, но вытканное за день она распускала ночью.

⁶⁰ «Предводители дворянские» введены указом от 14 декабря 1766 г., данным по случаю «учреждения в Москве комиссии для сочинения проекта Нового Уложения...». В разделе «В» (§ 11—17) уста-

навливалось звание дворянских предводителей, порядок их выбора, преимущества и должность. Предводители избирались в каждом уезде сроком на 2 года, в возрасте не моложе 30 лет, при условии владения деревней. Они должны были руководить выборами дворян в комиссию 1767 г. и явиться опорой верховной власти на местах (П. С. З., т. XVII, № 12801). После губернских реформ Екатерины II (1775 г.) и «жалованной грамоты» дворянству (1785 г.) предводители дворянства, губернские и уездные, стали постоянным институтом. Они выбирались на 3 года на съездах дворян всей губернии, являлись руководителями дворянских обществ и участниками совещаний при губернских и уездных учреждениях, где выступали защитниками интересов дворянства.

⁶¹ По «Учреждению о губ.» (гл. II — о чинах) дворянский предводитель, «...буде чина выше того не имеет, считается в 7 классе зауряд пока в должности пребывает...» (П. С. З., т. XX, стр. 234). Между тем по положению 1766 г. дворянский предводитель не награждается чином, если он не имел его до избрания, а в письменных и устных обращениях его скромно называли «почтенным», хотя тогда он был более самостоятелен, чем после губернских реформ.

⁶² Печатается с копии, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934). Подлинника этой статьи нет. Статья написана по случаю смерти жены цесаревича Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской (умерла от родов 15 апреля 1776 г.). Спустя 5 месяцев (26 сентября 1776 г.), Павел женился второй раз — на принцессе Виртембергской Софье-Доротее, названной после принятия ею православия Марией Федоровной. В промежуток этого времени (май—сентябрь 1776 г.) и была написана статья.

⁶³ Филипп IV (1621—1665) — испанский король, родная дочь которого Мария-Тереза была замужем за Людовиком XIV, королем Франции, воевавшим с Филиппом IV за «испанское наследство».

⁶⁴ Испанский король Филипп V — внук Людовика XIV.

⁶⁵ Имеются в виду параграфы 480 и 482 XX главы «Наказа в комиссию о составлении проекта Нового Уложения». В первом сказано: «Слова не вменяются никогда во преступление, разве оные приуготовляют или соединяются, или последуют действию беззаконному...»; во втором: «Итак, слова не составляют вещи, подлежащей преступлению; часто они не значат ничего сами по себе...» («Наказ» Екатерины II; М. 1796 г., стр. 168—170).

⁶⁶ Щербатов имеет в виду вторую женитьбу Петра I — на дочери литовского крестьянина Самуила Скавронского. Марта (девичье имя императрицы Екатерины Алексеевны) после неудачного замужества за шведским драгуном поступила в прислуги к пастору Глюку в городе Мариенбурге. По взятии Мариенбурга русскими она была в услужении у графа Шереметева, затем перешла к Меншикову, где и встретилась с Петром I. Сердечная связь Петра I с «пленной подданной» началась задолго до официального брака, совершенного 19 февраля 1712 г.

⁶⁷ Печатается по списку, хранящемуся в Архиве ГИМ'а. Подлинник этого сочинения не обнаружен. В Архиве хранится копия, написанная четкой писарской рукой, размером в 7 страниц большого

формата. Как видно из содержания, статья эта написана вскоре после 22 сентября 1777 г., когда «были сделаны» тайные советники и сенаторы Неплюев Н. И. и Самойлов П. С., меж тем как старший их по службе Щербатов, находившийся в то время при сенате в должности герольдмейстера, оставлен в прежнем чине камергера. Очевидно, Щербатов записал свое «приключение» в октябре (6 октября упоминается). Публикуемая статья проливает яркий свет на взаимоотношения Щербатова и Екатерины II.

Екатерина недолго любила Щербатова за его оппозиционность, за обличительные выступления против ее двора, за желание ограничить «деспотизм» Екатерины дворянским «вельмож советом». Екатерина держала Щербатова в отдалении, обходила чинами и пр. Чин сенатора, о котором Щербатов давно мечтал, он получил на старости лет и мало обрадовался запоздалому повышению. «Получил я известие о пожаловании меня в сенаторы,— писал он кн. Андрею Ник. Щербатову 7 января 1779 г.,— не знаю, милостивый государь, должен ли я радоваться или печалиться...». Исчислывая расходы, связанные с переездом со всей семьей из Москвы в Петербург, ссылаясь на старость и болезнь, он просил своего родственника «...предупредить сие зло...» и исходатайствовать ему возможность «в Московских депутатских остаться...» (Неопубликованные письма, Инст. русск. лит. при Ак. наук, № 22294).

⁶⁸ Герольдмейстер — руководитель «герольдии» (при сенате), ведавший составлением списков дворян, их чиновпроизводством и пр.

⁶⁹ В «комиссии о коммерции» Щербатов был назначен в 1768 г.

⁷⁰ Над сочинением «Российской истории» Щербатов работал с 1760-х годов. Первый том вышел в свет в 1770 г. (в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук), второй — в 1771 г., третий — в 1774 г.

⁷¹ Первая часть журнала Петра великого была издана в 1770 г., вторая — в 1771 г. и третья — в 1772 г. «Царственная книга» — это летопись царствования царя Иоанна Васильевича; под второй «царственной книгой» разумеется «царственный летописец, содержащий Российскую историю от 6621 (1114) году... до 6980 (1772) году...», изд. Щербатовым в 1772 г.; «История императора Петра великого от рождения его до Полтавской баталии», сочиненная Феофаном Прокоповичем, издана Щербатовым в 1773 г.; «Летопись о многих мятежках», изд. в 1771 г. (СПБ, 8°), «Письма Петра Великого», или «Записные тетради Петра», были изданы в 1774 г. (СПБ, 4°).

⁷² История о самозванцах, или «Краткая повесть о бывших в россии самозванцах», была издана в 1774 г. и написана Щербатовым по заданию Екатерины II в связи с пугачевским движением. В ней Щербатов дает краткий очерк всех бывших в России самозванцев и особенно подробно останавливается на названном Дмитрие. В этой работе Щербатов, говоря о прошлом, все время имеет в виду настоящее (пугачевщину): «...подлый народ, — пишет он, — не входя в государственные обстоятельства и по большей части недовольный настоящим своим состоянием, всегда ожидающий в перемене лучше оное найти...» («Краткая повесть о бывших в России самозванцах», СПБ 1774 г., стр. 40).

⁷³ В комиссию для сочинения нового уложения Щербатов был избран в марте 1767 г. депутатом от ярославского дворянства. За

время работы комиссии составил проекты: «О разборе дворянства», «О среднем роде жителей в Российской империи». Сделал предложение в комиссию «О способах лечить крестьян». Написал рассуждение «Полезно ли Российской империи, чтобы деревни между дворян обращались». Подал десять «голосов», т. е. сделал десять публичных выступлений на заседаниях комиссии. Выступления Щербатова в комиссии, его проекты и другие материалы, связанные с работой комиссии, напечатаны в Соч., т. I, стр. 1—218.

⁷⁴ Неплюев Николай Иванович (1731—1784) — вице-президент коммерц-коллегии в 1763 г., с 1777 г. назначен сенатором (не смешивать с Иваном Неплюевым, ретивым проводником царской колониальной политики в Башкирии). О Самойлове ничего не известно.

⁷⁵ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — фаворит Екатерины II. Происходил из мелкопоместных дворян, выдвинулся, занимал ряд крупных административных и военных должностей, был участником всех войн екатерининского царствования и вдохновителем колониально-захватнической политики; был объектом особой вражды и нападок Щербатова.

В «Повреждении нравов», говоря о «деспотизме» и «самовластии» Потемкина, Щербатов пишет, что он «не токмо всю армию по военной коллегии под властью своей имеет, но и особливую опричную себе дивизию из большей части армии сочинил, а нерегулярные все войска в опричину себе прибрал» (Соч., т. II, стр. 216). В другом месте он говорит о роскоши и обжорстве Потемкина: «...любовник, оставшись всемогущим ее другом, князь... Потемкин не токмо прихотлив в еде, но даже и обжорлив... А... дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолепие в столах...» (там же, стр. 234—235).

Для Щербатова неограниченная власть Потемкина являлась ярким выражением того «деспотизма» Екатерины II, против которого он не переставал выступать во всех своих публицистических статьях.

⁷⁶ Сиверс Яков Ефимович (1731—1808) — граф, государственный деятель екатерининского времени, новгородский губернатор (1764 г.), активный участник комиссии 1767 г. для сочинения нового уложения, член Вольного экономического общества, автор многочисленных проектов по управлению губерний Российской империи и участник губернских реформ Екатерины II. В 1776 г. Сиверс был назначен наместником новгородским, тверским и псковским.

^{76а} Рекетмейстер, или генерал-рекетмейстер (у Щербатова «регентмейстер») — чиновник, принимающий жалобы и челобитные на неправильные решения и действия административных и судебных органов. Дела решались по докладу царю. Должность рекетмейстера была учреждена Петром I в 1720 г. и упразднена Екатериной II в 1763 г. при реорганизации сената. «Место бригадирское» обозначает пятый разряд по табели о рангах.

⁷⁷ Печатается по хранящейся в Архиве ГИМ'а (№ 934) копии, написанной четкой писарской рукой на двух страницах большого формата. Судя по названию и началу, рукопись эта является отрывком из более обширной работы Щербатова, которая нами не разыскана. Написана в декабре 1782 г. или январе 1783 г.

⁷⁸ Публикуется с подлинной черновой рукописи, хранящейся в

Архиве ГИМ'а (архив № 934). Рукопись в плохом состоянии, в желтых пятнах, местами истлела и в истлевших местах порвана. На бумаге того же времени и теми же чернилами, но печатным шрифтом написан отрывок этой статьи от начала до слов: «пошел по Спасскому мосту помолиться угодникам божьим в собор». Отрывок озаглавлен: «Не покручинься, господином Собеседник». Этот отрывок и пропуск 17-го и 18-го вопросов, в которых Фонвизин делает резкие выпады против вельмож, а также частые поправки в тексте свидетельствуют может быть о том, что Щербатов собирался послать эту статью в редакцию журнала «Собеседник люб. Рос. слова». Написано во второй половине 1783 г. (август—сентябрь).

⁷⁹ «Собеседник любителей Российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. В Санкт-Петербурге, изданием императорской академии наук», 1783 г.; журнал издавался с июня 1783 г. по сентябрь 1784 г. при Академии наук и на ее счет. Всего за это время вышло 16 книг. Журнал выходил под ред. кн. Е. Р. Дашковой и Екатерины II, печатавшей в нем свои труды: «Записки касательно Российской истории», «Были и небылицы» и др. В III кн. «Собеседника» помещены «вопросы» Фонвизина и ответы на них Екатерины.

⁸⁰ «Дачей» в московском государстве называлось земельное пожалованье, отводившееся дворянину за службу.

До начала XVIII в. дачи «справлялись» в Поместном приказе. В XVIII в. делами, касавшимися землевладения и межевания, ведала Вотчинная коллегия в Москве, где и надо было получать справки о дачах. Указом 2 октября 1782 г. было решено закрыть Вотчинную коллегия, и в 1786 г. ее заменил Вотчинный департамент.

⁸¹ Новиков Николай Иванович (1744—1818) — писатель-публицист либерального, просветительного направления. Принимал участие в работах комиссии для сочинения проекта нового уложения в качестве протоколиста; затем работал в Малой комиссии о среднем роде людей, а также и в Большой комиссии. Издавал и редактировал многочисленные периодические журналы сатирического, научного и религиозного направления: «Трутенъ» — 1769—1770 гг., «Живописец» — 1772 г., «Кошелек» — 1774 г., «Древняя российская вифлиофика», «Утренний свет», «Вечерняя заря» — 1777—1780 гг. и др. С 1779 г. арендовал университетскую типографию, развивал энергичную издательскую и просветительно-благотворительную деятельность (учреждение школ, помощь голодающим и пр.). Заподозренный как масон в сношениях с иностранцами и в связях с Павлом, был арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость, где просидел около 5 лет. Новиков представлял умеренно-либеральное буржуазное течение в русском обществе екатерининской эпохи.

⁸² Библиографам известна «Сказка о славном и храбром рыцаре — витязе Бове-королевиче» (СПб 1791 г.), но они не знают более раннего издания этой сказки, о котором упоминает Щербатов. В. П. Семенников («Книгоиздательская деятельность Новикова и типографической комиссии», ГИЗ, 1921 г.) не называет этой книги среди изданий Новикова.

⁸³ Полностью эта книга называется так: «История о славном рыцаре Златых Ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне»,

переведено с французского Д. М., Москва 1780 г. Напечатано в университетской типографии у Новикова.

Рыцарский роман, предметом которого является описание любви и приключения двух нежных сердец: храброго графа Петра и прекрасной Магелоны.

⁸⁴ Щербатов ошибочно приписывает издание «Арабских сказок» Новикову. «Тысяча и одна ночь — сказки арабские, переведено с арабского на французский г. Голландом, а с сего на российский язык Алексеем Филатовым» вышли в Москве в 12 частях: 1-е изд. — 1763—1771 гг., 2-е изд. — 1776—1784 гг.; но ни В. С. Сопиков («Опыт российской библиографии»), ни В. П. Семенников («Книгоиздательская деятельность Новикова и типографической комиссии», ГИЗ, 1921 г.) не считают Новикова издателем этой книги.

⁸⁵ Имеется в виду Дмитрий Названный.

В своей работе «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» Щербатов сообщает, что во время московского восстания (май 1606 г.) князь Василий Иванович Шуйский предводительствовал восставшим народом и держал в одной руке обнаженный меч, а в другой крест, что символически должно означать борьбу «за веру и для спасения душ своих».

⁸⁶ Печатается с подлинной рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а. Здесь же находится копия этой статьи. Написано в 1786 г.

⁸⁷ Заемные дворянские банки были организованы в 1754 г. в мае в Петербурге и Москве. Одновременно в Петербурге был организован купеческий банк «для поправления коммерции». Суда выдавалась под залог движимого и недвижимого имущества, в том числе крепостных крестьян, в размере от 500 до 10 тыс. рублей. За пользование ссудой взималось 6% годовых. В конце положения об организации банка была приложена «форма о закладе деревни» (П. С. З., т. XIV, № 10235).

⁸⁸ Приказы общественного призрения были организованы в губернских городах по «учреждению для управления губерний» (1775 г.). На каждый губернский приказ правительство жаловало «единожды по 15 000 рублей, из доходов той губернии...». Им дозволялось упомянутые деньги выдавать в виде ссуд из расчета 6% годовых под заклады имущества, с сроком на один год и в сумме не более 1 000 рублей и не менее 500 руб. «в одни руки» (П. С. З., т. XX, № 14392, стр. 271).

⁸⁹ Санкт-петербургский государственный заемный банк для дворянства и купечества был учрежден манифестом от 28 июня 1786 г. Правительство отпускало для раздачи займы дворянству 22 млн. руб. и 11 млн. руб. для кредитования городов. За пользование займом дворяне платили 5% годовых и по 3% в уплату капитала, города — 4% годовых и по 3% в уплату капитала, с таким расчетом, чтобы первые погасили свой долг в течение 20 лет, а вторые — в 22 года. Деньги давались исключительно под залог недвижимого имущества — деревень, «полагая крестьянина в 40 руб., домов, фабричных строений и не меньше 1 тыс. руб. в одни руки. Банку были присвоены все преимущества, данные ассигнационному банку, организованному в 1768 г. (П. С. З., т. XXII, № 16407).

⁹⁰ Как видно из пометки, памфлет этот написан в начале июля 1788 г. Публикуется нами впервые по подлинной рукописи, храня-

щейся в ГАФКЭ (фонд 481, № 75/92, ч. III, Щербатовские сочинения, л. 132—134).

Русско-шведская война (1788—1790) началась совершенно неожиданно для России. Все силы России находились на юге против турок. Петербург был оставлен без всякой защиты. Шведский король Густав III хотел воспользоваться этим обстоятельством, для того чтобы добиться от России возврата всех частей Финляндии, приобретенных по Ништадтскому (1721) и Абоскому (1743) договорам. Для защиты границ правительство поспешно комплектовало новые полки за счет дополнительных рекрутских наборов, зачисления в армию «беспашпортных», церковных причетников и совершеннолетних воспитанников сиропитательных домов. Растерянность и беззаботность правительства в отношении охраны северных границ Щербатов ядовито высмеивает в своем памфлете «О начале шведской войны 1788 г.». К вопросу о шведской войне Щербатов возвращается и в своей статье «Ответ гражданина на речь, говоренную ее императорскому величеству обер-прокурором сената Неклюдовым, по причине торжества шведского мира 1790 г. сентября 5 числа» (т. II, стр. 117—132), а также в статье «Оправдание моих мыслей и часто с излишней смелостью изглаголованных слов» (т. II, стр. 247—268).

Причины недовольства Щербатова этой войной, как и турецкими войнами Екатерины, кроются в частых рекрутских наборах, разорительно отражавшихся на хозяйстве русских крепостников.

⁹¹ Щербатов имеет в виду т. н. «северную войну» Петра I, начавшуюся в 1700 г. и длившуюся до 1721 г. Война закончилась Ништадтским миром (1721 г., 30 августа), по которому Россия приобрела Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и Карелию с частью Выборгского округа и всеми островами Финского и Рижского заливов.

⁹² Русско-шведская война при Елизавете Петровне (1741—1743) закончилась Абоским миром (1743 г., 16 июня), по которому Швеция уступила России провинцию Кюменгорскую с Нейшлотом, Вильманстрандом и Фридрихсгамом; границей была установлена река Кюмень.

⁹³ *Миллер* — генерал-майор; в 1763—1773 гг. заведывал поселениями отставных солдат в Казанской и Оренбургской губерниях.

⁹⁴ Печатается по подлинной рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934), написано в июне 1790 г.; как видно из содержания рукописи, статья эта написана Щербатовым в связи с предложенным проектом о вступлении дворян в купцы, на который московский губернский прокурор Колычев М. П. (1755 — 1795) написал официальное заключение. Нам к сожалению не удалось установить, кто был инициатор и автор этого проекта, а также найти заключение Колычева, хотя Щербатов, как видно из его сочинения, имел их в своем распоряжении (социальный анализ содержания этого сочинения см. в предисловии).

⁹⁵ Под «первым правительством государства» Щербатов имеет в виду сенат, членом которого он был назначен в 1778 г. В публикуемой нами автобиографической статье «О себе» Щербатов подробно останавливается на причинах своих служебных неудач. К вопросу о роли сената в государственном управлении и его правах Щербатов возвращается во всех своих значительных произведениях,

написанных после 1775 г., т. е. после «губернских реформ» Екатерины II (см. примечания 19 и 67).

⁹⁶ Под «единым разумным писателем» Щербатов имеет в виду французского аббата Куайе, книгу которого «Торгующее дворянство» перевел на русский язык Фонвизин в 1765 г. Перевод озаглавлен: «Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество? С прибавлением особого о том же рассуждения г. Юстия».

Первая часть книги полемическая. Полемика направлена против маркиза де Ласси — автора книги «Военное дворянство». Дав резкую критику рассуждений и выводов «храброго», но беспочвенного и одержимого сословными предрассудками дворянина, аббат Куайе выступает страстным защитником торгующего дворянства. Вот почему обуржуазившееся английское дворянство встречает самый теплый и восторженный отзыв на страницах его книги. «...В Англии, — пишет он, — более шести тысяч дворян имеют доходы по десяти тысяч фунтов, и сто тысяч дохода тамо не считается за редкость. Вот плоды купечества, древа неисчерпаемого плодоносия» (стр. 576). Куайе мрачными красками рисует экономическое состояние французского дворянства: «...Смотрите на хлевы без скота, на сию худую пашню или на сию невспаханную землю... на замок, угрожающий господину своим падением; на семью, не имеющую ни воспитания, ни одежды... К чему служат сии знаки чести, бедностью униженные, сии древности изгрызанные гербы?...» «Для спасения дворянства, — продолжает он, — от совершенной гибели дадим ему купечество, в котором найдет оно содержание и исправление земель своих, умножение имения, укрепление права своего, безопасность своих преимуществ, почтение вассалов своих, воспитание и произведение детей своих. Что же к сему употребить должно? — Богатство. Купечество оное доставляет» (стр. 575—576). По мнению Куайе, дворянская торговля создает в государстве «пространнейшую пашню, многочисленнейшее людей разможжение, полезнейшие расходы и сильнейший флот» (стр. 579). Важно заметить, что деятельность Петра I по развитию торговли в России находит высокую оценку на страницах книги Куайе (Куайе нами цитируется по «Полному собранию сочинений» Фонвизина, под ред. Б. А. Ефремова, 1866 г.).

⁹⁷ Нидерландская революция (1566—1588) — первая буржуазная революция в Европе. В результате длительной и кровопролитной войны нидерландская крупная торговая буржуазия при помощи Англии освободилась от испанского владычества, создав совершенно новый для Европы XVI—XVII вв. тип буржуазного общества.

⁹⁸ Те списки дворян, которые Щербатов называет «десятиными книгами», именовались в старину «десятьями» и составлялись по разным поводам по уездам (для каждого уезда свои «десятьни») с указанием поместных (т. е. земельных) и денежных окладов каждого отдельного дворянина, с описанием его вооружения и определением служилой годности и пр.

⁹⁹ Главный магистрат был организован Петром I в 1721 г. при вторичном преобразовании центрального и областного управлений. Городовые магистраты были организованы в 1724 г. Глава IV Регла-

мента, или устава Главного магистрата, озаглавлена: «О собрании выбывших из слобод» (П. С. З., т. VI, стр. 292—293). Цитируемые слова и взяты Щербатовым из этой главы.

¹⁰⁰ Указ сената от 25 февраля 1790 г. озаглавлен: «О допущении к казенным подрядам и откупам тех только купцов, чины имеющих, которые пользуются купеческим правом и состоят в гильдиях». Отсюда и взяты цитируемые слова Щербатова (П. С. З., т. XXIII, № 16838).

¹⁰¹ Указом от 2 декабря 1766 г. Екатерина II отдавала на откуп «питейные сборы в С.-Петербурге и Москве» обер-директору Семёну Роговику с товарищами — бр. Угримовыми и Папанелопула. «Сверх сего, — сообщалось в указе сената, — означенных Роговикова, Угримовых и Папанелопула, за оказанное ими при торгах в пополнении государственного дохода усердие, е. и. в... пожаловала чинами: Роговикова — надворным советником, а Угримовых и Папанелопула — коллежскими ассессорами» (П. С. З., т. XVII, № 12794).

¹⁰² В «жалованной грамоте благородному Российскому дворянству» (изданной в апреле 1785 г.) в разделе «В» — «Наставление для сочинения и продолжения дворянской родословной книги в наместничестве» — в § 78 (военное дворянство) сказано: «Военное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в именном указе блаженной и вечно достойной памяти государя императора Петра первого 1721 года генваря 16 дня узаконено сими словами: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство» («Жалованная грамота», СПб 1817 г., стр. 18).

¹⁰³ Цитируется из раздела «А» — о личных преимуществах дворян».

¹⁰⁴ § 78 городского положения находится в разделе «Г» — «Доказательства состояния городских обывателей» и озаглавлен: «Доказательства состояния суть». Из этого параграфа Щербатов и цитирует пункты 12 и 25. Параграф 92 цитируется из раздела «Е» — «О гильдиях и гильдейских выгодах вообще».

¹⁰⁵ §§ 27, 28, 30, 32 и 33 взяты из раздела «А» — «О личных преимуществах дворян».

¹⁰⁶ Манифест от 28 июня 1782 г. о распространении права собственности владельцев на все произведения земли, на поверхности и в недрах ее содержащиеся, был издан по случаю двадцатилетия царствования Екатерины II. Он ставил своей целью развитие производительных сил страны и предоставлял целый ряд льгот торговко-промышленной буржуазии и помещикам. Для «оживотворения» и «ободрения» фабрично-заводского производства и рукоделий правительство предоставляло «каждому в собственных его землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы», за что каждый помещик или хозяин, или содержатель завода... обязан в казну платить ежегодно десятую долю из сих выплавленных им металлов» (П. С. З., т. XXI, № 15447).

¹⁰⁷ Книга «Военное дворянство», или «Французский патриот», маркиза де Ласси, была издана во Франции в 1756 г. В ней он отрицательно смотрит на вступление дворян в торговлю и необычайно идеализирует «военную славу», «честь», «гордость» и другие дворянские предрассудки. В развитии торговой деятельности дворян-

ства де Ласси справедливо видел источник разрушения монархии, опирающейся на дворянство. Щербатов в своих конечных выводах полностью солидаризуется с автором книги «Военное дворянство» (см. примечание 96).

¹⁰⁸ В своем произведении «Размышление о законодательстве вообще» Щербатов так отзываясь о политическом устройстве Англии: «Но нигде толь не цветет народная вольность под тенью монархических властей, как в Англии; там высшую власть, ограниченную законами, имеет король; верхняя камора парламента вельможную власть представляет, а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляет власть народную; и все сии три власти в беспрепятственных прениях между собою по раздельным их частным пользам связаны непреборимыми узами, равными стопами к благу общему шествуют» (Соч., т. I, стр. 385—386). И еще: «...Англия, не смотря, что имеет короля, есть правления республики...» (там же, стр. 386).

¹⁰⁹ Бурные прения в екатерининской комиссии «для сочинения нового уложения» (1767 г.), где Щербатов был депутатом от ярославского дворянства, оставили у автора дурные воспоминания. Все выступления Щербатова в комиссии были проникнуты крепостническими взглядами и узкосословными интересами.

Щербатову чрезвычайно не нравились монопольные притязания торговой буржуазии и требования привилегий представителями нового служилого дворянства. В своей статье «Размышление о законодательстве вообще», останавливаясь на работе комиссии, он пишет: «...Там некоторые казаки и крестьяне предложениями своими почти и воздух, дышущий у дворян и купцов, хотели отнять; там купцы старались распространить свои права с ущербом прав дворян и земледельцов...». Но эти прения, по мнению Щербатова, были грязью, «из которой можно было много золота получить...» (Соч., т. I, стр. 361—362).

¹¹⁰ Беседа седьмая перевода Щербатова «Естественная политика, или беседы о истинных основаниях Правления» озаглавлена: «О политике вообще», § 15 — «Она (политика) должна учинять людей государственных». Из этого параграфа и взяты Щербатовым цитируемые слова.

¹¹¹ Щербатов имеет в виду Кучук-кайнарджийский мир между Россией и Турцией, заключенный 10 июля 1774 г. По этому трактату Россия приобрела право свободного мореплавания во всех водах Черного и Средиземного морей. «Для выгодностей и пользы обеих империй, — говорится во II артикуле, — иметь быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям... во всех морях, их земли омывающих... приставать ко всем пристаням и гавани, как на Черном, так и на других морях лежащие, включительно и Константинопольские» (П. С. З., т. XIX, № 14164).

¹¹² Печатается по подлинной рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а. Время написания неизвестно. Как видно из содержания, диалог этот не окончен; продолжения его мы нигде не обнаружили.

¹¹³ Печатается с копии, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934).

¹¹⁴ Печатается с подлинной черновой (с многими исправлениями) рукописи, хранящейся в Архиве Гос. ист. музея (архив, № 934). Ру-

копись в хорошем состоянии. На первой странице рукописи сверху теми же чернилами рукою Щербатова были написаны, а затем зачеркнуты слова: «Реестр, у кого из крестьян взять их рожь и отдать мою в селе Симине»; ниже сбоку с левой стороны «У Костянтин» тоже зачеркнуто. Затем следует дата: «1761 году иуния 11 дня».

¹¹⁵ Печатается с подлинной черновой рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934). Рукопись в хорошем состоянии, пометки незначительны. Стихи, вычеркнутые Щербатовым, мы восстанавливаем в примечаниях.

¹¹⁶ Печатается с подлинной черновой рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934), в 1^о; лист снизу справа до середины оторван, текст не поврежден. На поле слева рукою Щербатова сделана пометка: «Т. VII, кн. II».

¹¹⁷ Печатается с подлинной черновой рукописи, хранящейся в ГАФКЭ (ф. 481, № 74—91, бумаги Д. И. Шаховского).

¹¹⁸ Печатается с подлинной черновой (с поправками) рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а.

¹¹⁹ Печатается с подлинной черновой рукописи, хранящейся в Архиве ГИМ'а (архив, № 934). Рукопись в хорошем состоянии. В тексте встречаются многочисленные поправки рукою Щербатова. Они носят исключительно стилистический характер, поэтому мы их не оговариваем. Написано в 1785 (?) г. по случаю издания указа Екатерины II о запрещении ростовщикам брать более 5% годовых за денежные ссуды.

¹²⁰ *Гарпагон* — главное действующее лицо в комедии Мольера «Скупой».

¹²¹ Печатается с подлинной черновой рукописи, хранящейся в ГАФКЭ (фонд 481, № 74—91, бумаги Д. И. Шаховского).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>От Государственного Исторического музея</i>	III
<i>П. Любомиров, Князь Щербатов и его сочинения</i>	VI
Записка по крестьянскому вопросу	3
Замечания Щербатова на Большой Наказ Екатерины	16
Мнение о поселенных войсках	64
О отставных солдатах и о детях их	84
Письмо о отпущенных на волю господских людях	86
Замечания на „Учреждение для управления губерний Всероссийские империи“	90
О супружестве российских царей	100
О себе	112
Начало военного правительствa	119
Не покручинься, господине „Собеседник“	121
Оправдание умерения законами росту	128
О начале шведской войны 1788 года	135
„Разсмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы“	139
Умной разговор	159
Ода	165
Уединенну жизнь хоть многие хвалили	172
Какая сильна буря веет	174
Слышал я	178
Оставь ты суету	179
Божественный жар	181
Эпистола к [Г]арпагону	183
Баснь	185
<i>Примечания</i>	190

87289